

Разговор в аду между МАКИАВЕЛЛИ и МОНТЕСКЬЕ

Санкт-Петербург
2004

Эта книга, впервые увидевшая свет в 1864 году, одна из редчайших и удивительных в мире. В художественной и легкодоступной форме она повествует об исторических, философских и мировоззренческих проблемах.

Макиавелли (1469–1527), автор книги «Государь», встречается в царстве теней Монтескье (1689–1755), написавшего «Дух законов», и на протяжении 25 разговоров пытается убедить его в том, что ему как правителю, знающему изощренные методы захвата власти, было бы нетрудно подчинить насилию народ любого государства, основанного на институтах современной демократии.

Дух законов в демократическом государстве против злого духа в тоталитарном государстве — этот спор между политическими антиподами нисколько не утратил актуальности в наше время.

Перевод с немецкого ООО «МК-Трейд»

Охраняется законом об авторском праве

Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей этой книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Морис Жоли.

Разговор в аду между Макиавелли и Монтескье / Перевод с немецкого «МК-Трейд»; Санкт-Петербург, 2004 г., 232 стр.

ISBN 5-8110-0078-2

© Издание на русском языке издательство «МК-Трейд», 2004 г.

© Перевод «МК-Трейд»

© Оформление М. Л. Черненко

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1979 г.	11
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1948 г. ..	15
ПРИМЕЧАНИЕ К ИЗДАНИЮ 1968 г. ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДОЙЧЕ ТАШЕН- БУХ ФЕРЛАГ»	19
ПРЕДИСЛОВИЕ М. ЖОЛИ К БРЮССЕЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ 1864 г. ..	20

Разговоры	
Макиавелли (1469–1527) встречает в царстве теней Монтескье (1689–1755); на протяжении 25 вымышленных разговоров создатель книги «Государь» пытается убедить автора книги «Дух законов» в том, что ему было бы нетрудно подчинить насилию современного деспота правовое государство, основанное на победившей просветительской идеологии и укрепленное демократическими институтами	

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разговор первый	21
Насилие предшествует праву Макиавелли начинает разговор защитой тезиса о том, что всякая успешная политика основана на принципе господства при помощи коварства и насилия — Он славит деспотизм как лучшую форму правления	
Разговор второй	28
Победа разума над властью насилия Монтескье отвечает: политика обязана основываться на принципах морали — восстановление деспотизма в условиях развитого правового государства невозможно	
Разговор третий	32
Принципы правового государства Идея правового государства выводится из принципа равенства всех граждан — Государственная власть ограничивается государственным правом — Правовой порядок обеспечивается принципом разделения власти	

Разговор четвертый	4 0
Воля народа	
Макиавелли замечает: принцип суверенитета народа таит в себе немалую взрывчатую силу — Политика уравнивания властных функций не в состоянии ликвидировать классовые противоречия (богатые — бедные) — Суверенитет народа способен нарушить любую стабильность и привести к революции и анархии	
Разговор пятый	4 7
Вера в разум народа	
Монтескье настаивает: сила правового государства — в вере в моральные убеждения и единодушную приверженность высоким ценностям завоеванной свободы	
Разговор шестой	5 3
Преимущества либерального государства	
Государственный порядок основывается на принципе суверенитета народа — Все государственные органы обязаны способствовать всеобщему процветанию. Это обеспечивает беспрепятственное развитие промышленности	
Разговор седьмой	5 8
Современный деспот и его шансы	
Макиавелли утверждает обратное: власти всех институтов правового государства недостаточно, чтобы предотвратить возникновение современной деспотии — Общественным мнением можно манипулировать — В руках деспота государственные институты превращаются в средства насилия	
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Макиавелли берет дискуссию в свои руки	
Разговор восьмой	6 5
Захват власти	
Использование кризиса для совершения государственного переворота — Соппротивление сломит террор — Меры, служащие росту популярности диктатора, и показное признание принципов правового государства	
Разговор девятый	7 5
Лишение парламента власти	
Захват власти легализируется путем плебисцита — Проект собственной конституции, которую народ должен одобрить — Парламент лишается власти путем сведения его полномочий к приятию законов, предлагаемых диктатором	

Разговор десятый	84
Изменение функций сената	
Контрольная функция сената заменяется одобренной народом, но удобной исключительно диктатору конституцией; сенат становится органом, санкционирующим любое изменение диктатором существующего законодательства	
Разговор одиннадцатый	94
Ограничение свободы печати	
Основание новых газет критического направления без особого разрешения запрещено, существующие газеты ограничиваются цензурой, нарушения подавляются противозаконным преследованием — Запрет сообщений о внутрипартийных интригах	
Разговор двенадцатый	103
Пресса как опора деспотического господства	
Верные правительству газеты, которые следует создать, делятся на официальные, официозные и якобы независимые — Контроль за формированием общественного мнения во всех сферах, прикрываемый мнимой свободой печати	
Разговор тринадцатый	114
Ограничение свободы собраний и правосудия	
Свободные союзы и ложи преобразуются для контроля за их деятельностью — Для актуализации «запылившихся» законов «чрезвычайного положения» инсценируются беспорядки — Упраздняется чувство ответственности судебных путем отставки старых и заслуженных судей	
Разговор четырнадцатый	124
Юстиция как орудие властей	
В качестве опоры государственной власти систематически используется консервативная принципиальная установка верховных судов при вынесении приговоров общего характера	
Разговор пятнадцатый	131
Манипулирование свободными выборами	
Кандидатуры выдвигаются только в случае принесения присяги правителю. Выдвижение подкупленных кандидатов — Необоснованные предвыборные обещания верных правительству кандидатов — Оппозиция подавляется путем раскола	
Разговор шестнадцатый	139
Устранение критически настроенной интеллигенции	
Свобода преподавания уничтожается путем зачисления преподавателей на государственную службу — Равным образом путем введения определенных условий допуска уничтожается свобод-	

ная адвокатура — Союз с церковью под угрозой отделения государственной церкви от Рима

Разговор семнадцатый 148

Создание всеобъемлющего полицейского аппарата

Введение многоступенчатой тайной полиции, начиная с осведомителей — Нарушение тайны переписки с целью получения тотальной информации — Создается тайная политическая полиция для преследования и запугивания инакомыслящих — Ужесточение наказаний — Применение пыток

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разговор восемнадцатый 157

Обязательная гласность финансового положения государства

Монтескье излагает: принцип общественного контроля за государственными финансами устраняет возможность их использования для создания деспотического режима

Разговор девятнадцатый 165

Соккрытие государственного бюджета

Макиавелли, напротив, полагает, что злоупотребление гласностью способно в достаточной мере затемнить истинное расходование средств

Разговор двадцатый 175

Незаметное увеличение бюджета

Необходимого увеличения бюджета самым незаметным образом можно достичь путем введения «чрезвычайного» экономического положения — Аферы с финансированием — Возможная озабоченность по поводу растущего государственного долга снимается путем подчистки баланса

Разговор двадцать первый 185

Введение монополии на финансы

«Консолидация» задолженности достигается при помощи выпуска государственных займов и ограничения обязательств по ним — Создание правительственных банков и наступление на биржу

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Разговор двадцать второй 194

Укрепление власти при помощи блестящих успехов

Народ воодушевляется победоносными войнами, материальное положение пролетариата якобы улучшается показными мерами

Разговор двадцать третий	201
Высшая ценность — престиж государства	
Создание профессиональной армии — Строительство колоссальных сооружений к вящей славе государства и деспота — Хлеб, зрелища и ордена для всех — Гражданин получает новый смысл жизни как слуга государства	
Разговор двадцать четвертый	211
Самодержец в зените власти	
Пышное появление деспота ослепит народ, и самодержцу будут воздаваться божеские почести как центральной фигуре культа личности	
Разговор двадцать пятый	220
Либеральные реверансы	
Парламент получает разрешение приносить повелителю поздравления по случаю Нового года — Незначительное ослабление контроля за губернаторами провинций	
Конец беседы	
Макиавелли: «Это все не сон. Все совершено. Все это уже существует»	
Монтескье: «Великий Боже, и Ты это допустил...!»	

1948. Первое немецкое издание, в издательстве «Рихард Майнер», Гамбург, под названием «Разговоры в загробном царстве между Макиавелли и Монтескье».

1968. Сокращенное лицензионное немецкое издание под названием «Власть против разума» в «Дойче Ташенбух Ферлаг» с предисловием д-ра Иохима Кристиана Хорна.

1979. Повторное издание 1948 г. с предисловием д-ра проф. Герберта Вайхмана.

**Разговор
в аду
между
МАКИАВЕЛЛИ
и МОНТЕСКЬЕ**

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1979 г.

Дух законов в демократическом государстве против злого духа власти в государстве деспотическом — плодотворна и актуальна ли сегодня хоть в каком-то политическом отношении эта принципиальная дискуссия, изложенная в форме беседы между Макиавелли и Монтескье? Не хотелось бы положительно отвечать на этот вопрос в том смысле, в каком принято отвечать на него, рассматривая каждое историческое исследование как необходимый элемент понимания настоящего или прогнозирования будущего. Положительный ответ возможен в ином смысле.

Опубликованная Жоли в 1864 г. дискуссия между двумя политическими противниками, не имевшая места в действительности, но достоверно основанная на трактате Макиавелли «Государь» 1573 г. и посвященном философии права и науке о государстве труде Монтескье «Дух законов» 1748 г., не утратила и в наше время своей актуальности. Минувшие и самые современные процессы нашей политической обстановки дают еще больше оснований придавать огромное значение дискуссии о добром или злом духе процессов развития в нынешних государственных структурах у нас или у наших соседей.

Прежде всего: дух деспотизма, персонифицированный в образе мышления и фигуре Макиавелли, жив и по сей день.

В 1948 г., после появления книги на немецком рынке, мы еще могли успокаивать себя тем, что деспот не только, как говорил Макиавелли, за 20 лет может подчинить нацию тирании, но и тем, что его искусства править хватило лишь на 12 лет, а затем его сменила такая форма государства, в которой воскрес дух законов — точно так, как это логично доказывал своему оппоненту Монтескье. Тем не менее, ни в коем случае не следует вместе с Гитлером отправлять в мусорное ведро дух тирании или возможность существования других деспотических государственных структур; напротив, они пока в полном здра-

вии. Мысль о власти захватила умы некоторых наших соседей и представляет существенную угрозу для нас, немцев. Там и сегодня царят повсеместно могильный покой и диалектика диктатуры, лишь изредка нарушаемые голосами диссидентов и апеллированием к правам человека. Слова и идеи, вкладываемые Жюли в уста Макиавелли, утонченная фальсификация понятий, апофеоз самоуправства, подрывные методы проникновения, сама политическая тактика Макиавелли являются неизменной составной частью политики некоторых граничащих с нами европейских государств, находящихся в непосредственной географической близости, не говоря уж о более удаленных странах. Политика разрядки, которую мы ведем в отношении этих государств, сама по себе необходима, однако она не в состоянии изменить ни образа мыслей тамошних жителей, ни их длительной духовной агрессии.

Может ли противостоять таким намерениям и их опасности возросшее понимание ценностей демократического правления, понимание необходимости укрепления и защиты демократических институтов в духе Монтескье?

Когда в 1948 г. у нас появились «Разговоры...», мы пережили возрождение подлинно демократического сознания и активно работали над восстановлением свободы личности и основополагающих человеческих ценностей.

Этому соответствовала структура государства. Государство получало лишь ограниченную власть, и она осуществлялась институционно, в соответствии с принципом разделения властных функций, исполнительными, законодательными и независимыми судебными институтами. Свобода индивидуума с одной стороны и государства с другой ограничивалась конституцией.

Теперь, тридцать лет спустя, можно задаться вопросом, соблюдаются ли эти границы и не обозначились ли недостатки первоначального устройства, делающие функционирование нашего институционного государства менее эффективным или по меньшей мере дискредитирующие его, что может привести к ослаблению государства, являющемуся, как о том говорил своему оппоненту Макиавелли, неизбежным этапом при переходе к абсолютизму. В конце концов, в аргументации Монтескье главным совершенно очевидно являются не логика или убежденность в разумности правителей и подданных, а принцип надежды. В своем предисловии Жюли формулирует это следующим образом:

«Но жива еще общественная совесть, и небо вмешается в один прекрасный день в игру, которая ведется против него».

Ясно, что принцип надежды состоит в обращении истории к праву, но в разное время это обращение может привести и к хорошему, и к дурному, а сейчас целый ряд признаков свидетельствует о том, что в нашей демократической стране ведется игра с целью вытеснения прежнего демократического соглашения, подчинения демократического порядка разного рода интересам, а также с целью парализовать способность принимать решения у призванных к тому исполнительных и законодательных властей. Можно привести здесь лишь несколько примеров.

Предусмотренная нашей конституцией репрезентативная демократия фальсифицируется, когда политическим партиям, а внутри них так называемому базису фактически предоставляется право принятия решения, что связано с представлением о праве решающего голоса, что, в конце концов, превращает парламентариев в передаточное звено, а носителей исполнительной власти в простых исполнителей.

Другим способом воздействия на процесс принятия решений созданными на конституционной основе органами является растущее число и усиливающееся влияние гражданских инициатив и различных непартийных организаций. Разумеется, в конкретных областях и до определенной степени они совершенно необходимы и законны, однако не имеют никакого права превращаться в некое подобие плебисцита, понятие о котором отцы-законодатели благоразумно не заимствовали из Веймарской конституции. Каждой позиции, основанной на специфической заинтересованности, в нашем плюралистическом обществе противостоит другая, столь же законная позиция; следовательно, должна существовать власть, стоящая над ними и ориентированная на общественные интересы, и она должна не просто существовать, а быть действенной. Это справедливо как для вопроса об использовании атомной энергии, так и для вопроса о строительстве местной окружной дороги, но слишком широкий спектр подобных задач приводит к патовой ситуации. В понятии «больше демократии» таится опасность чрезмерной демократичности, при которой в плюралистическом обществе все и каждый чувствуют призвание править страной, а в результате сфера деятельности созданных на конституционной основе институтов ограничивается или вообще сходит на нет. Это не зафиксированное законодательно, но практикуемое притязание на соправление наносит ущерб принципу разделения власти и приводит к тому, что определяемое не может быть определено, поскольку право подменяется тем, что каждый считает своим правом.

В-третьих, предусмотренная нашей конституцией свобода не есть свобода от границ или обязанностей. Свобода не есть воляница. В частности, должно ограничивать свободу тех, кто стремится лишить свободы нас. Семантическая война, ведущаяся при помощи фальсифицированных понятий, таких аргументов, как запрет на профессию, террор потребления, репрессивная свобода, отчуждение человека человеком, — это просто завеса из громких слов, за которой на самом деле таится не социально-экономический анализ, а попытка изменения системы, имеющей своей целью деградацию наших институтов, что отчасти уже наглядно и успешно происходит в наших собственных университетах. Так или иначе, но у истоков этого процесса стоит Макиавелли.

Заключение: наша демократия привела к образованию такого общества, при котором социальное государство превратится в государство тотального снабжения под девизом: государство за все и всех, никто за себя или для всех. Но в этом случае, с одной стороны, в заднюю дверь проникает представление о тотальной ответственности государства, а, с другой стороны, над парадным входом прибывают плакат «Больше демократии». В результате, хоть тотального государства пока и не возникает, тем не менее, возникающий хаос на долгое время становится питательной почвой для возникновения разного рода идеологий, утопий и тоски по освободителю, каковым с удовольствием стал бы Макиавелли. Разумеется, это не все, а лишь немногие проблемы нашей современной ментальной организации, когда конституционные права и конституционная действительность приобретают тенденцию к расхождению. На странице 67 книги Макиавелли говорит своему оппоненту:

«Ну, так попробуйте в вашем до основания прогнившем обществе, в котором каждый живет в сфере своих материальных интересов и эгоизма, попробуйте опросить большинство, и со всех сторон вы получите в ответ: Что за дело мне до политики? Какое мне дело до свободы? Не все ли равно: что то правительство, что это?» Именно об этих вещах и идет речь. И именно поэтому сей диалог в загробном мире не есть беседа теней в вечной тьме, но тот диалог, что мы ежедневно ведем сами с собой, поскольку ежедневно появляются новые причины к нему и к тому, чтобы призадуматься о возможностях сохранения нашего свободного общественного порядка.

Гамбург, апрель 1979

Герберт Вайхман

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1948 г.

Эта книга, впервые публикуемая в немецком переводе, и по содержанию, и по своей особенной судьбе — одна из удивительнейших и редчайших в мировой литературе. Она анонимно появилась в Брюсселе в 1864 г. в издательстве «А. Мертан и сыновья» под названием «Беседы в преисподней между Макиавелли и Монтескье, или политика Макиавелли в XIX веке в изложении современника». Вторично она была напечатана в Брюсселе в 1868 г. без указания издательства или типографии, но с пометкой «новое издание». В этом издании под словами «в изложении современника» в скобках указано имя автора (Морис Жоли). Во Франции это весьма распространенная фамилия, и начиная со средневековья мы обнаружим в энциклопедиях множество Жоли (или Жолли), принесших славу этому имени. Большая энциклопедия сообщает о Морисе Жоли следующее: «Жоли (Морис), французский писатель, родился в 1821 г. в Лон-ле-Сомье, скончался в Париже 16 июля 1878 г., адвокат Парижской коллегии адвокатов, секретарь принцессы Матильды (одной из кузин Наполеона III, дочери Жерома Бонапарта, некогда короля Вестфалии, и его супруги Катарины фон Вюртемберг), автор одного из самых злых памфлетов против Империи: “Беседы в преисподней между Макиавелли и Монтескье” (Брюссель, 1864), который навлек на него, несмотря на широкую известность, пятнадцатимесячное тюремное заключение и штраф в 200 франков. К концу Империи Жоли становится одним из самых ярких и популярных ораторов на всевозможных собраниях, и после 4 сентября (1871) пытается получить пост в новом правительстве. Это ему не удается. Он становится сотрудником “Либерте” и различных других газет, в которых публикует статьи против левых республиканцев. В конце концов кончает самоубийством».

Совершенно очевидно, что автору этой статьи книга Жоли неизвестна. В противном случае он никак не мог бы назвать

ее памфлетом: упрек такого рода Жоли категорически отвергает в предисловии. Тот, кто прочтет эту книгу, убедится сам, что это вообще не полемическое сочинение, не злободневная, ставящая перед собой определенные задачи книга, но значительное философское произведение, основательное и элегантно, написанное с глубоким знанием дела и поистине необъятной широтой охвата, превосходящее многие великие книги, в художественной форме повествующие о философских и мировоззренческих проблемах.

Тем не менее, несмотря на два издания, книга вскоре была настолько забыта, что даже серьезный ученый Рудольф Хирцель не упоминает этот диалог в своем большом двухтомном труде о диалогах и их истории от античности до наших дней, вышедшем в 1895 г. В этом исследовании тщательно собраны все произведения в жанре диалога, но Жоли там нет, хотя в последней главе Хирцель пишет о том, что в современную литературу вновь входит жанр бесед в загробном мире. Вместо того, чтобы в качестве художественного произведения оказывать на умы то воздействие, которого от нее ожидал автор, книга использовалась в совершенно иных целях, для которых как раз потому и подходила, что никто о ней не помнил.

Неизвестные авторы знаменитых «Протоколов Сионских мудрецов» позаимствовали из этой книги столько цитат из речей Макиавелли, что они занимают в общей сложности около пятидесяти печатных страниц; они вставили их в служащий их собственным целям текст, в котором эти слова приобретают иной смысл. Из высказываний осовремененного Макиавелли, образа значительного и искусно созданного Морисом Жоли на основании глубокого изучения сочинений реального Макиавелли, сделаны стенограммы речей, которые якобы ведут на своих тайных заседаниях иудеи, стремящиеся поработить мир. Но даже в этом шутовском наряде, переведенные на русский, а с него на все языки мира, мысли, облеченные Жоли в выразительное слово, сохраняют свою восхитительную силу и уже почти двадцать лет воздействуют на умы, причем никто не подозревает об источнике, из которого позаимствованы самые захватывающие места сомнительных «Протоколов», о том мастерском воплощении политической теории и ее практического применения, о котором сам автор писал: «Небо вмещается в один прекрасный день в игру, которая ведется против него».

В августе 1921 г. в лондонской «Таймс» появилась серия из трех статей, которые затем поступили в продажу в виде самостоятельного сочинения под названием «Правда о Про-

токолах: литературная подделка». Их автором был корреспондент «Таймс» в Константинополе, которому попала в руки французская книга, принадлежавшая прежде офицеру русской тайной политической полиции — охранки. Она была зачитана и затрепана. Титульный лист отсутствовал. Основываясь на дате введения (Женева, 15 октября 1864 г.), он назвал книгу «Женевские диалоги». В них обнаружилось так много совпадений с протоколами Сионских мудрецов, которые случайно были прочитаны им в английском переводе незадолго до этого, что он решил заняться этим делом вплотную. Очень скоро был установлен как автор диалогов, так и многочисленные буквальные заимствования из них в Протоколах.

С тех пор имя Мориса Жоли живет вновь, но только в литературе, возникшей в борьбе за и против этих якобы протоколов. Его сочинение хранилось в некоторых библиотеках и частных собраниях. Обладавшие им берегли его как зеницу ока. Широкой публике оно по-прежнему оставалось неизвестным.

Тем не менее для понимания истории европейской политики и судеб европейских держав оно могло иметь то же значение, что глава Достоевского о Великом инквизиторе для понимания истории христианства и церкви. Если величие Достоевского состоит в том, что он приводит к пониманию собственной правоты и оправданности своих намерений представителей обеих сторон — вновь пришедшего в мир Христа и Великого инквизитора, — то в этом Морис Жоли равен ему. Хотя его сердце и разум и привержены идеалам свободы и справедливости, за которые выступает его соотечественник Монтескье, он все же создает великолепную фигуру Макиавелли, защищающего и обосновывающего деспотизм в современной форме, с не меньшим увлечением и большим мастерством, придавая этой фигуре демоническую и мрачную величественность, в сравнении с которыми бледнеют человечность и либеральность Монтескье, тускнеет его идеал возвышенного образа мыслей, некогда сверкавший на европейском небосклоне, а ныне гибнущий в смертельной схватке, которую эта книга предсказала шестьдесят лет тому назад.

Чтобы охарактеризовать ту важную в политическом отношении эпоху, для которой предназначалась его книга и на которую она должна была влиять, Жоли предпосылает своему сочинению на титульном листе две следующие цитаты из трактата Монтескье «Дух законов»: «Вскоре мы заметим, как ужасающе тихо стало вокруг, и в этой тишине все объединится против власти, угнетающей право».

«Когда Сулла вознамерился вернуть римлянам свободу, они были не в состоянии выдержать ее». Это предисловие пишется в пору, когда господство Гитлера над Германией достигло апогея. Для этого ему понадобилось двадцать лет, с 1918 по 1938, и сбылись слова Макиавелли из этой книги: «Дайте мне не более чем двадцать лет, и я полностью изменю неукротимейший характер любой европейской нации и подчиню ее тирании, как какой-нибудь мелкий азиатский народец». Потом — по словам Монтескье — вокруг стало ужасающе тихо, и в этой тишине все объединились против власти, изнасиловавшей права всех и каждого. Началась война, и «небо вмешалось в игру, которая велась против него».

Тоталитарное государство, основанное на модернизированном макиавеллизме, потерпело полный крах, и вот мы стоим перед вопросом: возможно ли вновь оживить в этом мире и нас самих, прошедших через такое, дух Монтескье? Для этого необходимо постичь его, и его противников, а затем популяризировать добытые знания, и этой цели послужит книга, которую я предлагаю вниманию широкой публики в двухсотлетнюю годовщину появления «Духа законов» в 1748 г.

Иена, июнь 1948 г.

Ханс Ляйзеганг

ПРИМЕЧАНИЕ
К ИЗДАНИЮ 1968 г. ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ДОЙЧЕ ТАШЕНБУХ ФЕРЛАГ»

Всеобъемлющее и информативное изложение значения, которое в XX веке приобрели для распространения антисемитизма фальсифицированные «Протоколы Сионских мудрецов», дает Норман Кон в своей книге «Ордер на геноцид», в немецком переводе «Протоколы Сионских мудрецов. Миф о всемирном еврейском заговоре», Кельн, 1969 (Кипенхойер и Вич). Реконструируя историю создания «Протоколов», Кон опирается на богатый материал, бывший еще недоступным Ляйзегангу. В этой связи, прежде всего, следует назвать важную работу Анри Роллена «Апокалипсис наших дней. Изнанка немецкой пропаганды в свете новых документов», Париж, 1939. Уцелевшая в немногих экземплярах книга — предназначенные для торговли экземпляры были в 1940 г. конфискованы немцами — не только подробно рассказала об имеющей большие последствия фальшивке, но и сообщила исчерпывающие сведения о Жоли и его книге. Роллен ссылается на первый немецкий перевод диалогов, появившийся в Лейпциге в 1865 г. в издательстве «Отто Виганд» и неизвестный Ляйзегангу. Непосредственное политическое значение «Протоколов» вплоть до самого недавнего прошлого явствует из книги Германа Раушнинга «Разговоры с Гитлером», Цюрих, 1940, с. 224 и далее. Гитлер заявляет буквально следующее: «В свое время я был поистине потрясен, прочитав «Протоколы Сионских мудрецов».

Я немедленно понял, что это мы должны взять за образец, на свой лад, разумеется». Вопрос о том, не фальшивка ли «Протоколы», его вообще не интересовал. В своих целях он «до мелочей подробно изучил эти протоколы».

Иохим Кристиан Хорн

ПРЕДИСЛОВИЕ М. ЖОЛИ К БРЮССЕЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ 1864 г.

Идеи, изложенные в этой книге, можно применить к любому правительству, перед ней стоит особая задача: изображенная в ней конкретная личность — Макиавелли — олицетворяет политическую систему, ни в чем не изменившуюся с того несчастного и, к сожалению, весьма давнего времени, когда она появилась на свет. Здесь нет речи о пасквиле или памфлете. Вкус современных народов слишком утончен, чтобы им можно было в решительных выражениях излагать правду о политике сегодняшнего дня. А определенные успехи, если они длятся необычно долго, способны развратить даже нравственное умонстроение. Но жива еще общественная совесть, и небо вмешается в один прекрасный день в игру, которая ведется против него.

Есть такие деяния и принципы, которые можно лучше оценить, если лишить их окружения, в котором они обычно предстают нашему взору. Даже простая перемена точки зрения часто вызывает отвращение к тому, что мы видим.

Это сочинение имеет форму поэтической фантазии. Было бы излишним дать к ней ключ с самого начала. Если книга имеет глубинный смысл, если в ней есть урок, то читатель сам должен обнаружить его, и объяснять ему ничего не следует. Кроме того, чтение принесет ему много радости, только читать нужно медленно, как и всякое серьезное произведение.

Не нужно даже допытываться, чья рука написала эти страницы. Сочинение, подобное этому, не принадлежит одному человеку. Оно отвечает на зов совести. Такие мысли приходили в голову многим. Если они изложены письменно, автор исчезает; исчезает, поскольку лишь выразил мысль, посетившую всех. Он всего лишь один из более или менее неизвестных заговорщиков, объединившихся для борьбы за общее благо.

*Женева,
15 октября 1864*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разговор первый

Макиавелли

Мне сказали, что на этом скудном берегу я могу повстречать тень великого Монтескье. Не он ли передо мной?

Монтескье

Слово «великий» никому тут не пристало, Макиавелли. Но я тот, кого вы ищете.

Макиавелли

Среди теней достойных личностей, населяющих царство тьмы, едва ли найдется одна, повстречать которую мне хотелось бы больше, чем Монтескье. Зброшенный в эти незнаемые дали вечным круговоротом теней, я воздаю хвалу случаю, столкнувшему меня с автором «Духа законов».

Монтескье

Бывший статс-секретарь Флорентийской республики еще не забыл придворного языка. Но о чем говорить нам, бродя по этим мрачным берегам, кроме наших страданий и бедствий.

Макиавелли

И это слова философа, государственного деятеля? Что смерть человеку, жившему духовной жизнью, ведь дух не умирает? Что до меня, то я бы не желал ничего лучшего, чем то положение, которое уготовано нам тут до дня Страшного суда. Быть свободным от забот и нужд

земной жизни, жить в царстве чистого разума, беседовать с великими мужами, имена которых некогда славились во всем мире; издалека следить за революциями, за падением и изменением империй, раздумывать о новых конституциях, об изменениях в нравах и мыслях европейских народов, о достижениях их цивилизации в культуре, политике, искусстве, промышленности, как в равной степени и в области философской мысли, — что за праздник для мыслителя! Сколько удивительного! Сколько новых мнений! Какие неожиданные откровения! Что за чудеса, если только можно верить теням, спускающимся к нам сюда! Смерть подобна для нас возврату к глубокому покою, в котором мы можем завершить свои труды и упорядочить уроки истории и достижения гуманности. Наш конец не в силах разорвать все нити, связывающие нас с землей; потомки продолжают говорить о тех, кто, подобно вам, поверг человеческий дух в величайшее замешательство. Сейчас ваши политические принципы покорили почти половину Европы; и уж если кто и может быть свободен от страха, нападающего на идущего неизвестным путем в преисподнюю или на небеса, то, разумеется, вы, предстоящий перед высшим судьей в ореоле столь незапятнанной добродетели!

Монтескье

Но вы ничего не сказали о себе, Макиавелли. Не будьте чрезмерно скромны, помяните и то чрезвычайно большое уважение, которым пользуется автор книги о государе.

Макиавелли

По-моему, в ваших словах таится ирония. Неужто великий французский знаток науки о государстве судит, как толпа, которой известны лишь мое имя да предвзятое мнение обо мне, принятое без рассуждений, на веру? Эта книга, я знаю, принесла мне роковую известность. Она возложила на меня ответственность за всякую тиранию. Она навлекла на меня проклятие народов, видевших во мне воплощенный деспотизм, им ненавистный. Она отравила мои последние дни, и сдается, что проклятие потомков преследует меня и здесь. Но что же такое я сделал? Я пятнадцать лет служил моему отечеству, а оно было республикой. Я принял участие в заговоре, чтобы сохранить его независимость, я неустанно защищал его от Людовика XII, от испанцев, от Юлия II, даже от Борджиа, который уничтожил бы его, не будь меня. Я защищал его от всех

кровавых интриг, которыми его опутывали, и боролся при этом дипломатическими средствами так, как другой сражался бы со шпагой в руках: заключением договоров, переговорами, заключая и нарушая соглашения в интересах республики, которую тогда утесняли великие державы, а войны швыряли, как волны углую ладью. И то правительство, что мы имели во Флоренции, не было тиранским или самодовольным; у нас было демократическое государство. Разве принадлежал я к тем, кто меняет свой нрав при перемене фортуны? Палачи Медичи отыскиали меня, когда свергли Содерини. Рожденный в свободе, я погиб вместе с нею. Я жил в изгнании, и ни один властитель не остановил на мне взора. Я умер в бедности и забвении. Вот моя жизнь, и вот те преступления, что приписывают мне неблагодарное отечество и полные ненависти потомки. Возможно, небо будет ко мне справедливее.

Монтескье

Макиавелли, мне известно все это, потому-то я и не мог никогда понять, как флорентийский патриот, как слуга республики мог стать основателем той мрачной школы, в которой обучаются все венценосцы и которая оправдывает величайшие святотатства тирании.

Макиавелли

А если я скажу вам, что эта книга — всего лишь фантазии дипломата, что она никогда не предназначалась для печати, что одобрение, доставшееся на ее долю, не разделяется автором, что он создал ее под влиянием идей, которые обуревали тогда всех итальянских князей, стремившихся упрочить свою власть за чужой счет и руководимых коварными политиками, из которых подлеший почитался самым искусным...

Монтескье

Вы и в самом деле так думаете? Раз вы столь откровенны со мной, то могу сознаться, что и я придерживался того же мнения и разделял при этом мнение тех, кто знал вашу жизнь и внимательно прочел ваши сочинения. Вот так, Макиавелли, и это признание к вашей чести. Тогда вы говорили не то, что думали, или же вы высказали это под влиянием личных впечатлений, на миг замутивших ваш ясный ум.

Макиавелли

Тут вы заблуждаетесь, Монтескье, и следуете примеру тех, кто судил подобно вам. Мое единственное преступление в том, что я говорил правду народам и королям, не правду о морали, а правду о политике, не правду о том, что должно быть, а правду о том, что есть и будет всегда. Не я основатель учения, приписываемого мне; это сердце человека. Макиавеллизм старше Макиавелли.

Моисей, Сезострис, Соломон, Лизандр, Филипп и Александр Македонские, Агафокл, Ромул, Тарквиний, Юлий Цезарь, Август и Нерон, Карл Великий, Теодорих, Хлодвиг, Гуго Капет, Людовик XI, Гонсало Кордовский, Цезарь Борджиа — вот мои духовные предшественники. От них, от лучших из них и происхожу я, заметьте при этом, что я не упоминаю тех, кто пришел после меня. А перечень их имен был бы длинен. Из книги о государе они позаимствовали лишь то, что и без того знали уже из практической власти. Кто в ваше время был более восторженным моим почитателем, чем Фридрих II? Заботясь о популярности, он опровергал меня в своих сочинениях, но в политике строго следовал моим урокам. Каким причудам человеческого духа приписать то, что написанное в этой книге ставится мне в вину? Равным образом можно винить ученого, изучающего физические причины падения тел, когда нас зашибет падающим телом; врача, описывающего болезнь; химика, составляющего историю ядов; моралиста, изображающего пороки; историка, пишущего историю.

Монтескье

Полно, Макиавелли! Жаль, что здесь нет Сократа, чтобы изобличить софистику ваших слов! Хотя от природы я не слишком способен к дискуссиям, все же мне совсем не трудно возразить вам. Вы уподобляете зло, коренящееся во властолюбии, коварстве и насилии, яду и болезни. И по вашим книгам можно научиться заражать государства этими болезнями, вы учите составлять такие яды. Когда исследователь, врач, моралист изучают зло, они вовсе не собираются преподавать урок его распространения, но имеют в виду излечить его. А ваша книга не делает этого. Впрочем, мне это безразлично, я не хочу из-за этого терять душевный покой! Если вы не возводите деспотизм в принцип, если вы сами почитаете его злом, то тем самым вы и осуждаете его — на этом, по крайней мере, мы можем сойтись.

Макиавелли

Нет, Монтескье не можем; вы совершенно не поняли хода моей мысли. Я дал маху, приведя сравнение, которое столь легко опровергнуть. Сама по себе сократовская ирония меня не тревожит, он ведь тоже был софистом и только ловчее других пользовался обманными приемами, а именно полемике ни вы, ни я не учились у него. Так оставим слова и сравнения, займемся идеями. Я следующим образом сформулирую свою систему, и очень сомневаюсь, что вам удастся ее поколебать: дурные инстинкты в человеке сильнее, чем добрые. Человек более склонен к злу, чем к добру. Страх и власть имеют для него большее значение, чем разум. Я не буду доказывать эти прописные истины. На вашей родине попытаться их опровергнуть могла бы только та легкомысленная компания, первосвященником которой был Ж. Ж. Руссо, а апостолом — Дидро. Все люди стремятся к власти, и нет среди них того, кто не стал бы угнетателем, если бы мог им стать. Все, или почти все, готовы пожертвовать правами других ради собственных интересов. Что же удерживает вместе этих хищников, зовущихся людьми? При возникновении государств это грубое и необузданное насилие, позже — закон, стало быть, тоже насилие, только введенное в определенные рамки. Вы ведь изучали историю от самого ее возникновения: насилие повсюду предшествует праву.

Политическая свобода — идеал, имеющий лишь относительную ценность. Государствами и людьми правит необходимость.

Под определенными широтами в Европе живут народы, которые просто не способны пользоваться свободой умеренно. Начинается гражданская братоубийственная война, и государству конец; оно раскалывается на партии и распадается от внутренних потрясений, или же раскол делает его добычей других держав. В таком положении народы предпочитают анархии деспотизм. Разве они правы?

Едва образовавшись, государство вынуждено вступить в борьбу: ему угрожают враги изнутри и снаружи. К какому оружию прибегнуть в борьбе с заграницей? Разве предводители враждующих армий сообщают друг другу свои диспозиции, чтобы каждый из них мог приступить к обороне? Разве они откажутся от ночных вылазок, нападений, резервов в засаде, схваток при неравных силах? Наверняка они не сделают этого. Они лишь выставили бы себя на посмешище. И почему вы полагаете, что эти засады, эти обходные маневры, необходимые во время войны, нельзя применить против внутреннего врага, против смутьянов? Конеч-

но, в этом случае правила не будут соблюдаться столь же строго; но суть их от этого не изменится. Возможно ли руководить при помощи чистого разума грубыми массами, движимыми чувствами, страстями и предрассудками?

Не важно, управляет ли государством единовластный правитель, небольшая группа или весь народ — ни одна война, торговая сделка, внутренняя реформа не увенчается успехом без помощи таких средств, которые вы на словах отвергаете, но к которым не преминули бы прибегнуть, если бы король Франции удостоил вас хоть малейшего государственного поручения.

Ну разве не ребячлив упрек, предъявляемый книге о государе? В ней, видите ли, говорится о том, что политика не имеет ничего общего с моралью. А вы видели когда-нибудь хоть одно-единственное государство, основанное на принципах морали частного лица? В этом случае преступлением была бы любая война, даже справедливая; каждый захват, не имеющий иных причин, кроме жажды славы, был бы кошунством; каждый договор, по которому одна из держав получает большие преимущества, был бы постыдным обманом; всякий захват суверенной власти был бы деянием, караемым смертью. Законным было бы только то, что основано на праве. Однако я уже сказал вам и повторю то же самое, имея в виду историю этого времени: источник всех суверенных держав — насилие, или, иными словами, отрицание права. Означает ли это, что я отрицаю право? Нет, я полагаю только, что оно применимо в определенных границах, при сношениях народов друг с другом или при сношениях правительства с подданными.

Да и само значение слова «право»: разве вы не замечаете, что оно несколько туманно? Где оно начинается, где оно кончается? Когда право появляется, а когда его нет? К примеру, представим себе государство. Скверная организация общественных институтов власти, неразбериха демократии, бессилие закона против подстрекателей приближают его гибель. Тут из рядов аристократии или народа выдвигается отважный муж. Он нарушает конституцию, он меняет законы, он изменяет все и дарит своей отчизне двадцать мирных лет. Имеет ли он право на то, что делает?

Писистрат обманом захватил афинский Акрополь; тем самым он подготовил век Перикла. Брут нарушил монархическую конституцию Рима, изгнал Тарквиниев и кинжалом основал республику, величие которой есть возвышеннейшая картина мировой истории. Но борьба плебеев и патрициев, продолжавшаяся во все времена существования рес-

публики, ослабила ее и в конце концов погубила. Появляются Цезарь и Август. Это тоже насильники. Но Римская империя, наследовавшая республику, была столь же долговременной, а, рухнув, покрыла весь мир своими обломками. Итак? Было ли право на стороне этих отважных мужей? По-вашему, нет. И, тем не менее, потомки прославляют их. Они поистине служили своей стране и спасли ее. Они на столетия продлили ее существование. Видите, в случае государства принцип права подчинен принципу пользы, и из этого следует, что добро может проистекать из зла, что к добру приходят через зло подобно тому, как лечат ядом, как спасают жизнь острым ножом. Тем, что хорошо и морально, я занимался меньше, чем тем, что полезно и необходимо. Я принимал человеческое общество таким, каково оно есть, и я установил для него правила, вытекающие из его сущности. Чисто теоретический вопрос: дурны ли насилие и коварство? Да, но их нужно использовать, если хочешь править людьми, пока люди не стали ангелами.

Все может быть хорошим или дурным в зависимости от употребления и полученного результата; успех оправдывает средства. А если вы теперь спросите меня, отчего я, республиканец, предпочитаю все же абсолютистскую форму правления, то я вынужден буду ответить: потому что на родине я был свидетелем непостоянства и трусости черни, ее врожденной рабской психологии, ее неспособности постичь и чтить условия, при которых можно жить свободно. В моих глазах это слепая сила, которая рано или поздно придет к концу, если только не попадет в руки одного-единственного человека. Ручаюсь вам, что предоставленный сам себе народ не способен ни на что, кроме саморазрушения, что он никогда не сможет править, судить, вести войну. Должен сказать вам, что Греция блистала только в те эпохи, когда была свободна, что без деспотизма римской аристократии, а позже без деспотизма императоров никогда бы не было блестящей культуры.

Следует ли мне еще привести в пример современное государство? Примеры так разительны и многочисленны, что я прибегну к первому попавшемуся. При каких конституциях и при каких правителях достигли расцвета итальянские республики? При каких правителях были заложены основы последующего могущества Испании, Франции, Германии? При таких, как Лев X, Юлий II, Филипп II, Барбаросса, Людовик XIV, Наполеон — это всё люди со стальным кулаком, полагавшиеся больше на помощь своего меча, чем на конституции своих государств. Однако я сам дивлюсь тому, что говорю так долго, чтоб убедить слушающего меня известного автора. Если мне правильно говорили, то часть моих рассуж-

дений содержится в «Духе законов». Не раздражила ли эта моя речь серьезного и спокойного ученого, который столь бесстрастно размышлял о проблемах политики? Энциклопедисты не были похожи на Катона, автор «Персидских писем» — не святой, даже не фанатик. Наша школа, именуемая отрицающей мораль, похоже, более придерживалась истинного Бога, чем философы восемнадцатого столетия.

Монтескье

Ваши последние слова, Макиавелли, отнюдь не вывели меня из равновесия, и я внимательно слушал вас. Не хотите ли выслушать меня и позволите ли говорить с той же откровенностью?

Макиавелли

Я умолкаю и с молитвенным молчанием внимаю тому, кого именовали законодателем народов.

Разговор второй

Монтескье

Ваши мысли, Макиавелли, не новы для меня, и если я сейчас в некотором замешательстве по поводу того, как вас опровергнуть, то не потому, что вы смутили мой разум, а потому, что мысли ваши, верны они или неверны, лишены всякой философской основы. Я, конечно, понимаю, что вы в первую очередь политик, а не теоретик, и факты вам ближе, чем теории. Но все же согласитесь: в том случае, когда речь идет о правлении, следует ориентироваться на принципы. В своей политике вы не оставляете места ни морали, ни религии, ни праву. На устах у вас всего два слова: власть и коварство. Если ваша система ограничивается разъяснениями того, что власть играет большую роль в делах человеческих, что хитрость — качество, необходимое государственному мужу, то судите сами: все это истины, не нуждающиеся в доказательствах. Но если вы делаете насилие принципом, а коварство максимой, если при составлении законов вы вообще не берете в расчет гуманность, тогда право тирании есть не что иное, как право диких зверей, поскольку

звери тоже сильны и ловки, и действительно не знают другого права, кроме грубого насилия. Но мне не верится, что вы заходите так далеко в своем фатализме: вы ведь признаете существование добра и зла.

Вы исходите из того, что добро может вытекать из зла и что можно творить зло, если может получиться что-то хорошее. То есть вы не утверждаете: само по себе хорошо нарушать слово, хорошо прибегать к подкупу, преступлению, убийству. Вы говорите: можно предать, если это полезно, убить, если это необходимо, завладеть достоянием ближнего, если это выгодно. Добавлю сразу, что в вашей системе это допустимо только для государя и только в том случае, если речь идет о его интересах или же интересах государства. Следовательно, государь имеет право нарушать свои клятвы; он может потоками проливать кровь, чтобы добиться власти или удержать ее; он может грабить тех, кого чтит, он может ниспровергнуть все законы, издать новые и вновь преступить их; он может расточать государственную казну, подкупать, вымогать, карать и постоянно преследовать.

Макиавелли

Но разве не говорили вы сами, что в государстве, управляемом деспотически, государь необходим, добродетель излишня, чувство чести опасно, что требуется слепое послушание и государь погибнет, успокоившись хоть на минуту?¹

Монтескье

Конечно, я сказал это. Но когда я, подобно вам, констатировал внушающие ужас условия, при которых может существовать тирания, то делал это, чтобы заклеить ее, а не возвести на пьедестал. Я делал это, чтобы внушить моему отечеству отвращение к ней, чтобы его глава никогда не склонилась под ее ярмом. Как можете вы не понимать, что насилие представляет собой всего лишь исключение в закономерном развитии человеческого общества, что величайшие тираны вынуждены искать себе оправдание в идеях, весьма далеких от теории насилия. Все угнетатели ссылаются не только на свою выгоду, но и на обязанность. Следовательно, само по себе учение о выгоде так же бездоказательно, как те средства, что вы используете для его обоснования.

¹ *Дух законов. Книга III. Глава 9.*

Макиавелли

Тут я позволю себе вас прервать. Вы придаете выгоде определенное значение, а этого довольно, чтобы оправдать любую политическую необходимость, не согласующуюся с правом.

Монтескье

Вы ссылаетесь на государственные интересы. Но согласитесь, что я не могу выдвигать в качестве основы общества то, что его разрушает. Во имя выгоды государи и народы, как и отдельные граждане, способны только на преступления. Вы говорите: государственные интересы. Но как могу я судить, зачем нужна государю та или иная несправедливость? Разве нам не известно, что государственные интересы слишком часто оказываются интересами государя или его развратных фаворитов? Я избегаю подобных заблуждений, положив в основу общества право, поскольку право устанавливает границы — границы, преступить которые не смеет личная заинтересованность.

А если вы спросите меня, что есть основа права, то я отвечу вам, что это этика, заповеди которой ясны и однозначны, поскольку содержатся во всех религиях и запечатлены сверкающими буквами в совести человеческой. Из этого чистого источника должны проистекать все гражданские, политические, экономические, международные законы.

И здесь вы становитесь непоследовательны. Вы католик, вы христианин, мы оба молимся одному и тому же Богу, вы признаете его заповеди, признаете мораль, признаете право в отношениях между людьми, и вы попираете все эти нормы ногами, чуть речь зайдет о государе или государстве. Одним словом, по-вашему, политика не имеет ничего общего с моралью. Вы позволяете монарху то, что запрещаете подданным. В зависимости от того, кем совершается поступок — сильным или слабым, — он вызывает ваше одобрение или порицание. Это добродетель или преступление лишь в зависимости от ранга деятеля. Государя вы хвалите, а подданного отправляете на галеры. Но при этом вы не думаете о том, что на таких основаниях не может существовать ни одно человеческое общество. Неужели вы полагаете, что подданный будет долгое время хранить верность своей присяге, если увидит, как ее нарушает государь, что он будет чтить законы, если узнает, что тот, кто дал их ему, сам преступил их и преступает ежедневно? Неужели вы полагаете, что он будет колебаться, вступая на путь насилия, подкупа и обмана, если увидит, как этим путем идет тот, что призван руководить им? Не

предавайтесь самообману. Вы должны согласиться, что каждое злоупотребление государя в делах государства приведет к такому же противоправному поступку подданного, что каждая политическая подлость повлечет за собой такую же в гражданской жизни, что каждый акт насилия наверху оправдывает насилие внизу. Вот что можно сказать об отношениях граждан между собой.

Что же касается их отношения к правителю, то тут все ясно: в недрах такого общества зреет гражданская война. Молчание народа — лишь покорность побежденного, которого лишили права жаловаться. Подождите, пока он проснется. Вы создали теорию насилия, и вы с уверенностью можете рассчитывать на то, что народ усвоит ее. При первом же удобном случае он разорвет свои оковы. Он разорвет их, как только представится малейший повод, и силой вернет себе то, что силой же было у него отнято.

Деспотизм основывается на послушании трупа, которого требуют иезуиты. Его закон: убивать или быть убитым. Сегодня он сеет насилие, завтра разгорается гражданская война. Во всяком случае, так развиваются события в их широтах. На востоке народы мирно спят в недостойном порабощении.

Государь не может позволить себе того, что не дозволено подданным: вот мой вывод. Он справедлив. Вы думаете, что сможете привести меня в замешательство, сославшись на пример многих великих мужей, кои отважными деяниями и насилием над законом принесли своим странам мир, а иногда и славу: вот ваше великое доказательство того, что добро проистекает из зла. Но вы не доказали мне, что эти мужи принесли больше добра, чем зла. Отсюда никоим образом не следует, что без них народы не защитили бы и не спасли себя. Лекарство, употребляемое вами, бессильно против ростков гибели, взращиваемых вами. Зачастую несколько лет анархии менее разрушительны для государства, чем долгие годы молчаливо сносимого деспотизма. Вы восхищаетесь великими людьми, я восхищаюсь лишь великими общественными системами. Я полагаю, что народам, чтобы быть счастливыми, нужны не столько гениальные, сколько справедливые люди; тем не менее, я соглашусь с вами в том, если это важно для вас, что некоторые из актов насилия, которые вы так защищаете, и впрямь пошли на пользу определенным государствам. Такие действия могут быть оправданы для народов древности, которыми правила рабство и фатализм. Они вновь появляются в средневековые и даже в новое время. Но в той же степени, в какой смягчились нравы, в какой просвещение распространи-

лось среди разных народов Европы, а прежде всего в той, в какой лучше стали изучены основы науки о государстве, в той же степени и в принципе, и на самом деле насилие сменилось правом. Разумеется, и впредь будут вестись освободительные войны, и очень много преступлений будет совершаться во имя свободы, но политического фатализма больше нет. Если прежде вы могли говорить, что в ваше время деспотизм был необходимым политическим злом, сейчас вы такой возможности лишились; при современном уровне нравственности и государственности основных народов Европы деспотизм стал невозможен.

Макиавелли

Невозможен?.. Если вам удастся доказать мне это, то я охотно буду следить за ходом вашей мысли.

Монтескье

Я очень легко докажу вам это, если вы еще склонны слушать меня.

Макиавелли

Весьма охотно. Но берегитесь. Мне кажется, вы берете на себя слишком много.

Разговор третий

Монтескье

К этому берегу приближается толпа теней. Подойдите ближе, не то нас скоро разлучат. Они заполняют все кругом.

Макиавелли

В ваших последних словах я вовсе не обнаружил той ясности, которая отличала ваши речи в начале нашей беседы. Я нахожу, что вы перебрали с закономерностями, вытекающими из основных положений вашего «Духа законов».

Монтескье

В этом труде я заведомо избегал подробных теорий. Если он знаком вам не только в пересказе третьих лиц, то вы признаете, что отдельные мысли из числа тех, что я вам здесь излагаю, непосредственно проистекают из основных положений, мною там выдвигаемых. Но не страшусь сознаться: известия, полученные мною о новом положении вещей, изменили или дополнили некоторые из моих идей.

Макиавелли

Неужели вы всерьез уверены, что деспотизм несочетаем с тем политическим уровнем, которого достигли народы Европы?

Монтескье

Я говорил не обо всех народах. Но, если вам угодно, я назову те нации, в которых развитие науки о государстве привело к важным достижениям.

Макиавелли

Что же это за народы?

Монтескье

Англия, Франция, Бельгия, отчасти Италия, Пруссия, Швейцария, Германский союз, Голландия, а также Австрия, то есть, как видите, почти в точности та часть Европы, которую некогда занимала Римская империя.

Макиавелли

Мне кое-что известно о событиях, происходивших в Европе с 1527 года до нынешней поры, и должен вам сознаться, мне очень любопытно, как вы докажете ваше утверждение.

Монтескье

Так слушайте же, и — кто знает — возможно, мне и удастся убедить вас. Не люди, но институты гарантируют процветание в государстве свободы и добрых нравов. От совершенства или несовершенства институтов зависит всякое благо и всякое зло, которые могут последовать

при объединении людей в сообщество. И если я настаиваю на наилучших институтах, то вам, разумеется, ясно, что вслед за Соломоном я имею в виду те лучшие из институтов, с которыми может примириться народ. То есть я не требую для народов невозможных условий существования и тем самым отличаюсь от жалких реформаторов, пытающихся устроить общество на основании чисто умозрительных конструкций, не учитывая климата, привычек, нравов, даже предубеждений.

На начальной стадии развития нации имеют то законодательство, которое возможно в этом состоянии. Античность дала нам примеры удивительных культур и государств, в которых достойным восхищения образом были достигнуты условия, ведущие к свободной форме правления. Народам христианской эпохи было труднее привести свои законодательства в соответствие с развитием общества. Но они учились у античности, и, несмотря на гораздо большую сложность своей культуры, пришли к еще более совершенным результатам.

Одной из первопричин как анархии, так и деспотизма является в государствах Европы теоретическое и практическое незнание принципов, согласно которым распределяются властные функции. Если принцип суверенности справедлив исключительно для личности государя, то о каком праве народа может идти речь? Если тот, кому довелось исполнять законы, был одновременно и законодателем, как могло быть его владычество отличным от тирании? Как граждане могли быть защищены от произвола, если к этому сочетанию законодательной и исполнительной власти добавлялась еще судебная, чтобы попасть вместе с ними в одни и те же руки?¹

Мне известно, разумеется, что свершающееся раньше или позже дарование определенных свобод и прав способно даже при самом отсталом политическом устройстве преградить путь произволу абсолютной монархии и что, с другой стороны, ропот народа и великодушные отдельных венценосцев побуждают их с умеренностью пользоваться неограниченной властью, коей они облечены; однако не менее справедливо и то, что подобные уступки делаются исключительно в интересах монарха, имеющего все права на достояние, привилегии и жизнь своих подданных. Только разделение властных функций решило в Европе проблему свободного общественного порядка и претворило это решение в жизнь, и если что-то может умерить мой страх перед Страшным судом,

¹ *Дух законов. Книга IX. Глава 16.*

так только та мысль, что моя жизнь на этой земле внесла некий вклад в освобождение народов от их бесправия.

Вы, Макиавелли, родились в конце средневековья, вы видели, как с искусством Возрождения взошла заря нового времени. Но общество, в котором вы жили, находилось — позвольте мне назвать вещи своими именами — еще целиком под гнетом варварских заблуждений. Вся Европа была ристалищем. Сила означала все, право — очень мало. Королевства становились добычей захватчиков. Внутри государств самодержцы боролись со своими вассалами, крупные вассалы уничтожали города. При феодальной анархии, которая превратила всю Европу в поле сражения, попранные народы привыкли видеть в государях и сильных мира богов, власти коих род человеческий подчинен неумолимой судьбой. Ваша жизнь пришлась на это бурное, но и великое время. Вы видели отважных полководцев, людей из стали, храбрецов, и этот мир прекрасной и ужасной анархии стал для вас тем, чем стал бы для художника, чья фантазия была бы захвачена им сильнее, чем его моральное чувство. Так я понимаю вашу книгу о государе. И вы были вовсе не так далеки от истины, признаваясь с чисто итальянским хитроумием, что хотели расспросить меня лишь потому, что были некогда дипломатом. Но с тех пор мир ушел далеко вперед. Сами народы стали сегодня вершителями своих судеб. Де-факто и де-юре они уничтожили привилегии аристократии. Они выдвинули принцип, который вам, последователю маркиза Юго, должен казаться совершенно неожиданным: принцип равенства. В своих правителях они видят только слуг народа. Они зафиксировали принцип равенства в законах, обязательных и неотъемлемых для всех граждан. Они привержены этим законам, стоившим их предкам столько крови.

Я уже говорил о войнах. Они свирепствуют до сих пор, и мне это известно; но — и это первое достижение — они более не дают победителю права собственности на побежденные государства. Право, едва ли знакомое вам, международное право, определяет сегодня отношения между народами точно так же, как гражданское право определяет отношения между гражданами в каждой стране.

После того, как народам гарантировали права личности гражданскими законами, а коллективные права — договорами, они вознамерились упорядочить свои отношения с государями и закрепили свои политические права в конституциях. Отданные надолго во власть произволу, определявшемуся неразделенностью властных функций, что позволяло государю издавать тиранические законы и тиранически проводить их в

жизнь, они в своих конституциях разделили исполнительную, законодательную и судебную власть, и это разграничение не может быть отменено без того, чтобы все государство не пошатнулось.

Только эта поистине грандиозная реформа создала внутригосударственное публичное право, обнаружив высшие принципы, лежащие в его основе. Личность государя перестала отождествляться с государством. Суверенитет понимается теперь как достояние нации, которая и осуществляет разделение отныне независимых друг от друга властных функций между государем и политическими институтами. Сейчас, когда меня слушает известный государственный муж, я не стану излагать всю теорию режима, называющегося во Франции и в Англии конституционным. Он установился сейчас во всех наиболее значительных государствах Европы не только потому, что является выражением высшей политической мудрости, но, прежде всего, поскольку предоставляет единственную осуществимую на практике возможность управлять в соответствии с идеями современной культуры. Во все времена, и при либеральном, и при тираническом образе правления, править можно было только при помощи законов. Поэтому только в принципе законотворчества состояла легитимная защита гражданина от государства. Если государь единственный законодатель, он будет издавать только тиранические законы, и уже тогда следует почитать счастьем, если за немногие годы он не ниспровергнет все законодательство; в любом случае это откровенный абсолютизм. Если законодателем становится сенат, то мы имеем дело с олигархией, ненавистным народу режимом, поскольку при нем имеется ровно столько же тиранов, сколько сенаторов. Если законодателем становится народ, то начинается анархия, являющаяся всего лишь другим путем к деспотизму. Но если это избранное народом собрание, то первая часть задачи уже решена; таким образом закладывается основа репрезентативного правительства, и именно правительства такого типа сейчас у власти во всей центральной части Европы.

Но собрание народных представителей, удерживающее в своих руках всю полноту законодательной власти, немедленно злоупотребило бы своей властью и ввергло государство в пучину бедствий. Существующая форма правления является счастливым сочетанием аристократии, демократии и монархизма, и именно потому, что объединяет и уравнивает властные функции, что представляется мне шедевром человеческого духа. Личность правителя остается священной и неприкосновенной. Но хотя он и сохраняет множество важных привилегий, которые

должны быть оставлены ему для блага государства, главная его задача — заботиться о проведении законов в жизнь. Поскольку вся полнота власти не сосредоточена более в его руках, ответственность отныне переходит к его министрам, совместно с которыми он правит страной. Закон, который он должен предложить лично или при сотрудничестве с другими органами, подготавливается государственным советом, состоящим из мужей, искушенных в правлении государством, затем представляется верхней палате, членство в которой пожизненно или наследственно, и которая определяет, нет ли в нем противоречий с конституцией; затем он голосуется законодательным органом, избранным путем всенародного голосования, и исполняется независимым чиновничеством. Если закон несовершенно, он отвергается или исправляется законодательным собранием; верхняя палата препятствует его принятию, если он не соответствует конституционным началам.

Именно победа этой системы, которая столь глубоко продумана и — как вы сами поймете — может функционировать самыми разнообразными способами в зависимости от темперамента народа, соединила порядок со свободой, статику с динамикой, дала возможность всем гражданам участвовать в политической жизни и покончила с уличными беспорядками.

Как видите, отношения государя и подданных основываются на разветвленной системе гарантий, незыблемым основанием которых является гражданский порядок. Имущество и личность граждан не могут подвергаться произволу властей. Судопроизводство основывается на том, что обвиняемого судят равные ему. Надо всеми судами стоит верховный суд, задачей которого является кассация приговора, если он вынесен с нарушениями законности. Сами граждане защищают свои права, создавая для поддержки полиции в городах отряды гражданской милиции. Рядовой гражданин может при помощи петиции довести свою жалобу до высших органов, представляющих народ. Общины управляются выборными чиновниками. Ежегодно собираются провинциальные собрания, выбранные путем голосования, чтобы обсудить нужды и желания населения.

Я, Макиавелли, нарисовал вам весьма приблизительную картину тех учреждений, что процветают сегодня в современных государствах, в особенности в моем прекрасном отечестве. И поскольку гласность — одна из основ свободы народа, то все эти учреждения не просуществовали бы долго, если бы их деятельность не освещалась ярким светом

общественного мнения. Тип власти, совершенно неизвестный в вашем столетии и образовавшийся в мое время, сейчас начинает интенсивное существование. Это пресса, столь долго недооцененная, по сию пору обвиняемая невеждами во всех грехах, та пресса, к которой вполне применимо прекрасное высказывание Адама Смита о кредите: «Это голос народа». И впрямь, этот голос освещает все развитие идейного мира современных народов. Пресса имеет в государстве функции, подобные полицейским. Она выражает потребности, оглашает жалобы, разоблачает злоупотребления и произвол; она принуждает к нравственному поведению всех носителей власти. Для этого достаточно высказывать им в лицо общественное мнение.

Макиавелли, разве найдется в устроенном подобным образом обществе место честолюбию государя, деяниям тирана? Мне прекрасно известно, какие мучительные катаклизмы сопровождают завоевания. Во Франции свобода, утопленная в крови революцией, ожила вновь только вместе с реставрацией. Грядут новые потрясения; но все основы, все учреждения, о которых я вам поведал, стали уже частью нравов Франции и всех тех народов, которые можно назвать культурными. Я кончил, Макиавелли. Государства управляются теперь только по законам справедливости. Нынче министр, следующий вашему учению, не удержался бы и года у власти. Монарх, возжелавший употребить на практике максимы вашей книги о государе, навлек бы на себя возмущение подданных; от него отвернулась бы вся Европа.

Макиавелли

Вы так думаете?

Монтескье

Вас рассердила моя откровенность?

Макиавелли

Нет, отчего же!

Монтескье

Могу ли я надеяться, что вы хоть отчасти изменили свой образ мыслей?

Макиавелли

Я позволю себе шаг за шагом разобраться во всех тех замечательных вещах, о которых вы говорили, и доказать вам, что и сейчас смысл имеют только мои уроки, невзирая на новые идеи, нравы, на ваши так называемые принципы государственного права, на все учреждения, о которых вы только что говорили.

Но позвольте прежде обратиться к вам с вопросом: до какого момента знакомы вы с новейшей историей?

Монтескье

Знания, полученные мною о различных государствах Европы, простираются до конца 1847 года. Блуждая по этим бескрайним равнинам в толпах отлетевших душ, я не встретил ни одной, которая поведала бы мне что-либо о последующем времени. Спустившись в царство теней, я провел приблизительно полстолетия с народами древности и не более чем четверть века назад столкнулся с толпами современных народов. При этом большинство из них происходило из отдаленнейших стран. Я даже не знаю толком, какой нынче год на земле.

Макиавелли

Вы убедились, Монтескье, здесь последние становятся первыми! Государственный деятель средневековья, политик варварской эпохи знает, оказывается, об истории современности больше, чем философ восемнадцатого века. Сейчас тысяча восемьсот шестьдесят четвертый год от Рождества Христова.

Монтескье

Не будете ли вы так любезны, Макиавелли, поведать мне — я очень вас прошу! — о том, что случилось в Европе с 1847 года?

Макиавелли

Если позволите, я сделаю это не прежде, чем доставлю себе удовольствие разбить вдребезги все ваши теории.

Монтескье

Как вам угодно. Но поверьте, меня это не заботит. Для того, чтобы изменить основы и форму правления, к которой привыкли народы, по-

требуются столетия. Новое учение о государстве никак не могло возникнуть за последние пятьдесят лет, а если бы оно и возникло, то все равно не победило бы учение Макиавелли.

Макиавелли

Вот как вы думаете! Послушайте же меня.

Разговор четвертый

Макиавелли

Когда я услышал о вашей теории разделения властных функций и о тех благах, которыми ему обязаны европейские народы, я не мог, дорогой мой Монтескье, скрыть удивление по поводу того, как система может ослепить даже самые высокие умы.

Введенный в заблуждение английским законодательством, вы полагали, что можете создать из конституционного режима панацею для государств. Но вы не учитывали закономерного развития, которое сегодня отрывает сообщества от вашей вчерашней традиции. Не пройдет и двух столетий, как эта форма правления, которая вас так восхищает, станет в Европе не более чем историческим воспоминанием, устаревшим и не имеющим более силы, наподобие учения Аристотеля о трех единствах. Позвольте мне, прежде всего, испытать ваш государственный механизм как таковой. Вы уравниваете три властных функции, предоставляя каждой свою сферу. Одна создает законы, другая их издает, третья исполняет. Государь властвует, министры правят. Чудесная штука эти конституционные качели! Вы предусмотрели и урегулировали все, кроме развития. Результатом подобной системы стала бы безынициативность; исправно функционируя, она привела бы к застою. Но в действительности события развиваются иначе; при первой же возможности движение остановится само собой, сломав одну из столь заботливо выкованных вами пружин. Неужели вы впрямь верите в то, что власть долго будет придерживаться установленных вами конституционных границ, не перейдя их в один прекрасный день? Где вы видели независимое законодательное собрание, не стремящееся к суверенности? Где вы видели власти, не стремящиеся ограничить общественное мнение?

Где видели вы прежде всего государя или президента республики, который без долгих разговоров согласился бы играть пассивную роль, на которую вы его обрекаете, не питая втайне надежд опереться на противоборствующие силы, которые обеспечили бы ему свободу действий? В действительности вы только срачиваете все противоборствующие силы, побуждая их к конфликтам, вооружаете все партии. Вы отдаете власть в руки любому честолюбию и делаете государство ареной схватки всех партий. В короткое время все придет в упадок. Болтливые ораторы превратят законодательные собрания в словесные турниры. Наглые журналисты, необузданные памфлетисты ежедневно станут подвергать нападкам личность правителя, дискредитировать правительство, министров, государственных чиновников...

Монтескье

Мне давно известны эти попреки либеральным правительствам. Я не придаю им значения. Злоупотребление институтами не есть их вина. Я знаю многие государства, которые мирно уживаются с подобным законодательством, и уже довольно долгое время. Я сожалею о тех, кто не может с ними ужиться.

Макиавелли

Да погодите же! В своих рассуждениях вы ориентируетесь только на социальные меньшинства. Есть громадные слои населения, которых бедность обрекает на труд, как то некогда было при рабовладельческом строе. Я спрашиваю вас: какое значение имеют все ваши парламентские изобретения для их благосостояния? Ваше великое политическое развитие кончается победой меньшинства, обязанного своими привилегиями случайностям выборов так же, как дворянство было ими обязано рождению. Что значит для пролетариев, согбленных тяготами труда, придавленных невыносимой судьбой, тот факт, что пара журналистов получит право говорить, что несколько ораторов получают право выступать? Вы создали права, остающиеся для широких народных масс на веки вечные чистой теорией, поскольку они не могут ими воспользоваться. Эти права, которые теоретически даются народу законами, а практически не осуществляются из-за тягот повседневности, становятся для них всего лишь горькой иронией судьбы. Говорю вам, в один прекрасный день народ возненавидит эти законы и своей рукой сокрушит их, чтобы повернуться к деспотизму.

Монтескье

Как же презирует Макиавелли гуманность, сколь низмен в его глазах образ мысли современных народов! Боже всемогущий, не могу поверить, что Ты создал их столь дурными. Что бы ни говорил о них Макиавелли, он все же не знает основ и условий существования современной культуры. Необходимость трудиться — закон, равно справедливый сегодня для всех, поскольку это божественный закон; это вовсе не свидетельство порабощения, это узы, которые всех объединяют, средство, делающее всех равными.

Политические права не иллюзорны для народа в тех государствах, где законы не знают привилегий и где усердному открыты все пути. Разумеется — ни в одном обществе это не могло бы быть иначе, неравенство способностей и имущества влечет за собой неизбежное для каждого неравенство в осуществлении этих прав; но разве существования прав не достаточно для просвещения, для того, чтобы независимость личности была максимально гарантирована? Разве даже для тех, кто волей случая рожден в самых стесненных обстоятельствах, ничего не значит жить с чувством независимости и гражданского достоинства? И это только одна сторона; как высокий уровень морали народов зависит от их свободы, так же зависят от нее и их материальные интересы.

Макиавелли

Этого-то я и ждал. Школа, к которой вы принадлежите, выдвигает принципы, отдаленных последствий которых совершенно не может предвидеть. Вы полагаете, что они приведут к воцарению разума. Я покажу вам, что они ведут назад, к господству насилия. Если взять вашу первоначальную политическую систему, то она сводится к тому, что различные группировки, из которых состоит общество, получают примерно равное участие в политической жизни, что социальные силы будут сбалансированы относительно друг друга. Вы не хотите, чтобы аристократические элементы оказывали влияние на демократические. Но непоследовательный характер ваших институтов приведет к тому, что аристократии будет дано больше власти, чем народу, государю — больше, чем аристократии, и что вы станете распределять властные функции в соответствии с политическими потенциями тех, кто их будет осуществлять.

Монтескье

Справедливо.

Макиавелли

Вы допускаете различные классы общества к занятию общественных должностей в зависимости от степени их пригодности и одаренности. Вы даете гражданам равенство путем всеобщего избирательного права. Вы ограничиваете влияние народа при помощи избирательных цензов. Из данной народу свободы проистекает власть общественного мнения. Аристократия ослепляет своим расточительным образом жизни. Трон бросает на нацию отблеск высочайшего достоинства. Вы сохраняете все традиции, все величественные воспоминания, почтение ко всему значительному. Поверхностному взгляду представляется монархия, но в основе она демократична; в реальности нет границ между классами, а труд может составить счастье любого. Не так ли?

Монтескье

Разумеется, Макиавелли, и вы, по крайней мере, способны постичь взгляды, которых не разделяете.

Макиавелли

Отлично! Но все эти замечательные вещи уже улетучились или улетучатся, как сладкий сон. Потому что у вас в запасе еще один принцип, который молниеносно уничтожит все эти институты.

Монтескье

И что же это за принцип?

Макиавелли

Это суверенность народа. Скорее удастся найти квадратуру круга, чем привести в соответствие с этим принципом разделение властных функций у тех народов, у которых его вводят. С неотвратимой неизбежностью в один прекрасный день народ возьмет в свои руки всю полноту той власти, о которой заявлено, что она в принципе принадлежит народу. И разве он сделает это, чтобы навсегда удержать власть? Нет.

Некоторое время он будет буйствовать, затем, устав, швырнет ее первому попавшемуся авантюристу. Ваша страна уже видела в 1793 году, как французские головорезы обошлись с конституционной монархией: казнив своего короля, народ добился суверенности, а затем растерял все свои права; он подарил их разным Робеспьерам, Баррасам, Наполеонам.

Вы великий теоретик, но вам неведом непостижимо низкий уровень народного образа мысли. При этом я имею в виду не народы моего времени, а вашего. Угодливый с властью, беспощадный к любому проявлению слабости, не прощающий ни одного безобидного промаха, но снисходительный, когда речь идет о преступлении, неспособный сносить неудобства свободного режима, но до мученичества терпеливый по отношению к любому насилию дерзкого деспота, народ в приступе ярости крушит троны, чтобы отдаться во власть правителей, которым прощаются все бесчестные поступки, за каждый из которых народ обезглавил бы двадцать конституционных монархов.

Попробуйте же отыскать справедливость, попробуйте отыскать право, стабильность, порядок, уважение к столь сложным формам вашего парламентского механизма у недисциплинированных, необразованных, обуреваемых жадной насилия масс, которым вы говорите: вы — право, вы — господа, вы — суд государства! О, мне известно, что мудрый Монтескье, осторожный политик, выдвигающий принципы и умалчивающий об их возможных последствиях, ничего не написал в своем «Духе законов» о догмате народного суверенитета. Но как вы только что сказали — последствия сами собой вытекают из выдвигаемых вами принципов. Родство вашего учения с учением об общественном договоре достаточно очевидно. Именно поэтому в тот день, когда французские революционеры, доверясь словам своего учителя, заявили: «Конституция может быть исключительно свободным делом договора между равными» — и монархическое, и парламентское правление в вашей стране были приговорены к смерти. Напрасно предпринимались попытки выдвинуть новые принципы, напрасно пытался, вернувшись во Францию, ваш король Людовик XVIII вернуть властные функции их прежним носителям, опубликовав разъяснения 1789 года таким образом, словно они принадлежали ему самому; этот умильный обман аристократической монархии находился в вопиющем противоречии с прошлым. Он сгинул в революции 1830 года, а правительство 1830 года, в свою очередь...

Монтескье

Говорите, говорите!

Макиавелли

Не стоит забегать вперед. То, что нам обоим известно о прошлом, дает мне право утверждать, что принцип суверенитета народов способен нарушить любую стабильность, что право он превращает в революцию, а общество ввергает в войну со всеми человеческими установлениями и с самим Богом. Он — воплощение насилия. Он превращает народ в дикого зверя, который уgomонится, только напившись крови, и которого нужно держать на цепи. И тогда будущее народа, жизнь которого организуется на основании этого принципа, непременно будет выглядеть так: народный суверенитет приведет к демагогии, демагогия — к анархии, анархия — к деспотизму. Деспотизм для вас — нечто варварское. Отлично! Следовательно, вы видите, что, идя путем цивилизации, народы возвращаются к деспотизму. Но это еще не все. Я утверждаю далее, что деспотизм, если рассмотреть его под другим углом зрения, является единственной формой правления, подходящей к социальному уровню современных народов. Вы заявили, что материальные интересы народов зависят от их свободы. Этим вы уж чересчур облегчили мне задачу. Что это, вообще-то говоря, за государства, которым необходимо опираться на свободу? Это государства, живущие высокими чувствами, большими страстями, героизмом, верой, да и честью, как французская монархия в ваше время, о чем говорите вы сами. Иногда народ спасает стойкость, порой — христианство. Я понимаю, свобода была необходима Афинам, Риму, народам, жившим воинской славой, расширявшим свое жизненное пространство за счет войн, а вследствие этого нуждавшимся для победы над врагом во всей энергии, патриотизме и энтузиазме своих граждан. Принадлежащие народу свободы были неотъемлемым наследием в тех государствах, где тяжелый механический труд был предоставлен рабам, а гражданин не был нужен обществу, если не осуществлял своих политических функций. Другой смысл приобретает для меня свобода в христианскую эру, в особенности в мелких государствах, связанных друг с другом договорными обязательствами на манер греческих республик, как, например, в Германии или в Италии. Там обнаруживается что-то вроде естественных причин для свободы. Она была бы почти безобидной в те времена, когда принцип авторитарности не подвергался сомнению, когда религия обладала абсолютной властью над умами, когда народ мирно жил под рукой своих пастырей, сдерживаемый гильдиями, цехами, церковью. Если бы тогда зашла речь о политическом освобождении, оно могло бы быть совершенно безболезненным,

поскольку произошло бы в соответствии с принципами, на которых основывается существование любого сообщества. Но в ваших больших государствах, живущих только промышленностью, у ваших народов, живущих без Бога и веры, в такое время, когда война уже не может эти народы удовлетворить и их чрезмерная активность обращается против них самих, тут свобода вместе с лежащими в ее основе принципами может привести только к разрушению и гибели. К тому же она столь же безразлична для нравственного чувства отдельного человека, как и для государства.

Притупление самостоятельного мышления и революционные потрясения привели к образованию сообществ опустошенных и ошеломленных, равнодушных к политике столь же, сколь к религии, не знающих никакого интереса, кроме плотских удовольствий, живущих только ради собственной выгоды, почитающих только деньги, превосходящих в сфере торговли даже иудеев, которых они взяли себе за образец. Вы думаете, что низшие классы станут бороться за власть в государстве из любви к свободе как таковой? Они делают это из ненависти к имущим; собственно говоря, они намереваются лишить их богатства, то есть источника удовольствий.

Имущие же молят только об одном: об энергичной руке, о сильной государственной власти. Они требуют лишь защитить государство от агитации, которой не в силах противостоять его слабое законодательство, и дать им уверенность в завтрашнем дне, чтобы они могли предаваться своим делам и удовольствиям. Какую же форму правления вы предложите государствам, которые поражены коррупцией, в которых состояния складываются только путем коварства и подкупа, где нравственность поддерживается только карающими законами, где даже любовь к отечеству выродилась в неопределенный космополитизм?

Для таких государств, являющихся по сути колоссом на глиняных ногах, не знаю иного спасения, кроме строгой централизации, которая предоставляет всю полноту власти в распоряжение правителя, кроме государственной иерархии наподобие Римской империи, которая механически управляет всей жизнью отдельных граждан, кроме всеобъемлющей системы законов, отменяющих каждую из неразумно дарованных свобод, короче говоря, кроме гигантского деспотизма, способного немедленно и непосредственно покарать каждого, кто сопротивляется или жалуется. Как мне кажется, императорское правление в Римской империи вполне соответствует моим представлениям о благе для современ-

ных держав. Благодаря разветвленному управленческому аппарату, который, по имеющимся у меня сведениям, наличествует в нескольких европейских странах, они также могут жить в мире, как и народы Китая, Японии, Индии. Не следует поддаваться распространенному предубеждению и презирать эти восточные культуры, подлинную ценность которых мы с каждым днем понимаем все лучше. Например, народ Китая очень культурен, и им очень хорошо управляют.

Разговор пятый

Монтескье

Сомневаюсь, должен ли я отвечать вам, Макиавелли; в ваших последних словах столько сатанинской иронии, что я вчуже полагаю: ваши речи не вполне соответствуют вашим мыслям. Вы поистине обладаете фатальным красноречием, способным увести с пути истины, вы поистине дух зла, имя которого по сей день внушает ужас живущим. Тем не менее, склонен признать, что слишком большой потерей было бы при встрече со столь могучим духом молча соглашаться со всем, что он говорит. Я выслушаю вас до конца и отвечу вам, хотя у меня осталось мало надежды убедить вас. Вы только что набросали весьма мрачную картину современного общества. Не смея судить о ее достоверности, замечу лишь, что она, по крайней мере, не полна. По-прежнему злу сопутствует добро, вы же говорили только о зле. Кроме того, вы не дали мне никакого способа проверить истинность сказанного вами; не знаю, какие народы и государства вы имели в виду, набрасывая эту мрачную картину современного состояния умов.

Макиавелли

Так предположим, что в качестве примера из всех народов Европы я выбрал тот, который дальше всех прошел путем культуры и к которому — это я хочу отметить особо — менее всего подходит картина, нарисованная мной ...

Монтескье

Совершенно очевидно, что вы имеете в виду французский народ.

Макиавелли

Конечно.

Монтескье

Вы правы. Этот народ пока менее всего заражен ложными материалистическими учениями, Франция остается очагом великих идей и великих страстей; хотя вы и считаете, что их источник иссяк, здесь родина великих принципов государственного права, которым вы не приписываете никакого влияния на правление страной.

Макиавелли

Вы могли бы еще добавить, что с давних времен Франция является пробным камнем политических теорий.

Монтескье

Мне неизвестен ни один опыт, который долгое время способствовал бы расцвету деспотизма, ни во Франции, ни где бы то ни было еще в современном мире, потому-то я и нахожу вашу теорию о необходимости абсолютизма столь мало соответствующей действительности. До сих пор мне были известны в Европе лишь два государства, абсолютно лишенных каких бы то ни было либеральных институтов, способных хоть в каком-то отношении ограничивать монархическую стихию. Это Турция и Россия. Но если вы пристальнее взгляните в процессы, происходящие в недрах последней, то, весьма возможно, обнаружите признаки близких изменений. Вы опередили меня, сказав — вероятно, это так и есть, — что в более или менее обозримом будущем народы перед лицом неотвратимой гибели прибегнут к деспотизму как последнему средству спасения и заведут у себя порядки по образцу абсолютных монархий, подобных азиатским. Это всего лишь предположение. Как скоро оно осуществится?

Макиавелли

Не позднее, чем через сто лет.

Монтескье

Вы поступаете, как все пророки. Целое столетие! Так вы всегда в выигрыше. Позвольте же сказать вам теперь, почему ваше предсказание не осуществится. Нельзя рассматривать современные общества глазами прошлого. Их нравы, их привычки, их потребности — все изменилось. Нельзя без должных коррективов полагаться на исторические аналогии, когда пытаешься судить о будущем. Прежде всего, следует опасаться счесть случайные факты за всеобщие законы, а то, что было необходимо в определенные эпохи и в конкретных ситуациях, принять за всеобъемлющие правила. Разве следует из того, что в ходе истории деспотизм много раз становился следствием социальных переворотов, его превращение в принцип правления? Имею ли я право из того, что в прошлом он служил переходной стадией, делать вывод, что он пригоден для разрешения кризисов современности? Разве не разумнее предположить, что новая болезнь требует нового лечения, новая проблема — нового решения, а новые социальные условия нуждаются в новых политических? В любом случае, непреложным законом человеческого общества является тот, согласно которому оно стремится к совершенствованию, к прогрессу. Позволю себе заметить: на это его обрекает вечная мудрость; другого пути нет. Общество должно достичь конечной цели прогресса.

Макиавелли

Или умереть.

Монтескье

Давайте не будем впадать в крайности. Народы не умирают, находясь в детском возрасте. Только достигнув определенной зрелости, они могут ухудшать свое положение, распадаться и гибнуть; но для этого должно пройти много столетий. Разные народы Европы друг за другом прошли разные стадии, от феодальной системы к монархической, от монархического режима к конституционному. Это прогрессивное развитие, единство которого так впечатляет, не случайно. Оно — логический результат развития мысли, прежде чем она реализуется в деянии.

Общественные формации не могут иметь иных форм правления, кроме тех, которые соответствуют их основным принципам; этот общий

закон признаете и вы. Как же согласуется с ним мысль, что деспотизм соответствует современной культуре? До тех пор, пока народы рассматривали суверенную власть как нечто божественное, они без ропота подчинялись абсолютной власти. Пока их институты не были в состоянии гарантировать их развитие, они принимали произвол. Но в тот день, когда были признаны и торжественно провозглашены их права, в тот день, когда более совершенные институты позволили свободно решать все вопросы государственного функционирования, — в тот день политика утратила свое величие, власть стала зависимой от общественной жизни, искусство править превратилось в чисто административное. Сегодня положение дел таково, что государственная власть служит всего лишь двигателем организованных сил.

Конечно, если вы предполагаете, что эти государства поражены всей той коррупцией, всеми пороками, о которых вы только что говорили, они весьма быстро будут двигаться к гибели. Но как же вы не понимаете, что ваши выводы ложны? С каких это пор свобода унижает души и портит характеры? Такому история нас не учит. Напротив, везде написано сверкающими буквами, что самые значительные народы были и самыми свободными. Если, как вы говорите, в одной неизвестной мне части Европы нравственность и упала, так лишь потому, что там установился деспотизм, угасла свобода. Следовательно, ее необходимо поддерживать там, где она существует, и провозглашать там, где ее нет. Не забывайте, что мы с вами говорим о принципах. Пусть ваши принципы отличны от моих, они тем не менее должны оставаться неизменными. Не знаю, что и думать, когда слышу, как вы славите свободу в древние времена, предаете ее анафеме в наше время, как вы то признаете, то отрицаете ее в зависимости от времени и места. Даже если признать эти различия оправданными, принципы от этого не меняются, а я придерживаюсь только принципов.

Макиавелли

Я вижу только, что вы, как искусный лощман, избегаете отмелей и держитесь в открытом море. При дискуссии общие места — вещь незаменимая. Но сознаюсь, что начинаю терять терпение. Мне хочется узнать, как досточтимый Монтескье обойдется с принципом народного суверенитета. Я до сих пор так и не услышал, является он частью вашей системы или нет? Признаете вы его или нет?

Монтескье

Я не могу отвечать на вопрос, сформулированный подобным образом.

Макиавелли

Я так и думал, что этот призрак приведет в смятение и ваши мысли тоже.

Монтескье

Вы заблуждаетесь, Макиавелли. Но прежде, чем я отвечу вам, вынужден напомнить, чем, собственно говоря, были мои сочинения и какие перед ними стояли задачи. Вы возложили на меня ответственность за несправедливости Французской революции. Это суровый приговор философу, который осторожно продвигался вперед в поисках истины. Родившись в эпоху духовного подъема, накануне революции, устранившей в моем отечестве старые формы монархического правления, могу сказать, пожалуй, что от моего взгляда не укрылось ни одно из последствий развития идей. Я не могу игнорировать тот факт, что когда-нибудь система разделения властных функций по необходимости изменит носителя суверенного достоинства.

Недостаточное понимание и особенно негодное применение этого принципа может вызвать чудовищные последствия и в корне изменить французское общество. Ощущение такой опасности было моей путеводной нитью во время работы над этими произведениями. В то время как неосторожные новаторы, осмеливаясь прикоснуться непосредственно к источнику власти, готовили в своей неразумности ужасную катастрофу, я стремился лишь изучить формы свободного правления и обозначить предпосылки для их введения. Будучи в большей степени государственным деятелем, чем философом, более юристом, чем теологом, более практическим законодателем, если мне будет позволено так выразиться, чем теоретиком, я полагал, что сделаю для своей страны больше, если научу ее самоуправлению, чем если посягну на принцип авторитета. Но ни в коем случае, упаси Господи, не попытаюсь я присвоить заслуги тех, кто, подобно мне, ревностно искал истину. Мы все ошиблись, но каждый должен отвечать за свои собственные дела. Разумеется, Макиавелли, я ни минуты не колеблясь делаю это признание: вы правы, говоря, что освобождение французского народа должно согласовывать-

ся с высшими принципами существования человеческого общества. Это признание уже дает вам понять, что я думаю о принципе народного суверенитета.

Прежде всего, я не допускаю такого толкования принципа народного суверенитета, которое отторгает от него образованные классы. Это основополагающее определение, поскольку только оно способно превратить государство в чистую демократию или представительское государство. Если суверенитет и принадлежит кому-либо, то только всей нации. Поэтому отныне я буду именовать его национальным суверенитетом. Однако идея этого суверенитета заключает в себе не абсолютную, но всего лишь относительную истину. Неограниченность данной человеку власти связана с мыслью, проведение которой в жизнь меняет все с самого начала, — с мыслью о суверенности человеческих прав. Это материалистическое и атеистическое учение Французская революция омыла потоками крови, и оно после опьянения свободой принесло ей позор деспотизма. Не совсем верно говорить, что народы являются абсолютными хозяевами своей судьбы; их всемогущий повелитель — Господь, и никогда они не выйдут из-под его власти. Если бы они обладали абсолютной суверенностью, то могли бы бороться и против вечной справедливости, против Бога. Кто осмелится зайти так далеко? Но если принимать принцип божественного права в том значении, которое обычно связывается с этим словом, то это не менее опасно, поскольку отдаст народы во власть обскурантизму, произволу и низменным побуждениям, логически приводит к господству каст, делает из народов стадо рабов, которые, как в Индии, управляются жрецами и дрожат под бичом своих господ. И как же иначе? Если суверен является посланником Бога, даже его наместником на земле, тогда он — полный господин над человеческими существами, подчиненными его власти, а эта власть может быть ограничена только теми общими правилами, по которым для одного хорошо то, что плохо для другого. На поле боя, простирающемся между этими двумя крайностями, ожесточенно сражались разные партии. Одни кричали: никакого божественного авторитета! Другие: никакого человеческого авторитета! Великий Боже, мой разум протестует и против той, и против другой альтернативы. Обе они кажутся мне равным оскорблением Твоей мудрости. Между божественным правом, исключаяющим человека, и человеческим правом, исключаяющим Бога, лежит истина, Макиавелли. Народы и отдельные люди — в руке Божьей. Они обладают своими правами и властью только при том условии, что будут пользоваться ими по законам вечной справедливости. Суверенность является человеческой только в том смысле, что дана человеку

и осуществляется им. Она божественна потому, что дана по изволению Господа и может осуществляться только в соответствии с заповедями, данными Им.

Разговор шестой

Макиавелли

Мне очень бы хотелось прийти к точным выводам. Докуда достает плань Господня, простертая над человечеством? Кто возводит на трон?

Монтескье

Народы.

Макиавелли

Сказано: «Мной правят правящие». Это буквально означает, что Бог ставит королей.

Монтескье

Это такой перевод, который только вам, Макиавелли, может пригодиться для вашего государя, а в этом столетии он подхвачен одним из ваших известнейших сторонников,¹ но он не соответствует смыслу, которым эти слова имеют в Священном писании. Богу угодна суверенность, но не он назначает отдельных суверенов. Тут Его всемогущая рука останавливается, поскольку начинается свобода воли человека. Божественная книга имеет в виду следующее: короли правят по моим заповедям, они повелевают, чья мой закон. Иначе мы вынуждены были бы сказать, что обязаны божественному промыслу как плохими государями, так и хорошими. Следовало бы склонить голову перед Нероном так же, как перед Титом, перед Калигулой — как перед Веспасиа-

¹ Совершенно очевидно, что Монтескье намекает здесь на Жозефа де Местра, имя которого еще появится далее (примечание издателя).

ном. Нет, отнюдь нет Божьего соизволения на то, чтобы безбожнейший властитель прикрывался его именем, чтобы подлеший тиран ссылался на волю Божию. И народам, и королям Он предоставил право отвечать за свои дела.

Макиавелли

Я сильно сомневаюсь, что ваши утверждения соответствуют ортодоксальной точке зрения. Но как бы то ни было, вы полагаете, что народы пользуются суверенной властью.

Монтескье

Если вы будете оспаривать это утверждение, то рискуете навлечь на себя упреки в противоречии истинам ясного здравого человеческого ума. Ведь это не новость в истории человечества. В древности, в средние века, повсюду, где государственная власть не вводилась путем вторжения и интервенции, суверенная власть возникала из свободного волеизъявления народов, выражавшегося первоначально в форме выборов. Например, именно так обстояло дело во Франции, когда основатель династии Каролингов наследовал потомкам Хлодвигу, а династия Гуго Капета — династии Карла Великого.¹ Разумеется, далее на место выборов заступило право наследования. Блеск оказанных народу услуг, народная благодарность, традиции дали суверенную власть княжеским семействам Европы, и это был абсолютно законный процесс. Но принцип верховной власти нации не исчез, он был основой революций, на него ссылались, когда нужно было санкционировать передачу власти новому правителю. Потому что это принцип, предшествующий образованию любого государства и существующий до него, принцип, все отчетливее выражающийся в конституциях отдельных современных государств.

Макиавелли

Но если народы выбирают своих правителей, отчего бы им тогда не свергать их вновь? Если они вправе принимать ту форму государства, которая кажется им наиболее подходящей, кто может воспрепятствовать им сменить ее, когда им заблагорассудится? Из ваших слов следует не господство порядка и свободы, а бесконечная череда революций.

¹ Дух законов. Книга XXXI. Глава 4.

Монтескье

Вы пугаете право со злоупотреблениями, которые могут возникать при его функционировании, принципы — со способом их применения; это вещи, в корне отличающиеся друг от друга, и нельзя прийти ни к какому соглашению, не признавая этого.

Макиавелли

Не думайте, что этим способом вам удастся ускользнуть от меня. Я требую, чтобы вы рассуждали логически. Если вам не хочется, вы ведь можете и отказаться. Я желаю знать, имеют ли народы право свергать с трона своих суверенов согласно вашим принципам?

Монтескье

Разумеется, такое право они имеют, но только в крайних случаях и имея на то серьезные причины.

Макиавелли

А кто будет судить, идет ли речь о крайних случаях и оправданы ли исключительные меры?

Монтескье

Кто же, кроме самих народов! Разве было когда-либо иначе, с тех пор, как стоит мир? Разумеется, это ужасный акт справедливости, но он целителен и неизбежен. Отчего вы не хотите признать, что противоположная точка зрения, согласно которой люди должны чтить и самых ненавистных правителей, всегда будет приводить к воцарению жесточайшей монархии?

Макиавелли

Что-то не так в вашей системе: она предполагает, что разум народов безошибочен. Но разве нет у народов, как у отдельных людей, страстей, разве не совершают они ошибок и несправедливостей?

Монтескье

Если народы совершают ошибки, их ждет за это кара, как людей, нарушивших законы морали.

Макиавелли

Как это?

Монтескье

Их карает бич раздоров, анархия и деспотизм. На этой земле нельзя уповать ни на какую справедливость, кроме божественной.

Макиавелли

Вы только что произнесли слово «деспотизм». Что же, мы опять возвращаемся к нему?

Монтескье

Это возражение недостойно вашего высокого ума, Макиавелли. Я заявил, что готов вывести самые отдаленные следствия из принципов, противником коих вы являетесь. При этом истина уже исказилась. Бог не дал человеку ни власти, ни воли изменять таким образом формы государства, являющиеся основным способом их бытия. Сама природа ограничивает в политических сообществах — наподобие органических существ — тягу свободных сил к распространению. Ограничьте вашу аргументацию тем, что согласуется с разумом.

Вы полагаете, что под влиянием современных идей революции будут происходить чаще. Этого не случится. Возможно даже, что они станут реже. И в самом деле, как вы сказали, народы живут в век промышленности, и то, что вы считаете причиной закабаления, является принципом порядка и свободы. У промышленных культур есть уязвимые места, очень хорошо мне известные, но нельзя отрицать их достижений и искажать их устремления. Общества, живущие трудом, торговлей, кредитом, — это христианские общества по своей глубинной сути, что бы о них ни говорили. Все эти могучие и столь различные формы развития промышленности являются по сути не чем иным, как практическим применением великой нравственной идеи, взятой из христианства, этого источника всех сил и всей мудрости.

Промышленность играет в развитии современных обществ столь значительную роль, что, находясь на тех позициях, на которых пока находитесь вы, нельзя делать точных прогнозов, не учитывая ее влияния;

а это влияние отнюдь не таково, каким вы его представляете. Наука, изучающая условия жизни в промышленном обществе и закономерности, вытекающие из них, категорически противоположна принципу концентрации власти в одних руках. В соответствии с учением о народном хозяйстве, в политических органах видят всего лишь необходимый и очень дорогой механизм, который следует упростить, а роль правительства сводится к столь простым функциям, что, наверное, главным просчетом этого учения является разрушение его ореола. Промышленность — природный враг революций; без социального порядка она погибнет, и на этом завершится живое развитие народов. Она не может лишиться свободы; она может существовать только в условиях свободы и — запомните это хорошенько — свободы в промышленной области предполагают и политические свободы, так что можно сказать: народы, дальше всех ушедшие в промышленном развитии, добились наибольших успехов и в завоевании свобод. Оставьте Китай и Индию, ведущие слепое существование абсолютных монархий, и обратите взор к Европе — вы сами тогда в этом убедитесь. Вы только что вновь произнесли слово «деспотизм». Ну так скажите мне, Макиавелли, вы, мрачный дух, постигший все подземные пути, все тайные комбинации, все уловки законодательства и правления, способные наложить оковы на развитие духа и тела народов, вы, презирующий людей, призывающий на них ужаснейшие формы восточного деспотизма, вы, политическое учение которого заимствовано из отвратительнейших теорий индийской мифологии, скажите мне, пожалуйста, как введете вы деспотическую форму правления у народов, государственное право которых в основном базируется на понятии свободы, мораль и религия которых развиваются в том же направлении, у христианских народов, живущих торговлей и промышленностью, в государствах, политические органы которых подвергаются критике общественности, высказываемой в прессе, той прессе, которая своими прожекторами освещает отдаленнейшие темные закоулки? Дайте волю своей могучей фантазии, ищите, находите, и если вы решите эту задачу, я готов заявить вместе с вами, что современный дух разбит.

Макиавелли

Берегитесь, вы облегчаете мне задачу. Когда-нибудь я поймаю вас на слове.

Монтескье

Пожалуйста.

Макиавелли

Не премину.

Монтескье

Возможно, вскоре нас разлучат. Вам неведома эта местность. Следуйте за мной по этой темной извилистой тропе. Еще несколько часов мы сможем укрываться от толпы, что вы видите там, позади.

Разговор седьмой

Макиавелли

Пожалуй, можно остаться здесь.

Монтескье

Слушаю вас.

Макиавелли

Прежде всего, должен сказать, что вы целиком и полностью заблуждаетесь по поводу того, как применять мои принципы на практике. Деспотизм видится вам лишь в разложившихся формах восточных монархий. Но я понимаю его не так. В современных обществах и методы следует применять современные. Сегодня, когда речь идет о насилии правительства, вовсе не нужно грубо попираť законы, рубить головы врагам, грабить подданных и лишать их собственности, казнить всех, кого можно. Нет, смерть, грабеж и физические пытки могут играть сегодня лишь весьма второстепенную роль во внутренней политике современных государств.

Монтескье

К счастью.

Макиавелли

Должен сознаться, что не отношусь к поклонникам вашей культуры паровых машин и фабричных корпусов. Но можете мне поверить, я не отстаю от времени. Притягательность учения, носящего мое имя, в том и состоит, что оно годится для всех времен и ситуаций. У Макиавелли есть сегодня последователи, понявшие ценность его учения. Меня считают одряхлевшим, но в любой день на этой земле ко мне вернется юность.

Монтескье

Вы смеетесь сами над собой?

Макиавелли

Послушайте меня, а потом уж судите. Сегодня в меньшей степени речь идет о насилии над людьми, в гораздо большей необходимо разоружить их, приглушить, а не заглушить их политические страсти, не бороться с инстинктами, а ввести их в заблуждение, не предавать идеи анафеме, а направить их в другую сторону путем присвоения.

Монтескье

Что вы имеете в виду? Мне это неясно.

Макиавелли

С вашего позволения, это был лишь теоретический аспект политики. Сейчас мы перейдем к ее практическому применению. Главный секрет искусства управлять состоит в ослаблении общественного духа до такой степени, чтобы его больше вообще не интересовали идеи и принципы, на основе которых вершатся революции. Во все времена и люди, и народы были падки на слова. Им почти всегда хватает видимости. Больше они ничего не желают. Поэтому можно создать соответствующие потребностям институты, приспособленные к способу выражения и ходу мысли, которые в свою очередь ориентированы на потребность. Нужно обладать талантом, усваивать свободолобивые речи всех партий, которые они используют в борьбе с правительством. Нужно накормить ими народы до пресыщения. Сегодня так часто говорят о власти общественного мнения. Я покажу вам, как можно заставить это общественное мнение говорить все, что захочешь, если познать скрытые пружины

этой власти. Но прежде чем управлять общественным мнением, его нужно смутить, сбить с толку ошеломляющими противоречиями, беспрестанно отвлекать его, слепить всяческими сенсациями и незаметно увести с пути истинного. Один из главных секретов нашего времени состоит в том, чтобы пользоваться предубеждениями и страстями народа для смешения основ, делающего невозможным всякое взаимопонимание между людьми, говорящими на одном языке и имеющими общие интересы.

Монтескье

Что имеете вы в виду, говоря столь непонятно, но пугающе?

Макиавелли

Если бравый Монтескье хотел заменить политику моральным чувством, то мне следует умолкнуть. Я не намеревался вторгаться в область морали. Вы потребовали, чтобы я прекратил в ваших обществах постоянные помехи развитию со стороны духа анархии и мятежа. Не будете ли вы любезны объяснить, как мне решить эту задачу? Вы можете не угрызаться совестью и рассматривать мои рассуждения как чисто теоретическое удовлетворение вашего любопытства.

Монтескье

Хорошо, согласен.

Макиавелли

В общем, я могу понять, почему вы требуете от меня более ясного изложения. Постараюсь это сделать. Но прежде позвольте назвать вам те существенные предварительные условия, которые дают сегодня государю надежду на укрепление его власти. Прежде всего, ему следует задуматься об уничтожении всех партий, роспуске всех влиятельных организаций и нейтрализации индивидуальной инициативы во всех проявлениях. Тогда число людей с сильным характером, само собой уменьшится, и замрут все силы, способные противиться порабощению. Абсолютная власть станет не напастью, но потребностью. Эти политические правила, как я уже сказал, не новы, их только нужно употребить в дело. Очень многих из этих целей можно добиться путем нескольких несложных распоряжений в полицейской и административной областях.

В ваших столь прекрасных, столь хорошо организованных обществах вы заменили абсолютную монархию монстром под названием «государство», новым Бриареем, сторуким великаном, руки которого достают до всего, неслыханной тиранической организацией, под сенью которой деспотизм будет возрождаться вновь и вновь. Если призвать это государство на помощь, то не будет ничего проще завершения тайного дела, о котором я только что толковал, а самыми действенными средствами его осуществления будут те самые, что используются промышленными режимами, которыми вы так восхищаетесь и у которых они будут заимствованы.

Исключительно законным путем я создам, к примеру, финансовые монополии, средоточия народного достояния, от которых столь непосредственно будет зависеть судьба всех личных состояний, что в первый же день после политического переворота они растают так же, как государственный кредит. Вы экономист, Монтескье, так оцените же сами силу этой идеи. В качестве главы правительства я подчиню все свои указы и распоряжения той же цели: уничтожению коллективных и индивидуальных органов власти, увеличению роли государства до бесконечности, возвышению его до суверенного защитника, покровителя и благодетеля. А вот другая мысль, также позаимствованная у государств с развитой промышленностью: в настоящее время аристократия как политическая сила сошла со сцены. Но крупная земельная собственность продолжает оставаться одним из основных источников сопротивления, могущего быть опасным правительству, если он сохраняет независимость. Таким образом, возникает государственная необходимость ослабить его или сокрушить полностью. Для достижения этого достаточно повысить налоги на земельную собственность, поставить сельское хозяйство в бедственное положение, покровительствуя при этом торговле и промышленности, а в особенности спекуляциям; слишком пышный расцвет промышленности тоже может стать опасен, поскольку способствует образованию слишком большого числа независимых состояний.

Против крупных промышленников-фабрикантов следует бороться, вовлекая их в предприятия, не имеющие никакого отношения к их доходам, повышая заработную плату и совершая продуманные нападения на основы производства. Я не буду развивать эту мысль. Вы и так хорошо знаете, при каких обстоятельствах и под какими предложениями все это легко осуществимо. Интересы народа, даже выступления в защиту его свобод, в защиту великих принципов экономики с легкостью, если

нужно, замаскируют подлинные цели. Можно не добавлять, что постоянная поддержка государя армией, закаленной во внешних войнах, способствует совершенствованию этой системы. Дело следует довести до того, чтобы в государстве остались только пролетарии, несколько миллионеров и солдаты.

Монтескье

Продолжайте.

Макиавелли

Это то, что можно сказать о внутренней политике. Что касается внешней, следует поддерживать во всех концах Европы революционное брожение, подавляемое в собственной стране. Выступления в защиту свободы за границей отвлекают внимание от угнетения в собственной стране. Кроме того, в поле зрения попадают все другие державы, в которых можно по желанию то поддерживать порядок, то вызывать беспорядки. Главное — путем интриг так перепутать все нити европейской политики, чтобы стравливать друг с другом державы, с которыми приходится иметь дело. Вы ведь не думаете, что такая двойная игра, если она хорошо ведется, может повредить суверену. Александр VI в своих дипломатических переговорах никогда не исходил ни из чего, кроме обмана, и всегда имел успех. Он прекрасно знал искусство лицемерия.¹ Но то, что вы сегодня называете официальным языком дипломатии, должно быть совершенно иным. Нужно быть, насколько возможно, более лояльным и предупредительным. Народы, принимающие внешность за чистую монету, и после смерти будут славить государя, умеющего вести себя подобным образом.

На всякие беспорядки внутри страны он должен уметь ответить войной с заграницей, на всякую грозящую революцию — всеобщей мобилизацией. Но поскольку в политике слова никогда не обязаны совпадать с делами, государь должен быть достаточно ловким, чтобы в любой ситуации скрыть свои истинные намерения за прямо им противоположными. Всегда должно казаться, что только под давлением общественного мнения он соглашается на то, что давно уже подготовил.

Можно подвести итог одной фразой: революция сдерживается путем введения всеобщего военного положения самим государством — с од-

¹ Макиавелли. Государь. Глава XVII.

ной стороны, из страха перед анархией, с другой — из боязни наступающего после революции государственного банкротства.

Уже по тем коротким намекам, к которым я прибегал, вы должны понять, сколь велика роль искусства живого слова в современной политике. Я, как вы еще увидите, далек от того, чтобы презирать прессу, но в случае необходимости смогу воспользоваться и трибуной оратора. Главное в том, чтобы повернуть против противника все те средства, что он может направить против нас. Я не удовлетворюсь опорой на могучую силу демократии, но позаимствую у хитроумной юриспруденции все ее уловки. Если предстоит принимать решения, которые могут показаться неоправданными и легковесными, то важно уметь объявить о них пышными словесами и подкрепить их возвышеннейшими соображениями морали и права. Таким образом, вы видите: власть, о которой я мечтаю, никоим образом не сопряжена с варварскими манерами. Она должна использовать все возможности и таланты культуры, в которой мы живем. Она должна окружить себя журналистами, адвокатами, учеными, юристами, практиками и администраторами, то есть такими людьми, которым до тонкости известны все тайны и движущие силы социальной жизни, которые говорят на всех языках, которые знают людей любого круга. Их нужно искать повсюду; такие люди оказывают удивительнейшие услуги, используя в политике свой острый ум. Кроме того, необходимо создать штаб из управляющих, банкиров, промышленников, капиталистов, изобретателей, математиков; ибо все сводится к арифметике.

Что до высших государственных должностей, главных участков власти, нужно обеспечить, чтобы их занимали лишь такие люди, характер и предшествующая жизнь которых резко и бесповоротно отделяли их от других людей, чтобы каждого из них при смене правительства ожидала только смерть или изгнание, вследствие чего он был бы принужден защищать существующее положение до последнего вздоха.

Представьте же себе теперь, что в моем распоряжении все те материальные и духовные средства, которые я вам только что перечислил, и дайте мне какой-нибудь народ. Вам понятно? Ведь одно из основных положений вашей книги о духе законов¹ заключается в том, что нельзя менять характер народа, если хочешь сберечь его исконную силу. Дайте мне не более чем двадцать лет, и я полностью изменю

¹ *Дух законов. Книга XIX. Глава 5.*

неукротимейший характер любой европейской нации и подчиню ее тирании, как какой-нибудь мелкий азиатский народец.

Монтескье

Вы использовали еще одну главу вашего сочинения о государе, чтобы посмеяться над самим собой. Как бы ни обстояло дело с вашим учением, я не хочу дискутировать о нем. Я ограничусь одним замечанием: вы ни в коей мере не сдержали данного слова. Применение всех этих средств предполагает наличие абсолютной власти, а я просил вас точно сказать, как вы обоснуете абсолютную власть в политических объединениях, основывающихся на либеральных институтах.

Макиавелли

Ваше порицание вполне справедливо, и я не намерен уклоняться от него. Это было всего лишь вступление.

Монтескье

Возьмем государство, основанное на представительской системе правления, республику или монархию. Я говорю о народе, давно знакомом со свободой, и спрашиваю вас, каким образом вы вернете его к абсолютизму.

Макиавелли

Нет ничего проще.

Монтескье

Посмотрим.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Разговор восьмой

Макиавелли

Я беру максимально крайний случай и выбираю в качестве примера государства республику. При монархии роль, которую мне хотелось бы играть, была слишком легкой. Я выбираю республику, так как при такой форме правления мне предстоит, как вам кажется, столкнуться с почти неодолимым сопротивлением идей, нравов и законов. Вы не против? Таким образом, я принимаю из ваших рук некое, большое или маленькое, государство; допустим, что оно располагает всеми возможными учреждениями, гарантирующими его свободу, и мне остается задать вам только следующий вопрос: верите ли вы, что его правительство защищено от путча, или, как говорят сегодня, государственного переворота?

Монтескье

Конечно, нет; но согласитесь, по крайней мере, что такое предприятие сегодня, при том как общество устроено и сколь велико его участие в политике, в высшей степени затруднительно.

Макиавелли

Почему же? Разве сейчас эти общества не так же, как всегда, в руках политических партий? Разве нет повсюду элементов, провоцирующих гражданскую войну, задумывающих переворот, стремящихся к власти?

Монтескье

Может быть; однако полагаю, что могу быстро объяснить вам, в чем вы заблуждаетесь. Такие захваты власти чрезвычайно редки, поскольку противоречат современному устройству, и даже если предположить их

удачный исход, они вовсе не обладают тем значением, которое вы, как кажется, склонны им приписывать. Смена власти не приведет к смене институтов. Может случиться, что некто, претендующий на власть, свергнет государство в беспорядки; полагаю даже, что его партия может победить, затем власть перейдет в другие руки, и это все. Но государственное право, а с ним и основы самих институтов, останется неизменным. Оно не меняется.

Макиавелли

Вы действительно питаете такие иллюзии?

Монтескье

Докажите обратное.

Макиавелли

Вы, стало быть, согласны, что захват власти у существующего правительства вооруженным путем может некоторое время быть успешным?

Монтескье

Да.

Макиавелли

Тогда рассмотрим ситуацию, в которую я попал. Я подавил любую власть, кроме собственной. Если продолжающие пока что существовать институты и способны помешать мне, то только чисто формально; в действительности мои самовольные действия не могут столкнуться с реальным сопротивлением; короче говоря, мое свободное от законов состояние есть то, что римляне называли прекрасным и энергичным словом «диктатура». Это означает: теперь я могу все, что мне угодно. Я издаю законы, я их исполняю и я на коне как главнокомандующий. Запомните это хорошенько. Я победил потому, что опирался на одну из партий, а это означает: захват власти может произойти только в условиях глубокого внутреннего раскола. Можно сказать, я обязан им случаю, но нельзя заблуждаться относительно причин этого случая. Речь будет идти о противоречиях аристократии и народа или буржуазии и народа.

В сущности, иначе и быть не может; поверхностному же взгляду предстанет сумятица идей, мнений, взглядов и противоборствующих течений, как во всех государствах, где свобода воцаряется хоть на минуту. Присутствуют политические элементы всех сортов, остатки некогда победоносных партий, ныне разбитых, безудержное честолюбие, разъедающая ненависть, непримиримая зависть, повсеместный террор, сторонники всех взглядов и всех доктрин, реакционеры, демократы, анархисты, утописты — все при деле, все совместно трудятся над ниспровержением существующего порядка. К каким же выводам можно прийти перед лицом подобной ситуации? К двум. Первый: стране совершенно необходим покой, и тому, кто его даст, она не откажет ни в чем. Второй: при таком разброде партий нет никакой реальной силы, вернее, есть одна-единственная: народ.

Я — один из победоносных стражей власти. Допустим, что я обладаю уважаемым, известным из истории именем, способным воздействовать на воображение масс. Я обопрусь о народ подобно Писистрату, Цезарю, Нерону. Это азбука любого узурпатора. Слепое насилие даст мне в руки возможность безнаказанно творить все, что заблагорассудится, а авторитет народа освятит все мои деяния. На самом деле народу плавать на изобретенную вами легальность, на ваши конституционные гарантии.

Партии я заставил замолчать, а теперь вы увидите, как я буду действовать далее.

Возможно, вы не забыли тех правил, что я выдвигаю в своем труде о государе, там, где речь идет об удержании захваченных территорий. Узурпатор государственной власти оказывается в положении захватчика. Он вынужден устраивать все по-новому, ликвидировать государство, уничтожать граждан, менять образ жизни.

Такова цель. Но в современной ситуации ее можно достичь только окольными путями, двусмысленными средствами, ловкими комбинациями и по возможности не применяя насилия. Поэтому существующие институты я не буду уничтожать непосредственно, но неприметно завладею ими всеми и нарушу механизм их действия. Так я по очереди поступлю с прессой, судовождением, выборами, личной свободой, школами. Через голову существующих законов я введу совершенно новое законодательство, не отменяя старого: сначала я оттесню его на задний план, потом заставлю исчезнуть полностью. Это мои основные действия, а теперь я в подробностях расскажу вам об их осуществлении.

Монтескье

Как жаль, что вы не прогуливаетесь более в садах Ручелли и не проповедуете там это прелестное учение, как огорчительно, что потомки лишены возможности слышать вас.

Макиавелли

Утешьтесь. Для того, кто умеет читать, обо всем этом сказано в книге о государе.

Монтескье

Оставим это. Итак, вы захватили власть. Ваши действия?

Макиавелли

Сначала — великие шаги, затем — маленькие.

Монтескье

Итак, сначала — великие.

Макиавелли

Успешное ниспровержение существующей власти — еще не все. Партии по большому счету не считают себя разбитыми. Еще не ясно, насколько хватит энергии узурпатора; его захотят испытать и поднимутся против него с оружием в руках. Тут и настанет момент начать террор против всего общества, который заставит содрогнуться самые отважные сердца.

Монтескье

Что же вы намереваетесь делать? Вы ведь сказали, что испытываете отвращение к кровопролитию.

Макиавелли

Нельзя допускать ложной гуманности. Общество под угрозой и имеет право защищаться. Неумолимая твердость и даже величайшая жестокость только предотвратят новое кровопролитие в будущем. Не спра-

шивайте меня о конкретных действиях. Но нужно, чтобы ужас раз и навсегда сковал сердца людей, а страх вселил в них покорность.

Монтескье

Да, вспоминая, вы проповедуете это в своей книге о государе, рассказывая об ужасающих деяниях Цезаря Борджиа в Чезене.¹ Вы остались прежним.

Макиавелли

Нет, позже вы поймете, что я поступаю так только по необходимости, сам страдая от этого.

Монтескье

А кто же будет проливать кровь?

Макиавелли

Армия! Исполнительная власть государственного правосудия, руку коей жертвы не обесчестят никогда. Две цели величайшей важности будут достигнуты с применением армии для акций подавления: с одной стороны, с этого момента на веки вечные она станет враждебной гражданскому населению, которое она безжалостно карает; с другой стороны, ее судьба будет неразрывно связана с судьбой ее предводителя.

Монтескье

И вы полагаете, что пролитая кровь не падет на вас?

Макиавелли

Нет, потому что властитель в глазах народа не имеет ничего общего со злодеяниями солдатни, которую не всегда, как известно, легко утихомирить. Ответственность за это понесут генералы, слуги, исполнявшие мои приказы. Но они — уверяю вас — будут верны мне до последнего вздоха; они-то очень хорошо знают, что их ждет, если не будет меня.

¹ Государь. Глава VII.

Монтескье

Это, стало быть, ваше первое мероприятие в качестве единовластно-го правителя. А второе?

Макиавелли

Не знаю, обращали ли вы внимание, сколь важны в политике мелочи. После того, о чем я вам только что поведал, я велю чеканить на каждой новой монете свой портрет и пушу в обращение множество таких монет.

Монтескье

Посреди государственных забот это будет, однако, ребячеством.

Макиавелли

Вы так полагаете? Вы никогда не были практиком власти. Отчеканенное на монете лицо — знак самой власти. Сперва найдутся гордецы, которых это повергнет в ярость, но постепенно все привыкнут. Даже враги моего правления будут вынуждены носить в кошельке мой портрет. Совершенно очевидно, что вскоре люди станут смотреть на черты, запечатленные на основе всякого благополучия и удовольствия, гораздо снисходительнее. С того дня, когда мое лицо появится на деньгах, я — король.

Монтескье

Согласен, эта мысль для меня нова. Но оставим это. Вы ведь не забыли — народы нового времени имеют привычку издавать конституции, гарантирующие их права. Ваша основанная на насилии власть, планы, которые вы мне изложили, не отступят ли они перед конституцией, все основы, максимы, принципы которой противоречат вашим принципам правления?

Макиавелли

Я издам другую конституцию, вот и все.

Монтескье

И вы считаете, что это не составит никакой трудности?

Макиавелли

Какие еще трудности? Больше нет никакой воли и никакой власти, кроме моих, опора моя — народ.

Монтескье

Это так. Но у меня остается одно сомнение: после того, что вы мне рассказали, я сомневаюсь, что ваша конституция станет памятником свободы. Вы считаете, что одного-единственного разрешенного насилием кризиса, одного-единственного успешного государственного переворота довольно, чтобы лишить народ всех его прав, завоеваний, институтов и принципов, которыми он привык руководствоваться в жизни?

Макиавелли

Простите! Не так скоро. Я ведь сказал вам: народы — как люди, видимость влечет их сильнее истины. В области политики это правило, которому я буду следовать, не рассуждая. Будьте добры, перечислите-ка мне еще раз принципы, которым вы придаете первостепенное значение, и вы увидите, что, против ваших ожиданий, они меня вовсе не смутят.

Монтескье

Макиавелли, во что вы их превратите?

Макиавелли

Не бойтесь же, назовите мне эти принципы.

Монтескье

Признаюсь, я вам не доверяю.

Макиавелли

Ну так я сам напомню их вам. Наверняка вы упомянули бы принцип разделения властных функций, свободу слова и печати, свободу религии, свободу личности, свободу собраний, равенство перед законом, неприкосновенность движимого и недвижимого имущества, право на жалобы, добровольную уплату налогов, соразмерность наказаний, необратимость законов. Довольно или вам угодно еще?

Монтескье

Я полагаю, Макиавелли, этого более чем достаточно, чтобы весьма осложнить ваше правление.

Макиавелли

В этом вы ошибаетесь, а сами принципы настолько справедливы, что я не премину провозгласить их публично. Если вам угодно, я даже сделаю из них введение к моей конституции.

Монтескье

Вы уж доказали мне, что вы — великий волшебник.

Макиавелли

Никакого волшебства. Просто нужно уметь делать политику.

Монтескье

Но как же вы собираетесь ввести эти принципы в ваше законодательство, а потом вовсе не соблюдать их?

Макиавелли

Будьте осторожны! Я сказал, что провозглашу эти принципы, но не говорил, что собираюсь зафиксировать их письменно или выполнять.

Монтескье

Как это?

Макиавелли

Я не собираюсь вдаваться в подробности. Я ограничусь заявлением, что признаю и поддерживаю все основы современного права.

Монтескье

Не понимаю, что означает это замалчивание подробностей.

Макиавелли

Сейчас вы увидите, насколько это важно. Если я буду останавливаться на этих правах подробно, свобода моих действий будет связана их ясными юридическими формулировками, чего я не хочу. Не останавливаясь же на них подробно, я создам впечатление, словно признаю их все, а в частности не признаю ни одного. Это позже позволит мне отменить при введении чрезвычайного положения те права, которые я сочту опасными.

Монтескье

Ясно.

Макиавелли

Кроме того, некоторые из этих принципов относятся, строго говоря, к государственному и конституционному праву, а другие — к гражданскому праву. Этого разделения при осуществлении абсолютной власти следует строго придерживаться. Сильнее всего народы привязаны к своим гражданским правам. Потому я не буду их касаться, пока только это возможно, и таким образом, по меньшей мере, часть моей программы окажется выполненной.

Монтескье

А государственное право?..

Макиавелли

В моей книге о государе я выдвинул положение, справедливое по сути: «Подданные всегда довольны государем, если он не посягает на их достояние и их честь; ему придется столкнуться с сопротивлением лишь незначительной кучки недовольных, с которыми он легко справится». Это ответ на ваш вопрос.

Монтескье

Строго говоря, его нельзя признать удовлетворительным. Можно возразить, что права государства тоже являются достоянием, что они важны для чести народов, что вы, покушаясь на государственное право,

затрагиваете достояние народов так же, как их честь. Можно добавить еще, что соблюдение гражданского законодательства тесно связано с соблюдением государственного права. Кто даст гражданам государства гарантию, что, лишившись сегодня политической свободы, они не утратят завтра личной свободы, что, подняв сегодня руку на их свободу, вы не протянете ее завтра к их имуществу?

Макиавелли

Разумеется, эти возражения будут выдвигаться, но, полагаю, вы сами отдаете себе отчет в их преувеличенности. Мне все кажется, вы верите, будто современные народы прямо-таки изголодались по свободе. Ну а учли вы тот случай, что они и слышать больше не хотят о ней, и можете ли вы требовать от государя, чтобы он обладал большим свободолобием, чем народы? Так попытайтесь опросить большинство вашего до глубоко сонного общества, в котором каждый живет только своими материальными интересами и эгоизмом, и вы увидите, как со всех сторон в ответ раздастся: Что за дело мне до политики? Какое мне дело до свободы? Не все ли равно: что то правительство, что это? Разве правительство не должно держаться?

Кроме того, имейте в виду: так говорит не только народ, но и буржуа, промышленники, интеллектуалы, богатые, образованные, все, кто в состоянии применить на деле ваши прекрасные теории государственного права. Они будут благословлять меня, восклицая, что я их спас, что их слишком мало, что они не способны руководить собой сами. Народы, видите ли, втихомолку обожают гениальных насильников. Обо всех актах насилия, проведенных с должной ловкостью, они будут говорить более с восхищением, чем с порицанием: это, конечно, нехорошо, но ловко сделано, изящно и красиво.

Монтескье

Вы, стало быть, вновь возвращаетесь к той части вашего учения, которую, как автор книги о государе, вы, так сказать, обязаны защищать по роду занятий.

Макиавелли

Нет-нет, мы как раз говорим о его практическом применении. Я наверняка преуспел бы еще более, если б вы не втянули меня в побочные дискуссии. Начнем же с того места, где остановились.

Разговор девятый

Монтескье

Вы остановились на издании конституции без народного одобрения.

Макиавелли

Я вынужден прервать вас. Я никогда не говорил, что буду отказываться от идей, власть которых мне известна.

Монтескье

Да неужели!

Макиавелли

Я говорю совершенно серьезно.

Монтескье

Вы, следовательно, допускаете участие народа в этом важнейшем деянии?

Макиавелли

Да, разумеется. Вас это удивляет? А я пойду еще дальше. Прежде всего, путем всенародного референдума я легализую произведенный государственный переворот. Я обращусь к народу с такими речами: «Дальше так продолжаться не могло. Я все сокрушил. Я спас вас. Вы сердитесь на меня? Вы свободны, при помощи референдума вы можете осудить или оправдать меня».

Монтескье

Свобода под гнетом террора и власти армии.

Макиавелли

Меня будут приветствовать с ликованием.

Монтескье

В это я верю.

Макиавелли

И референдум, который я сделал орудием своей власти, станет основой моего правления. Я проведу референдум, не учитывая классовых и имущественных различий, и он в секунду утвердит абсолютизм.

Монтескье

Конечно! Потому что одним ударом вы одновременно уничтожите семейное согласие, обесцените референдум, ликвидируете преимущества образования и сделаете из толпы слепую силу, которой будете править по своему усмотрению.

Макиавелли

Я претворю в жизнь только одну прогрессивную идею, к которой живейшим образом стремятся сейчас все народы Европы. Я организую референдум так, как это сделал Вашингтон в Соединенных Штатах, а первой задачей, которую я поставлю перед ним, будет утверждение моей конституции.

Монтескье

Как? Вы хотите подвергнуть ее обсуждению в народных собраниях или собраниях народных представителей?

Макиавелли

Ну, нет! Пожалуйста, оставим, наконец, идеи восемнадцатого века; современному положению вещей они более не соответствуют.

Монтескье

Так как же тогда вы собираетесь обсуждать свою конституцию? Как будут дискутироваться ее основные положения?

Макиавелли

Я даже и не думаю дискутировать о них. Я уже вроде бы говорил вам об этом.

Монтескье

Мы с вами начали толковать о принципах, которые вам благоугодно будет избрать. Вы поведали мне о Соединенных Штатах. Не знаю, может, вы и второй Вашингтон; но мне определенно известно, что современная конституция Соединенных Штатов была обсуждена и утверждена голосованием народных представителей.

Макиавелли

Ах, ради Бога! Не путайте времена, страны и народы. Мы в Европе. Моя конституция будет, в общем, предложена, и, в общем, принята.

Монтескье

Этим вы никого не введете в заблуждение. Как может народ, голося в таких условиях, знать, что он делает, и какие последствия для него это будет иметь?

Макиавелли

А где вы видели хоть когда-нибудь, чтобы конституция, по-настоящему заслуживающая этого имени и имевшая силу долгое время, была принята в результате всенародного обсуждения? Конституция в законченном виде должна быть плодом размышлений одного человека, или из нее ничего не выйдет. Без единого источника, без согласованности частей, без учета практических последствий она неизбежно будет страдать близорукостью, легшей в ее основу.

Повторю еще раз: конституция может быть творением исключительно одного человека. Никогда и не было иначе. Об этом свидетельствуют истории всех основателей государств: Сезостриса, Соломона, Ликурга, Карла Великого, Фридриха II, Петра I.

Монтескье

То, что вы мне рассказываете, является изложением одной из глав сочинения вашего ученика.

Макиавелли

Кого вы имеете в виду?

Монтескье

Жозефа де Местре. Все это общие места, в которых есть что-то истинное. Однако нахожу, что здесь они неприменимы. Послушать вас — так кажется, что вы хотите вывести некий народ из хаоса и тьмы, его первоначального состояния. Вы, кажется, позабыли, из какого предположения мы исходим: народ достиг вершин культуры, его публичное право прочно, он располагает упорядоченными институтами.

Макиавелли

Я и не спорю с этим. Кроме того, вы увидите, что мне, для того, чтобы достичь своих целей, совсем не надо разрушать ваши институты сверху донизу. Достаточно изменить их устройство и состав.

Монтескье

Объяснитесь.

Макиавелли

Вы только что прочли мне лекцию по конституционным вопросам; я извлеку из нее необходимую пользу. Собственно, я не так далек от всех этих идей о сбалансированности власти, как об этом думают в Европе. Это ясно из моего сочинения о Тите Ливии. Но к делу! Вы справедливо отметили, что в имеющих парламентский способ правления государствах Европы властные функции почти одним и тем же образом распределяются между политическими институтами, за согласованностью действий которых следит правительство. Так, под разными именами, но почти с одними и теми же полномочиями повсюду имеются совет министров, сенат, законодательное собрание, государственный совет, верховный суд. Не буду останавливаться на ненужном описании механизма функционирования этих носителей властных функций. Вам его секреты известны лучше, чем мне. Ясно, что каждый из них играет важную роль в управлении. Заметьте хорошенько, что функцией я называю не институт, а нечто более существенное. Должна существовать руководящая, правящая, законодательная, приказная государственная власть, в этом не может быть никакого сомнения.

Монтескье

Но, насколько я понял вас, все эти функции в ваших глазах являются одной единой, вы вручите ее одному-единственному человеку и подавите институты.

Макиавелли

Повторяю еще раз, что вы заблуждаетесь, нельзя поступать, таким образом, безопасно для себя. Особенно в вашей стране, при том фанатизме, с которым у вас выступают за так называемые принципы 1789 г. Но будьте так добры, выслушайте же: в статике изменение точки опоры изменяет направление действия силы; в механике перемещение пружины меняет движение. А по виду это тот же аппарат, тот же механизм. Точно так же в физиологии темперамент зависит от состояния органов. Так различные институты, о которых мы только что говорили, функционируют в государстве, как настоящие органы в человеческом организме. Органы останутся, но политический характер государства изменится, понимаете?

Монтескье

Это не сложно, и разъяснения не требуются. Устраняя предметы, вы сохраняете имена. Таким же образом поступил в Риме Август, уничтожая республику. Остались консулы, преторы, цензоры, трибуны, но только по форме, а не по сути.

Макиавелли

Вы могли бы найти и более вопиющие примеры. При республике можно сделать все, что угодно, льстя народным предрассудкам и соблюдая декорум.

Монтескье

Не предавайтесь вновь общим рассуждениям. Вы как раз добрались до сути, я слушаю вас.

Макиавелли

Не забывайте: каждое мое действие проистекает не из личных убеждений. В моих глазах ваши парламентские правительства — не более

чем клубы ораторов, инкубаторы выхолощенного красноречия, расточающие плодотворяющие силы народов, обреченных говорунами и пресой на бессилие? Поэтому их судьба не вызывает у меня никаких сомнений. Я исхожу из высших интересов и цель, преследуемая мной, оправдывает мои действия. Абстрактные теории я заменяю практическим разумом, опытом столетий, примером гениальных мужей, которые теми же средствами вершили великие дела. Я начну с того, что создам государственной власти условия, ей жизненно необходимые.

Моя первая реформа коснется того, что вы именуете ответственностью государственных министров. В странах с централизованным управлением, например, в вашей, где общественное мнение и в хорошем, и в дурном, инстинктивно ориентируется на главу государства, было бы неверным вводить людей в заблуждение не навязывать им фикцию, не имеющую шансов удержаться в революционной буре, открывая конституцию фразой о том, что на суверена не может быть возложена ответственность. Поэтому я начну с того, что упраздню в моей конституции принцип ответственности министров. Нести ответственность будет только суверен, и не перед кем иным, как перед народом.

Монтескье

Хорошо, по крайней мере, коротко и ясно!

Макиавелли

При вашей парламентской системе, как вы объяснили, законодательная инициатива принадлежит народным представителям неисключительно, или совместно с исполнительной властью. Это и есть источник самых серьезных недоразумений; при таком положении вещей любой депутат при первой возможности захочет править и станет предлагать нам менее продуманные и наименее обоснованные проекты законов. Более того, с помощью парламентских инициатив парламент сочтет это право удобным для себя, сможет сместить правительство. Именно поэтому право законодательной инициативы должно принадлежать исключительно суверену.

Монтескье

Я вижу, вы идете к абсолютизму прямым путем. В государстве, где законодательная инициатива принадлежит только суверену, правитель является единственным законодателем. Однако, прежде чем вы продол-

жите, мне хотелось бы заметить вот что. Вы уверены, что возводите свои постройки на скале, а я нахожу — что на песке.

Макиавелли

В каком отношении?

Монтескье

Разве не сделали вы основой своей власти референдум?

Макиавелли

Разумеется.

Монтескье

Но тогда вы только уполномоченный, которого народ, и являющийся собственно субъектом государственной власти, вправе отозвать. Вы полагаете, что сможете сделать этот принцип основой своей власти; при этом вы не учитываете, что в любую минуту вас могут свергнуть. С другой стороны, вы заявляете, что несете ответственность в одиночку. Неужто вы считаете себя ангелом? Да и будь вы им, тем не менее, при первом же случившемся несчастье вину припишут вам, и первый же кризис вас погубит.

Макиавелли

Вы забегаете вперед. Упрек преждевременный. Но я сразу отвечу на него, поскольку вы меня к этому вынуждаете. Полагая, что я этого не предусмотрел, вы заблуждаетесь. Если что-либо и сможет поколебать мою власть, так только партии. Но от них меня защищают два важных права, включенных в мою конституцию.

Монтескье

Что же это за права?

Макиавелли

Право апеллировать к народу и право вводить в стране военное положение. Я главнокомандующий армии, вся государственная власть в

моих руках; штыки научат уму-разуму всех, кто попробует сопротивляться и после референдума обнаружится, что моя власть вновь упрочилась.

Монтескье

На такие доводы ответа нет. Но не будете ли вы любезны вернуться к законодательному институту, на котором мы остановились. Я не вижу пока, как вам удастся справиться с этим пунктом. Вы лишили законодательное собрание законодательной инициативы; но оно сохраняет право голосовать за законы, которые вы ему предлагаете для принятия. Вы, по всей видимости, не считаете, что оно воспользуется этим правом?

Макиавелли

А вы мнительнее меня; сознаюсь, что не вижу в этом ничего такого. Поскольку предложить на рассмотрение проект закона не может никто, кроме меня, я могу не бояться, что кто-то предложит закон, направленный против меня и моего правления. Ключ от святыни при мне. Я ведь уже говорил вам, что в мои намерения входит сохранить видимость наличия всех институтов. Должен, однако, заявить вам, что вовсе не собираюсь оставить парламенту то, что вы называете правом поправки. Ведь ясно, что при функционировании подобного права не может быть закона, который поддавался бы изменению, смысл которого можно было бы толковать иначе. Закон принимается или отклоняется, более не существует никаких возможностей.

Монтескье

Но чтобы свергнуть вас, больше ничего и не нужно. Достаточно законодательному собранию отклонять все предлагаемые вами законы, достаточно даже, чтобы оно отказалось голосовать за налогообложение.

Макиавелли

Вы и сами знаете, что ход вещей будет совершенно иным. Парламент — каков бы он ни был, даже если он безрассудно препятствует всем общественным делам — сам готовит собственное падение. Кроме того, найдется тысяча способов, чтобы укротить власть такого парламента. Я вполтину сокращаю число депутатов, и буду иметь вдвое меньше политических противников. Я сохраняю за собой назначение

президента и вице-президента, которые руководят дебатами. Вместо перманентного функционирования я ограничу сессии парламента несколькими месяцами. А прежде всего я сделаю нечто очень важное, мне говорили, что это уже начинает применяться на практике: я отменю положение, согласно которому деятельность парламентариев безвозмездна. Я пожелаю, чтобы депутаты получали жалование, чтобы их деятельность была каким-то образом вознаграждена. Такое нововведение, с моей точки зрения, — надежнейшее средство привязать народных представителей к правительству. Полагаю, что объяснения вам не нужны; действенность этого средства и так очень понятна. Добавлю только, что в качестве главы исполнительной власти я имею право созыва и роспуска законодательного собрания, и в случае роспуска до нового созыва пройдет очень долгое время. Но успокойтесь, скоро мы доберемся до совсем иных практических средств привязывания их к государственной власти.

Достаточно о конституции? Или продолжить?

Монтескье

Совершенно не нужно; вы можете переходить к организации сената.

Макиавелли

Я вижу, вы довольно-таки хорошо поняли, что этот момент — главный для меня, так сказать, замковый камень в куполе моей конституции.

Монтескье

Поистине, ума не приложу, что вы еще можете сделать; по моему разумению с этого момента вы — полный хозяин в государстве.

Макиавелли

Вы радуете меня этим признанием; в действительности же власть не может стоять на столь зыбкой почве. Суверена должны поддерживать корпорации, импонирующие великолепными титулами, достоинствами и личными заслугами своих членов. Нехорошо, если суверен постоянно участвует во всем лично, если повсюду замечают его руку. Его деятельность должна по мере необходимости скрываться за авторитетом высоких, наделенных властью институтов, окружающих трон.

Монтескье

Сразу видно, что эту роль вы отводите сенату и государственному совету.

Макиавелли

Ничего-то от вас не скроешь.

Монтескье

При этом говорите о троне. Отсюда я заключаю, что вы уже король, а мы до сих пор говорили о республике. Перехода почти не заметно.

Макиавелли

Вы, знаменитый французский правовед, не должны ожидать, что я буду задерживаться на подобных мелочах, являющихся исключительно делом практики. С того момента, когда вся полнота власти сосредотачивается в моих руках, провозглашение меня королем может произойти в любое удобное время. Не важно, сделаю ли я это до или после провозглашения моей конституции.

Монтескье

Это верно. Вернемся же к организации сената.

Разговор десятый

Макиавелли

Предаваясь глубоким изысканиям, предшествовавшим созданию вашего достопримечательного труда «О причинах величия и падения римлян», вы, разумеется, заметили, какую роль играл сенат при императорах, начиная с правления Августа?

Монтескье

С вашего позволения, это тот пункт, который я не уяснил для себя вполне, когда изучал исторические документы. Ясно лишь, что до последних дней республики сенат оставался учреждением, ответственным только перед самим собой, наделенным важными привилегиями и располагающим собственной властью. В этом и заключалась тайна его власти, его глубоких политических традиций и величия, перешедшего от него на римскую республику. Со времен Августа сенат превращается в простое орудие в руках императора, но не известно до конца, при помощи каких государственных актов императорам удалось лишить его власти.

Макиавелли

Я не потому просил вас обратиться к империи, что намереваюсь прояснить этот неразгаданный исторический вопрос. Он сейчас не интересует меня. Я просто хочу сказать вам, что сенат, как я себе его представляю, должен играть при государе ту же роль, что играл римский сенат в период, последовавшим за свержением республики.

Монтескье

Да, но в это время закон уже не принимался народным собранием, его издавал сенат. Вы намереваетесь поступать подобным же образом?

Макиавелли

Нет. Это не соответствовало бы современным основам конституционного права.

Монтескье

Сколь глубокая благодарность причитается вам за это соображение!

Макиавелли

Собственно, мне это совершенно не нужно для проведения в жизнь того, что мне представляется необходимым. Вы ведь уже знаете, что всякий закон принимается лишь по моей собственной инициативе, а, кроме того, я буду издавать указы, имеющие силу законов.

Монтескье

Вы на самом деле вновь забываете об этом пункте, а он имеет немаловажное значение. Тогда я не понимаю, для чего вы сохраняете сенат.

Макиавелли

Поскольку его место — в высших эшелонах власти, то его вмешательство в дела может происходить только по высокотожественному случаю. Если, например, необходимо покуситься на основы конституции, или когда в опасности государство.

Монтескье

Вы изъясняетесь наподобие оракула. Очевидно, так вы подготавливаете впечатление, которое намерены произвести.

Макиавелли

До сих пор идеей фикс ваших современных специалистов по государственному праву было все предусмотреть, все внести в конституции, которые они даровали народам. Я же не сделаю этой ошибки. Я не намерен устанавливать сам себе границы, которые в дальнейшем не буду иметь права преступать. Я внесу в конституцию только то, что должно быть общеизвестно. Я оставляю за собой возможность изменений, чтобы в случае тяжелого кризиса прибегнуть к иному лекарству, кроме горестного пути революции.

Монтескье

Вот сейчас вы говорите весьма разумно.

Макиавелли

А что касается сената, то о нем в моей конституции будет сказано: «Сенат посредством своих решений устанавливает все, не предусмотренное конституцией и необходимое для ее исполнения. Он решает, какой смысл имеют статьи конституции, допускающие возможность различных толкований. Он приостанавливает или объявляет недействительными все мероприятия, которые правительство или граждане сочтут не соответствующими или противоречащими конституции. Он может

выдвигать общие проекты законов в том случае, если они имеют общенациональное значение. Он может предлагать поправки к конституции и принимать их соответствующим решением».

Монтескье

Все это очень хорошо, это действительно сенат, подобный Римскому.

Позволю себе лишь несколько замечаний по поводу вашей конституции. Она, стало быть, будет выдержана в весьма неопределенных и двусмысленных выражениях, если вы заранее предполагаете, что статьи, в ней содержащиеся, могут быть по-разному истолкованы.

Макиавелли

Нет. Но нужно подумать обо всем.

Монтескье

Полагаю, наоборот, вы исходите из того, чтобы отнюдь не все предусмотреть и зафиксировать.

Макиавелли

Видно, что вы были председателем суда и не напрасно занимали этот пост. Мои слова следует понимать буквально: надо предусмотреть абсолютно все.

Монтескье

Ну, так скажите же мне, пожалуйста: имеет ваш сенат, толкователь и хранитель конституции, собственные полномочия?

Макиавелли

Разумеется, нет.

Монтескье

Следовательно, сенат — это вы?

Макиавелли

Не смею возразить.

Монтескье

Следовательно, его толкования — ваши толкования? Его поправки — ваши поправки? Его запреты — ваши запреты?

Макиавелли

Не стану отрицать.

Монтескье

Ну, так это означает: вы оставляете за собой право отмены того, что вы делаете, отобрания того, что вы даете, изменения конституции в лучшую или худшую сторону или упразднения ее в том случае, если это покажется вам необходимым. Не позволяя себе заранее судить о ваших намерениях или мотивах ваших действий, предпринимаемых в тех или иных обстоятельствах, спрошу вас только: где же при столь широком произволе хоть малейшая конституционная защита граждан, но, прежде всего: как могут граждане подчиниться такому произволу?

Макиавелли

Я уж вижу: в вас снова заговорила впечатлительность философа. Успокойтесь: я не посягну на основы моей конституции, не согласовав изменения с народом путем всеобщего референдума.

Монтескье

Но в этом случае человеком решающим, будут ли приняты возможные изменения за основу, и нуждаются ли они в народном одобрении, вновь будете вы сами. Признаю, что-то, что явится результатом плебисцита, вы не провозгласите декретом или решением сената, хотя и могли бы. Будете ли вы разворачивать дискуссию по вашим предложениям? Позволите ли вы обсуждать их народным собраниям?

Макиавелли

Разумеется, нет! Если когда-нибудь в народных собраниях начнутся дебаты по статьям конституции, то ничто не сможет помешать народу в силу его прав обсуждать все, что угодно, и революция — на пороге.

Монтескье

Во всяком случае, вы последовательны. Таким образом, поправки к конституции будут и предлагаться, и приниматься в общих чертах?

Макиавелли

Разумеется, и никак иначе.

Монтескье

Полагаю, можно перейти к организации государственного совета.

Макиавелли

Вы ведете допрос в точности так, как и полагается председателю верховного суда. Я еще позабыл сказать вам, что буду платить жалование членам сената так же, как членам законодательного собрания.

Монтескье

Само собой разумеется.

Макиавелли

Разумеется, не нужно добавлять, что право назначения президента и вице-президента этих высоких собраний я оставляю за собой. Что касается государственного совета, постараюсь быть краток. Ваши современные институты — столь могучие средства централизации власти, что ими почти невозможно пользоваться, не осуществляя верховную власть через одно не них. Что такое государственный совет в соответствии с вашими собственными принципами? Это только с виду политический институт; на самом деле он предназначен, чтобы дать в руки государю значительную власть, а именно, полномочия установления правил судоговорения, полномочия, являющиеся чем-то вроде абсолютной судебной власти, которая, если угодно, может служить тому, чтобы создавать собственно законы. Далее, государственный совет у вас, как мне говорили, имеет особые, еще более широкие полномочия. В спорных случаях — так меня уверили — при помощи апелляции дело может быть передано на его рассмотрение. В силу своих полномочий он может ознакомиться

с любым процессом в судах первой инстанции, если он ему представляется имеющим отношение к административному праву. Короче говоря, административные учреждения могут уклоняться от обычного судебного разбирательства и передавать свои дела на рассмотрение государственного совета. И вновь: что же такое государственный совет? Имеет ли он собственную власть? Независим ли он от государя? Ничуть. Он представляет собой просто редакционный комитет. Если государственный совет дает указ, то он дан правителем. Если он выносит приговор, то это приговор правителя или, как вы сегодня говорите, правительства, правительства государства, которое само себе и партия, и судья. Неужели вы полагаете, что существует большая полнота власти, чем эта, неужели вы полагаете, что отсюда так уж далеко до абсолютизма в государствах, где уже наличествуют подобные институты?

Монтескье

Признаю, ваша критика довольно справедлива. Но поскольку сам по себе государственный совет является предпочтительным институтом, постольку нет ничего легче, как дать ему необходимую независимость путем известном изоляции от государственной власти. Этого вы, конечно, не сделаете.

Макиавелли

Нет, напротив, я сохраню взаимозависимость органов управления там, где она была, и введу ее там, где ее не было; таким образом, я упрочу взаимозависимость институтов, что мне представляется необходимым.

Как видите, мы не остановились на полпути: моя конституция готова.

Монтескье

Уже?

Макиавелли

Нескольких ловких манипуляций с существующими институтами достаточно, чтобы полностью изменить принципы осуществления властных функций. Эта часть моей программы выполнена.

Монтескье

Я думал, вы хотите сообщить мне о верховном суде нечто большее.

Макиавелли

Может, и хочу, но сейчас это неуместно.

Монтескье

Подводя итог полномочиям, находящимся в ваших руках, можно сказать: поистине, вы должны быть удовлетворены. Подведем же итог. Вы создаете законы: во-первых, в форме предложений законодательному институту, во-вторых, в форме указов, в-третьих, в форме решений сената, в-четвертых, в форме общих распоряжений, в-пятых, в форме решений государственного совета, в-шестых, в форме распоряжений министров и, наконец, в-седьмых, в форме государственных переворотов.

Макиавелли

При этом вы, похоже, и не представляете: то, что остается, как раз и есть самое трудное.

Монтескье

Во всяком случае, я этого не предполагал.

Макиавелли

Тогда вы обратили недостаточное внимание на тот факт, что моя конституция умалчивает о целом ряде прав, несогласуемых с тем порядком вещей, который я намереваюсь ввести. Это, например, свобода печати, свобода коалиций, независимость чиновничества, право выбора общинных должностных лиц общинами, гражданская гвардия и еще многое из того, что исчезнет или будет в корне изменено.

Монтескье

Но разве не признали вы этих прав уже одним тем, что торжественно подтвердили основные принципы, из которых они следуют?

Макиавелли

Я уже говорил вам, что не признаю никаких специальных правовых основ и никаких отдельных прав. Кроме того, меры, которые я приму, всего лишь исключения из правила.

Монтескье

И конечно, такие исключения, которые подтверждают правило.

Макиавелли

Но для них нужно тщательно выбрать время; несвоевременное вмешательство в ход вещей может все испортить. В книге о государе я установил принцип, который в таких случаях может быть правилом поведения: «Тот, кто захватывает власть в государстве, должен для ее упрочения совершить все потребные насилия один-единственный раз, чтобы в дальнейшем не было нужды повторять их; позже он не сможет добиться от своих подданных ничего: ни хорошего, ни дурного. Если хочешь свершить зло, так верши его, пока тебе сопутствует удача; если хочешь сделать доброе дело, твои подданные не пожелают изменений, если будут полагать, что принуждаемы к ним». Днем позже после провозглашения моей конституции я издам ряд указов, имеющих силу закона, и таким образом одним ударом упраздню свободы, могущие стать опасными.

Монтескье

В самом деле, время выбрано удачно. В результате вашего государственного переворота страна еще потрясена террором. Что же касается вашей конституции, вам нет запретов: в любом случае вы можете делать все, что заблагорассудится. Что до ваших указов, так они не нуждаются в одобрении: вы ведь ничего не просите, а все берете сами.

Макиавелли

А вы быстро вынесли приговор!

Монтескье

Все же он не так скор, как ваши деяния. С этим вы должны согласиться. Несмотря на вашу сильную руку и тщательно выбранное время, я,

сознаюсь, едва могу поверить, что страна не поднимется, если вы решитесь и на второй переворот, который задумали.

Макиавелли

Страна весьма охотно закроет на него глаза; при том положении вещей, на которое я рассчитываю, ее уже утомили смуты; она жаждет покоя так же, как песок пустыни жаждет ливня, следующего за ураганом.

Монтескье

Да вы к тому же прибегаете к метафорам; это уж слишком.

Макиавелли

Быстро добавлю, что торжественно пообещаю после воцарения мира и покоя вновь допустить все свободы, которые упраздняю.

Монтескье

Полагаю, ожидание будет вечным.

Макиавелли

Вполне возможно.

Монтескье

Нет, наверняка; ведь ваши принципы позволяют государю не держать слова, если это в его интересах.

Макиавелли

Не спешите с подобным утверждением. Увидите, как я поступлю с этим обещанием. Я вижу свою задачу в том, чтобы спустя самое короткое время меня считали самым либеральным человеком в моем царстве.

Монтескье

К этому сюрпризу я не был готов. Пока народ будет этого дожидаться, вы разделаетесь со всеми его свободами.

Макиавелли

Разделаться — неподходящее слово для государственного мужа. Я не стану ни с чем разделяться непосредственно. Силу льва потребно сочетать с лисьей хитростью. На что нужна политика, если не на то, чтобы обходными путями достигать целей, которых не достичь прямо? Основы моего государства заложены, силы наготове, мне нужно только привести их в действие. Это я буду делать со всей осторожностью, которой требуют новые конституционные методы. Тут именно и уместны те искусные приемы управления и законодательства, употреблять которые будет мудрым со стороны государя.

Монтескье

Замечаю, что мы перешли к новому этапу, и готов слушать вас внимательно.

Разговор одиннадцатый

Макиавелли

В своем «Духе законов» вы весьма разумно замечаете, что слово «свобода» есть такое понятие, которое допускает различные толкования. Сдается, что в вашем труде сказано следующее: «Свобода — это право делать то, что дозволено законом».¹

Охотно заимствую это определение, которое нахожу совершенно справедливым, и могу уверить вас, что моими законами будет дозволено только то, что должно. Уж вы узнаете свои идеи. С чего желаете начать?

Монтескье

Хотелось бы узнать прежде всего, как собираетесь вы защищаться от нападков прессы.

¹ Дух законов. Книга XI. Глава 3.

Макиавелли

Воистину, вы касаетесь самой чувствительной точки моего предприятия. Система, которую я думаю применить, всеобъемлющая, и при этом годится для многих конкретных случаев. По счастью, в этой области я обладаю свободой действий. Я спокойно могу придать делу нужный поворот, не подвергаясь никаким упрекам.

Монтескье

Простите, как же это?

Макиавелли

Да так, что в большинстве стран с парламентским образом правления пресса прямо-таки стремится, чтобы ее возненавидели, она всегда служит сильным, эгоистическим, глухим ко всему иному страстям, она клеветает, она продажна, несправедлива, бездушна, короче говоря, и, прежде всего: вы никогда не объясните населению страны, для чего, собственно, существует пресса.

Монтескье

Да, если вы жаждете упреков, что можно сделать прессе, их будет много. Но если вы спрашиваете, зачем она существует, то дело другое. Она просто-напросто препятствует произволу при осуществлении власти. Она заставляет править в соответствии с конституцией. Она, вынуждает представителей государственной власти вести себя прилично, сдержанно, уважая себя и других. Одним словом: тому, кто угнетен, она дает возможность жаловаться и быть услышанным. Можно многое простить учреждению, которое при всех злоупотреблениях делает много добра.

Макиавелли

Разумеется, это оправдание прессы мне известно. Но попробуйте, если сумеете, объяснить это толпе. Считите-ка людей, заинтересованных в прессе, и вы тотчас увидите, как обстоит дело.

Монтескье

И поэтому, конечно, лучше тут же перейти к практическим действиям — как говорится, надеть на нее намордник.

Макиавелли

Совершенно верно, так говорят. Я, собственно, намерен обуздать не только журналистов.

Монтескье

Но все печатное слово.

Макиавелли

Вы становитесь чересчур ироничны.

Монтескье

Вы немедленно лишите меня этой возможности — так же, как собираетесь заткнуть рот прессе во всех ее формах.

Макиавелли

Столь остроумные шутки неподражаемы. Но вы ведь понимаете, не стоит защищаться от нападок журналистов, оставаясь незащищенным от нападок писателей.

Монтескье

Отлично, начнем же с журналистов.

Макиавелли

Просто закрыв все газеты, я зайду слишком далеко и весьма неразумно задену чувства народа, задевать которые всегда опасно. Я издам ряд указов, выглядящих так, словно это простые меры предосторожности и организации.

Я распоряжусь, чтобы в будущем ни одна газета не открывалась без разрешения правительства. Таким образом, зло будет пресечено в корне: ведь совершенно ясно, что с этого момента разрешенными газетами будут только те, которые верны правительству.

Монтескье

Однако если вы намереваетесь теперь заняться подобными мелочами, позвольте вопрос: дух газеты всегда зависит от духа сотрудников ее

редакции, как же добьетесь вы устранения редакции, враждебной по отношению к вашей власти?

Макиавелли

Неудачный выпад; если будет нужно, я не санкционирую выпуск ни одной новой газеты. Но, как вы увидите, планы у меня иные. Вы спрашиваете, как я поступлю с враждебно настроенной редакцией? Да очень просто. Я добавлю к указу, что для смены любого главного редактора или издателя необходимо разрешение правительства.

Монтескье

Но старые газеты, оставшиеся врагами вашего правительства, в составе редакций которых не произошло перемен, поднимут свой голос.

Макиавелли

О нет, погодите! Я обложу все существующие и будущие газеты такими налогами, которые заставят их держаться в рамках приличий. Политическим газетам я навязу то, что вы сегодня именуете имущественным обеспечением и гербовым сбором. Индустрия прессы вследствие повышения налогов станет вскоре столь мало выгодной, что заниматься ею станут только по зрелом размышлении.

Монтескье

Это средство не оправдывает себя: политические партии не стеснены в средствах.

Макиавелли

Будьте спокойны. У меня есть средства заткнуть им рот. А именно, мы подходим теперь к мерам по ограничению свободы печати. В Европе есть государства, где суды присяжных имеют право разбирать нарушения законов со стороны прессы. Не знаю ничего более жалкого: ведь таким образом общественность волнуется по поводу всякого измышления журналистов. Нарушение законов прессой — понятие весьма растяжимое, писатели так хитроумно и изощренно маскируют свои выпады, что ни в коем случае нельзя предоставлять судам дела такого рода. Суды должны быть вооружены на этот случай, само собой разумеется,

но оружие, которым в действительности можно ограничить свободу прессы, должно быть в руках правительства.

Монтескье

Таким образом, будут существовать нарушения, выходящие за пределы компетенции судов, иначе говоря: вы наносите удар с двух сторон: и со стороны правительства, и со стороны суда?

Макиавелли

Это не так уж скверно. И так слишком нянчатся с несколькими желчными и злобными журналистами, которые на все нападают, все поливают грязью. Они поступают с правительством как бандиты с большой дороги, преграждающие с кинжалом в руке путь мирным путешественникам. Они всегда неподвластны закону, в то время как некоторые ограничения им бы весьма пошли на пользу.

Монтескье

Так вашу строгость почувствуют только эти журналисты?

Макиавелли

Не только: эти люди подобны головам гидры. Отрубишь десять — вырастает пятьдесят новых. В первую очередь я займусь газетами как общественными предприятиями. Я просто объясню им следующее: я могу запретить вам все, до сих пор я этого не сделал, но могу сделать в любой момент; я позволяю вам существовать, но, разумеется, только при условии, что вы не будете чинить препятствий на моем пути и подкапываться под мою власть. Я не хочу постоянно заниматься вами, и не собираюсь ежедневно издавать дополнения к закону, чтобы предусмотреть ваши происки. Я не могу также держать целую армию цензоров, ежевечерне проверяющих то, что появится на следующий день. У вас есть перья, пишите; но запомните хорошенько: за собой я оставляю право судить тех, кто на меня нападает, и не крутите. Если вы нападете на меня, я это тотчас почувствую, и вы тоже почувствуете. В этом случае я собственными руками наведу порядок, не сразу, потому что хочу быть терпимым: я предупрежу вас раз, другой, затем я вас уничтожу.

Монтескье

Я вижу с удивлением, что жертвой этой системы становится совсем не журналист, а газета как таковая, а ее гибель губит те интересы, которые она представляет.

Макиавелли

Пусть их представляет, кто хочет; об этом речи нет. Мое правительство, как я вам уже сказал, будет разить, не вмешиваясь при этом, конечно, в область компетенции судов. Двух приговоров в год будет достаточно, чтобы на законных основаниях закрыть издание. И этим я не ограничусь. Газетам — разумеется, в виде закона или указа — я скажу еще: поскольку во всем, что касается вас самих, вы должны соблюдать величайшую осторожность, то не надейтесь, что вам удастся будоражить общественное мнение комментариями к дебатам, происходящим в палатах депутатов. Сообщать об этом я вам запрещаю, а также комментировать судебные разбирательства по делам прессы. Далее, не помышляйте даже воздействовать на общественность мнимыми заграничными новостями. За ложные новости я ввожу физические наказания, не разбираясь, добрые при этом преследовались цели или дурные.

Монтескье

Это, мне кажется, чересчур строго: газеты, не смеющие заниматься критикой политических событий, будут вынуждены жить почти исключительно новостями, и если газета распространяет какую-либо новость, то мне представляется весьма затруднительным требовать от нее доказательств правдивости этой новости; в большинстве случаев они не смогут поручиться за ее достоверность, даже если считают ее правдивой — у них могут отсутствовать фактические доказательства.

Макиавелли

Вот и нужно взвесить все за и против, прежде чем вводить в заблуждение общественное мнение.

Монтескье

Но есть еще кое-что. Если с вами нельзя бороться при помощи газет, выходящих в стране, то это будет делаться при помощи газет иностр-

ранных. Все недовольные, все ненавидящие вас будут писать за пределами вашего царства; газеты и подстрекательские сочинения будут доставляться из-за границы.

Макиавелли

Вы касаетесь обстоятельств, которые я считаю долгом контролировать строжайшим образом: иностранная пресса в действительности очень опасна. Прежде всего: любой ввоз или распространение несанкционированных изданий будет караться тюремным заключением, чтобы отбить охоту к подобным проделкам. Далее: те из моих подданных, кто поддастся соблазну, будучи за границей, выступать против правительства, по возвращении будут схвачены и наказаны. Ведь подло же писать за границей против собственного правительства.

Монтескье

Смотря по обстоятельствам. Пресса соседних государств тоже поднимется против вас.

Макиавелли

Вы думаете? Мы же исходим из предположения, что я — повелитель большой державы. Маленькие пограничные государства будут вести себя весьма робко, уверяю вас. Я заставлю их издать законы, карающие их собственных граждан, если они осмелятся нападать на мое правление в печати или как-нибудь еще.

Монтескье

Виджу, что был прав, когда писал в «Духе законов», что между деспотией и другими странами должна лежать пустыня. Культура не должна иметь туда доступа. Наверняка ваши подданные не будут знать собственной же истории. По выражению Бенжамена Констана вы сделаете из государства остров, где ничего не знают о событиях в Европе, а из столицы вы сделаете второй остров, где не знают о том, что происходит в стране.

Макиавелли

Я не желаю, чтобы мою страну смущали слухи, доходящие из-за границы. Вообще, как проникают в страну известия из-за границы? Че-

рез агентства, которые собирают новости, поступающие со всех сторон. Так эти агентства можно купить, и с этого момента новости будут под контролем правительства.

Монтескье

Отлично! Теперь можно перейти к контролю над книгами.

Макиавелли

Это менее интересно для меня. В наше время, когда газеты приобрели такую неслыханную популярность, книг почти не читают. Тем не менее, я ни в коем случае не предоставлю им свободу действий. Прежде всего, я заставлю всех, имеющих профессию печатника, издателя или книготорговца, получить лицензию, которой правительство может их в любое время лишить, непосредственно или по суду.

Монтескье

Но тогда эти свободные предприниматели превратятся в род государственных служащих. Оружие духа превратится в оружие государственной власти.

Макиавелли

Полагаю, они вряд ли будут жаловаться; ведь и в ваше время, при парламентском режиме, дела обстояли так же. Нужно сохранять старые обычаи, если они хороши. Я прибегну к налогам. Гербовый сбор я распространю также и на книги, или еще лучше: я обложу самыми высокими налогам, такие книги, которые будут иметь более чем определенное число страниц. К примеру, книга, в которой менее двух или трех сотен страниц, следует считать не книгой, а брошюрой. Полагаю, что вы поймете преимущество этой уловки. С одной стороны, я с помощью налогов сокращу этот поток сочинений малого объема, являющихся всего лишь довеском к газетам; с другой стороны, я заставлю издателей, если они хотят избежать обложения налогами, публиковать пространные и дорогостоящие книги, которые практически невозможно будет продать и которые в такой форме никто не станет читать. Те немногочисленные несчастные создания, полагающие сегодня себя обязанными написать книгу, оставят свое намерение. Налоговая инспекция лишит людей мужества следовать своему литературному честолюбию, а уголов-

ное законодательство выбьет из рук типографий их оружие; ведь я заставляю издателя-типографщика в соответствии с уголовным кодексом отвечать за содержание книг. И если найдется писатель, достаточно смелый для того, чтобы писать антиправительственные книги, ему будет не найти издателя. Последствия этого благотворного устрашения приведут косвенным путем к созданию цензуры, каковую бы не удалось осуществлять и самому правительству по причине неодобрения этой меры, будь она и чисто предупредительного характера. Приступая к изданию новых произведений, печатник и издатель будут нуждаться в советчиках, в достоверных сведениях, они станут выпускать в свет книги, которых требует публика, и это — верный способ своевременного осведомления правительства о публикациях, направленных против него. Оно сможет распорядиться о временной конфискации издания, если посчитает это целесообразным, а издатель предстанет перед судом.

Монтескье

Вы же сказали мне, что не станете затрагивать гражданского права. По всей видимости, вы не отдаете себе отчет в том, что законодательство такого рода ограничит свободу торговли; с этим тесно связано и право собственности, которое в таком случае лишается силы.

Макиавелли

Это пустая болтовня.

Монтескье

В отношении прессы вы, вероятно, предусмотрели все.

Макиавелли

Как бы не так!

Монтескье

Что еще упущено?

Макиавелли

Все, что имеет отношение ко второй половине нашей задачи.

Разговор двенадцатый

Макиавелли

До сего момента я изложил вам сведения лишь о части ограничений, которые я установил бы для прессы с целью определенной защиты конституционного правительства. Настал черед показать вам, каким я мыслю применение этого общественного института на благо моего правительства. Осмелюсь утверждать, что по сей день ни одному правительству не приходила в голову столь смелая идея, о которой я намерен сейчас говорить с вами. В странах парламентского правления правительство свергают всегда с помощью прессы. Я открываю тем самым возможность подавления прессы с помощью самой прессы. Знаете ли вы, как поступит мое правительство, понимая, что журналистика представляет собой огромную силу? Оно само станет издавать газеты, и это будет журналистика, в которой все рассчитано до мелочей.

Монтескье

Воистину, вы — мой проводник на пути от одного удивительного сюрприза к другому. Перед моим взором вы разворачиваете постоянно изменяющуюся панораму. Должен признаться, любопытно увидеть, каким образом вы начнете воплощать в жизнь новую программу.

Макиавелли

Мне придется приложить здесь много меньше фантазии, чем вам мыслится. Я произведу подсчет газет, представляющих так называемую оппозицию. Если в оппозиции находится десять газет, я заведу двадцать, выступающих в поддержку правительства, если же их будет двадцать, я заведу сорок, если сорок, то в моем распоряжении будет восемьдесят. Вы прекрасно понимаете, что я с этой целью смогу распорядиться правом, оставленным за собой, а именно правом выдачи разрешения на основание новых политических газет.

Монтескье

В этом нет ничего сложного.

Макиавелли

И все же это не так просто, как вы себе представляете. Народ в основной массе не должен даже догадываться о существовании этой тактики. В противном случае план был бы обречен на поражение, а общественное мнение отвернулось бы от газет, в которых явно проводится моя политика. Я разделю преданные мне газеты на три или четыре класса. Первое место будут занимать несколько газет, совершенно открыто отражающих мнение властей и при любых конфликтах, во что бы то ни стало отстаивающих правоту моих действий. Поведаю вам сразу, что эти газеты не будут оказывать на общественное мнение самое большое влияние. Второе место займут газеты, лишь по своей направленности официозные, и целью их будет — привлечь на мою сторону массу колеблющихся и безразличных людей, которые без всяких сомнений опираются на факты, и политические убеждения которых не выходят за данные рамки.

К самым надежным столпам моей власти относятся те группы газет, о которых я скажу ниже. Признаки официальности здесь якобы полностью отсутствуют; однако на самом деле газеты, о которых я говорю, будут связаны с моим правительством той же цепью, видимой для одних и неразличимой для других. Трудно сказать определенно, сколько их будет, ведь я рассчитываю на преданное мне издание в любой партии и при любой политической ориентации. Я буду располагать аристократическим изданием в партии аристократов, республиканским — в республиканской партии, революционным в партии революционной; если потребуется, у меня будет анархистский листок в партии анархистов. У моей прессы, как у бога Вишну, будет сотня рук, и по всей стране я подам эти руки представителям всех политических движений. Люди будут отстаивать мои интересы, и не подозревая об этом. Они будут верить, что говорят собственным языком, однако это будет мой язык. Они будут считать, что агитируют за собственные интересы, однако это будет мои интересы. Они будут уверены, что маршируют под собственным знаменем, однако будут шагать под моим.

Монтескье

Вы говорите об идеях, которые будут воплощены в жизнь, или это все сплошные фантазии? У меня голова идет кругом.

Макиавелли

Поберегите силы; мы еще не добрались до сути.

Монтескье

Мой вопрос связан лишь с тем, каким образом вам удастся направлять и удерживать эту армию, стоящую на службе по обработке общественного мнения и тайно нанятую вашим правительством...

Макиавелли

Организация решает все. Вы это сейчас поймете. К примеру, я учрежу центральное управление, назвав его отделом по вопросам печати и прессы, которое обеспечит всех необходимыми инструкциями и будет давать соответствующие указания. Перед взором тех, кто лишь наполовину посвящен в тайну, предстанет удивительное действо: все увидят, как газеты, преданные моему правительству, нападают на меня, поднимают большой шум и доставляют мне массу неприятностей.

Монтескье

Этого мне никак не уразуметь; я вообще больше ничего не понимаю.

Макиавелли

И все же в этом нет ничего трудного. Примите во внимание, что газеты, о которых я только что говорил, никогда не станут нападать на основы и принципы моего правительства. Их стычки никогда не перерастут в настоящую войну, их оппозиция по отношению к правящей династии будет заключена в самые жесткие рамки.

Монтескье

А какая вам выгода от этого?

Макиавелли

Наивный вопрос! К важному результату можно отнести уже и то, что многие люди скажут: посмотрите, ведь мы свободны, при этом правительстве есть возможность высказываться, на правительство неспра-

ведливо нападают, а оно терпит и переносит эти нападки, не подавляя их, что для него не составило бы особого труда. Второй, не менее важный результат, заключается, например, в возможности провозглашать следующие мнения: смотрите, сколь повсеместно уважаемы основы и принципы этого правительства. Эти газеты пользуются абсолютной свободой, однако они никогда не посягают на существующие установления. Эти установления благородны в независимости от всех несправедливостей, связанных с политическими страстями, ведь даже враги правительства не могут воздержаться от того, чтобы не воздать им должной хвалы.

Монтескье

Я бы, пожалуй, сказал, что все это — в истинно макиавеллиевском духе.

Макиавелли

Для меня это большая честь, однако все устроится еще лучше. Опираясь на газеты, тайно мне преданные, я по своему усмотрению буду управлять общественным мнением во всех вопросах внутренней и внешней политики. Я буду пробуждать умы или погружать их в дремоту, я воодушевлю их или ввергну в отчаяние, я взвешу все за и против, я встану на защиту истины или лжи. Я, смотря по обстоятельствам, сделаю достоянием гласности определенный факт или подвергну его отрицанию. Таким образом, я исследую общественное мнение, сделаю выводы о следствиях, причиной которых был я сам, испытав планы, проекты, неожиданные решения, короче говоря, я, как говорят у вас во Франции, запущу испытательные зонды. Я по своему усмотрению разобью своих врагов, ни в каком случае не раскрывая тайны моего воздействия, поскольку в случае, если я побудил эти газеты к определеному заявлению, я смог бы при необходимости подвергнуть их наказанию, принудив их энергично опровергнуть свои же слова. Я приманю общественное мнение к определенным решениям, я буду погонять его или придерживать, моя рука всегда будет на его пульсе, оно, неведомо для себя, будет отражением лишь моих личных взглядов, и его будет иногда дивить то обстоятельство, что оно постоянно существует в добром согласии со своим господином. И тогда скажут, что я обладаю особым чутьем к народным настроениям, что с жизнью моего народа меня связывает тайная и чудесная симпатия.

Монтескье

Мне кажется, что эти многосторонние размышления почти совершенны. Позволю себе сделать еще одно, хотя и вполне робкое замечание. Если вы нарушите завесу молчания, окружающую восточного деспота, если вы позволите армии журналистов для вашей же пользы встать к вам в условную оппозицию, о которой вы только что повели, то мне на самом деле не слишком понятно, каким образом вы удержите независимые газеты от того, чтобы не ответить настоящим ударом на их собственные выпады, тайный смысл которых они разгадали. Не приходит ли вам в голову, что они, в конце концов, приподнимут завесы над некоторыми тайнами, связанными со столь разнообразными намерениями? И если они однажды проникнут в тайный смысл этой комедии, как сможете вы удержать этих людей от насмешек над ней? Вся эта игра представляется мне довольно сомнительной затеей.

Макиавелли

Ни в коей мере. Поведаю вам, что, находясь здесь, я потратил значительное время, чтобы испытать сильные и слабые стороны этой системы. Я получил точное представление об условиях существования прессы в странах с парламентским правлением. Подумайте о том, что журналисты образуют что-то вроде масонского союза. Люди, зарабатывающие себе на жизнь журналистикой, в большей или меньшей степени связаны друг с другом узами профессиональной тайны. Подобно древним авгурам, они крайне неохотно открывают народу секреты своих прорицаний. Предавая друг друга, они ничего не приобретают взамен, поскольку у каждого из них отыщется то или иное слабое место. Признаю как вполне вероятное, что в центре столицы в определенном кругу лиц эти вещи не будут тайной, однако в иных случаях никто и нигде не сможет подозревать об их существовании, и большинство людей последует за своими вождями с той абсолютной верой, которой я наделил их.

Что мне за дело до того, что кто-то в столице будет осведомлен об уловках моей прессы? Основная доля ее воздействия рассчитана на провинцию. Там я всегда смогу поддерживать температуру общественного мнения на том уровне, который мне потребен, и каждое из моих намерений наверняка достигнет там адресата. Я приберу к рукам всю провинциальную прессу, поскольку там не должно быть никаких противоречий и дискуссий. Из административного центра, в котором находится

моя резиденция, губернаторы всех провинций постоянно будут получать приказ, регулирующий выступления газет в том или ином духе, следовательно, в один и тот же час на всю страну будет оказываться то или иное воздействие, будет задан тот или иной импульс, причем зачастую еще до того, как в столице что-либо узнают об этом. Из сказанного вы понимаете, что мне не следует слишком беспокоиться о мнениях столицы. При серьезном повороте дел в столице получают информацию о движении, возникающем вне ее пределов, слишком поздно, и это движение захватит и столичных жителей, в чрезвычайных обстоятельствах — и против их воли.

Монтескье

Цепь ваших рассуждений тянет за собой всякого с такой силой, что я теряю мужество возразить вам в последний раз, прибегнув к приготовленному мной аргументу. И все же вопреки тому, о чем вы только что сказали, фактом остается существование в столице определенного числа независимых журналистов. У них практически не будет возможности писать о политике, это очевидно, однако они смогут вести против вас партизанскую войну. Ваш аппарат управления не может быть безупречным. Развитие абсолютистского режима допускает всякого рода злоупотребления, вина за которые ложится на самого монарха. Во всех действиях ваших чиновников, затрагивающих частные интересы, будут усматривать ваши собственные слабые места. Посыплются жалобы, обвинения в адрес ваших чиновников, вас, что само собой разумеется, будут считать ответственным за их действия, и ваш авторитет будет понижаться от одной мелочи к другой.

Макиавелли

Меня это не пугает.

Монтескье

В самом деле, в вашем распоряжении столь обильные и многообразные средства подавления, что вам остается лишь выбрать одно из них.

Макиавелли

Я вовсе не это имел в виду. Я же не намерен постоянно прибегать к средствам подавления; я хочу лишь иметь возможность простым указа-

нием воспрепятствовать любой дискуссии на тему, которая опасна для правительства.

Монтескье

Как вы намерены осуществить это?

Макиавелли

Я обяжу газету публиковать вверху каждой колонки поправки и замечания, поступающие от правительства. Представители правительства направят газетам ноты с категорическими заявлениями: вы поместили сообщение о том или ином событии, не полностью соответствующее истине. Вы позволили себе критиковать то-то и то-то. Вы не обладаете достаточным уровнем компетенции. Вы неверно себя повели. Вы были не правы. Поступайте в соответствии с нашими указаниями. Как видите, это будет лояльная и совершенно гласно осуществляемая цензура.

Монтескье

Которая не предполагает никакого ответа.

Макиавелли

Именно так. Тем самым дискуссия прекращается.

Монтескье

За вами всегда будет оставаться последнее слово, даже без применения насилия. Очень тонко задумано. Ваше правительство на самом деле отстаивает журналистику, в которой, как вы сами недавно изящно выразились, все рассчитано до мелочей.

Макиавелли

В той же степени, в какой я против того, чтобы будоражить народ слухами, поступающими из-за границы, я против попыток нарушить его спокойствие слухами, возникающими в самой стране, в том числе и обычными известиями, касающимися частных отношений. Я распоряжусь, чтобы газетам запретили публиковать информацию о необычном

самоубийстве, о слишком подозрительной финансовой сделке, при которой речь идет о больших денежных суммах, о неправильном поступке чиновника, находящегося на общественной службе. Молчание о вещах подобного рода свидетельствует о большем уважении к моральному здоровью народа, чем всякие разговоры о них.

Монтескье

А сами вы между тем сможете беспрепятственно заниматься журналистикой.

Макиавелли

Пожалуй, мне придется этим заниматься. Обязанность всех правительств, намеренных укрепить свое могущество — использовать прессу, прибегать к ее услугам во всех существующих формах. Это довольно странно, но все обстоит именно так. По этой причине я пойду в этом направлении так далеко, как вы себе и помыслить не сможете.

Для истинного понимания того, сколь широко простирается моя система и сколь всеохватна она, следует принять во внимание, в коей мере суждения моей прессы определяются необходимостью согласованного взаимодействия с действиями официальных властей. Предположим, что я поставил себе целью провести в жизнь решение, связанное с большими сложностями в области внешней и внутренней политики. В один прекрасный день об этом решении как о событии официальном оповещают мои газеты, каждая из которых уже несколько месяцев занималась обработкой общественного мнения в духе ее направления. Вам известно, с какой предупредительностью и осторожностью следует составлять правительственные документы в критических ситуациях. Задача, которую в этом случае необходимо решить, заключается в том, чтобы удовлетворить требования всех партий. Тут каждая из моих газет в рамках той тенденции, которую она представляет, предпримет попытки убедить другие партии в том, что принятое решение представляется наиболее благоприятным именно для них. То, о чем не сказано в официальном документе, будет извлечено из него в комментарии, а то, на что лишь намекнули, официозные газеты станут обсуждать более открыто, газеты же демократические и революционные будут об этом трубить, и в то время как разгорятся дискуссии и появятся самые разнообразные объяснения моим действиям, мое правительство ответит всем и каждому в отдельности: вы заблуждаетесь в вашей оценке

правительственных намерений. Вы плохо читали официальное сообщение; в нем не содержалось ничего, кроме того-то и того-то. Вся соль в том, что никогда нельзя противоречить самому себе.

Монтескье

Что я слышу! После всего, только что вами произнесенного, вы предъявляете подобное требование?

Макиавелли

Разумеется, и ваше удивление показывает, что вы не поняли меня. Более важно согласовывать друг с другом слова, нежели поступки. Как вы можете требовать, чтобы народ в своей массе судил о том, руководствуется ли его правительство логикой? Достаточно того, что народу об этом говорят. Мне необходимо, чтобы разные фазы моей политической деятельности изображались как развитие одной мысли, устремленной к неизменной цели. Каждое предвещавшееся или неожиданно произошедшее событие явится результатом разумного руководства, недостатки и огрехи управления будут ничем иным, как различными сторонами одного и того же дела, разными путями ведущими к одной цели, многообразными средствами для решения одной задачи, к которой неустанно устремлялись через все препятствия. Последнее событие явится логическим следствием всех предыдущих.

Монтескье

Вы в самом деле заслуживаете восхищения! Такая острота ума и такая предприимчивость!

Макиавелли

Ежедневно мои газеты будут заполнены официальными речами, подробными отчетами, репортажами, адресованными министрам, правителью. Я никогда не позволил бы себе забыть о том, что живу в эпоху, наполненную верой в способность промышленности разрешить все общественные проблемы, в эпоху, когда все постоянно занимается улучшением условий существования рабочего класса. Я бы в тем большей степени держался этих вопросов, что они являются удачным средством отвлечения от проблем внутренней политики. Правительства народов

Центральной Европы заботятся о том, чтобы выглядеть постоянно загруженными делами. Массы одобряют их бездеятельность только при условии, что правительства разыгрывают перед ними постоянную предпримчивость, лихорадочную деятельность, что они постоянно привлекают к себе внимание новшествами, неожиданными решениями, какими-либо иными театральными жестами. Это может показаться странным, но — я вынужден подчеркнуть это еще раз — дело обстоит именно так.

Я все в большей степени приспособлюсь к этому своеобразию. По указанной причине я стану постоянно заботиться в области торговли, промышленности, искусства, равно как и управления о всевозможных проектах, планах, расчетах, изменениях, переделках и усовершенствованиях, отзвуки которых в прессе заглушат голоса политиков, сколь многочисленными бы они не были и сколько бы они не писали. Говорят, что экономика играет у вас теперь большую роль. Отлично, мне не придется ничего изобретать, ничего — публиковать, ничего и для ваших теоретиков, ваших утопистов, для вдохновенных проповедников ваших сект. Народное благосостояние станет единственным и неизменным предметом моих публичных выступлений. Буду ли выступать с речью я сам, или министры и газетчики будут говорить от моего имени, речь будет неустанно вестись о величии страны, о ее благосостоянии, о возвышенности ее миссии и о ее предназначении; следует без усталы вешать народу о выдающихся принципах современного права, о великих задачах гуманизма, движущих человечеством. Все написанное мной должно распространять вокруг себя атмосферу воодушевленнейшего, всеобъемлющего либерализма. Западноевропейские народы обожают восточный стиль. Поэтому стиль всех речей, всех официальных заявлений должен быть образным, помпезным, зажигательным и прозрачным. Народы не любят атеистических правительств. Общаясь с публикой, я не премину связать мои деяния с божественным провидением, при этом я ловко объединю свою счастливую звезду со счастливой звездой моей страны. Я хотел бы, чтобы в любой момент действия моего правительства сравнивали с действиями прежних правительств. Вследствие этого мои благодеяния будут являться в наиболее выгодном свете и пробудят благодарность, которую они заслуживают.

Крайне важно подчеркивать и пороки моих предшественников, тут же показывая, что я всегда умел их избежать. Это вызовет по отношению к правительствам, на смену которым пришел мой режим, определенную антипатию, и даже отвращение, от которого так же невозможно избавиться, как не избавишься от преступлений, наказав виновного.

Я не только поручу некоторым газетам дело по неустанному восхвалению благоденствия моей власти, по перекладыванию ответственности за ошибки в европейской политике на другие правительства, я хотел бы также, чтобы основная доля этих хвалебных гимнов появлялась в нашей печати как отклик на публикации зарубежной прессы, из которой перепечатывались бы (подлинные или сфабрикованные) статьи, содержащие ослепительное восхваление моей политики. В общем и целом я позабочусь о заграничных газетах, которые будут служить мне и поддерживать меня с большей эффективностью, если я придам им вид изданий, имеющих оппозиционное направление во второстепенных вопросах.

Мои принципы, идеи и свершения я увенчаю нимбом молодости, окружу блеском новых законов в противоположность старческой слабости и бессилию прежних правительственных учреждений. Мне хорошо известно, что критические настроения в обществе требуют спускового клапана, что духовная активность, вытесняемая из одной сферы, непременно устремляется в другую. По этой причине я бы не убоился подтолкнуть народ в сторону всевозможных теоретических умствований и практической деятельности в области промышленной.

Заверяю вас в том, что вне политики я буду добросердечным правителем, и я позволю беспрепятственное обсуждение всевозможных философских и религиозных вопросов. В том, что касается религии, следует заметить, что учение о свободе выбора в вопросах веры превратилось в своего рода *idée fixe*. Нельзя вставать на пути этого устремления, такой поступок сопряжен даже с определенной опасностью. В тех странах Европы, которые далее всего продвинулись по пути прогресса, изобретение книгопечатания породило сумасшедшую, свихнувшуюся, разнузданную и почти непристойную литературу. Это большая беда. Что ж, печально признавать, что придется отказаться от наложения запретов на литературу подобного толка, чтобы дать определенный выход писательскому зуду, господствующему в ваших странах парламентского правления.

Эта зачумленная литература, препятствовать распространению которой невозможно, а также пошлость газетных писак и политиков, окунувшихся в журналистику, будут являть собой отвратительное зрелище по контрасту с достоинством и взвешенностью речи, звучащей с высот трона властелина, с живым и образным языком, призванным повысить действенность всех правительственных заявлений. Теперь вам станет ясно, почему я окружил своего государя плотной толпой публицистов,

чиновников, адвокатов, купцов и правоведов, которые имеют большое значение для сознания той колоссальной массы официальных сообщений, о которой я говорил вам и влияние которой на людей всегда будет огромным.

Вот в общих чертах основные принципы моего господства над прессой.

Монтескье

Вы подошли к концу своих утверждений?

Макиавелли

К сожалению, да. Я высказал свои суждения в более краткой форме, нежели это было необходимо. Но мгновения наши сочтены, нам следует спешно двигаться дальше.

Разговор тринадцатый

Монтескье

Мне нужно прийти в себя от волнений, которые вы заставили меня пережить. Какое богатство средств для исполнения цели, какое обилие необычных мыслей! Во всем этом заключена поэзия, и таится такая трагическая красота, что ее не пришлось бы стыдиться современным поэтам, таким как Байрон; это обнаруживает драматический талант автора «Мандрагоры».

Макиавелли

Это ваше истинное мнение, господин Секундарий? Однако мне кажется, что вашей иронии не хватает уверенности. Мы не можем составить себе ясного представления о том, возможно ли, в самом деле, воплотить эти замыслы.

Монтескье

Если вас интересует мое мнение, я обязательно изложу его; я только жду, когда вы закончите.

Макиавелли

До этого еще далеко.

Монтескье

Так продолжайте.

Макиавелли

Что ж, если вы того желаете.

Монтескье

Став во главе страны, вы издали ужасные законы против прессы. Вы заставили умолкнуть все голоса, кроме вашего собственного. Все партии лишились голоса. Вы не боитесь покушений на вас?

Макиавелли

Ни в коей мере, поскольку крайне неосмотрительно с моей стороны было бы, если бы я не имел возможности одним движением руки обезоружить все партии одновременно.

Монтескье

Как же вы станете действовать?

Макиавелли

Начну с того, что вышлю из страны сотни людей, которые пытались с оружием в руках противостоять моему восшествию на трон. Мне рассказывали, что в Италии, Германии и Франции существуют тайные общества, из членов которых рекрутируются бунтовщики, устраивающие заговоры против правительств. В моей стране я разорву эти невидимые нити, которые, словно паутина, плетутся в укромных углах.

Монтескье

И что потом?

Макиавелли

Каждый, кто организует тайное общество или примкнет к нему, будет подвергнут строгому наказанию.

Монтескье

Хорошо, это относится к будущему. А что произойдет с обществами, которые уже существуют?

Макиавелли

Из соображений всеобщей безопасности я вышел из страны всех, кто известен своей причастностью к этим обществам. Те, против которых у меня не будет прямых улик, вынуждены будут ощущать давление постоянной угрозы; поскольку я издам закон, который даст правительству право на основе специальных указов высылать из страны любого, кто когда-либо состоял в подобном обществе.

Монтескье

То есть без приговора суда.

Макиавелли

Почему вы говорите: без приговора? Разве решение правительства не есть само по себе приговор? Можете быть уверены, мало кто станет жалеть бунтовщиков. В странах, покой которых длительное время нарушался раздорами между гражданами, мир следует устанавливать с помощью непреклонных насильственных мер. Ради установления покоя следует пойти на многочисленные жертвы. Жертвы приносят. И авторитет человека, имеющего право отдавать приказы, внушает вследствие этого такое почтение, что никто не смеет покуситься на его жизнь. После того, как Сулла потопил Италию в крови, он появился в Риме как обычное частное лицо, и с его головы при этом не упал ни один волосок.

Монтескье

Вижу, вы добрались теперь до периода ужасных экзекуций. Не риску что-либо заметить по этому поводу. Мне кажется только, хотя я и понимаю ваши намерения, что вы могли бы быть более мягким.

Макиавелли

Когда зывают к моей доброте, я могу позволить людям говорить со мной. Откровенно скажу вам, что часть строгих мер, перечисленных в законе, будет лишь служить угрозой, однако при условии, что меня не вынудят прибегнуть к их применению.

Монтескье

И вы называете это предупредительными мерами! Однако ваши рассуждения о вашей доброте меня несколько беспокоят. Иногда у человека, который слышит подобные рассуждения, стынет в жилах кровь.

Макиавелли

Отчего же? Я находился в ближайшем окружении герцога Валентинуа, о котором ходила недобрая слава и который на самом деле её заслужил, поскольку были в его жизни периоды, в которые он не знал жалости. Но я заверяю вас, что, как только завершались необходимые экзекуции, он становился вполне добродушным человеком. То же самое можно сказать почти обо всех главах абсолютной монархии. В глубине сердца они добры, и доброта их особенно распространяется на простых людей.

Монтескье

Трудно сказать, не более ли вы мне приятны в своем гневe. Ваша мягкость предстает для меня еще более отвратительной. Однако вернемся к нашим делам. Итак, вы уничтожили тайные общества.

Макиавелли

Не надо спешить. Я их не уничтожал. Вы кое-что путаете.

Монтескье

Что же и в каком смысле?

Макиавелли

Я всего лишь запретил тайные общества, которые по своему характеру и поведению могли бы выйти из-под контроля моего правитель-

ства; однако у меня не было намерений лишить себя средства получения информации и оказания тайного влияния, могущего быть крайне значительным, если умешь им пользоваться.

Монтескье

Что вы намереваетесь с ними сделать?

Макиавелли

Я рассматриваю возможность своего рода легального существования определенного числа подобных обществ или их объединения в одно общество, верховного руководителя которого буду назначать я сам. Это позволит мне держать в своих руках революционных деятелей разного толка, существующих в стране. Люди, составляющие подобные общества, относятся ко всем нациям, социальным классам и сословиям. С их помощью я постоянно буду в курсе всех политических интриг.

Это будет чем-то вроде одного из подразделений моей полиции, о которой я собираюсь вам рассказать.

Этот подземный мир тайных обществ сплошь состоит из пустоголовых людей, которым я не придаю ни малейшего значения, однако в том мире можно нажимать на скрытые рычаги, приводить в движение определенные силы. Если там что-то будет происходить, я постоянно буду в курсе всех дел. Если там будет готовиться заговор, я буду во главе его. Я — магистр ордена.

Монтескье

И вы верите, что эти толпы демократов, эти республиканцы, анархисты и террористы подпустят вас к себе и сядут с вами за один стол. И вы смеете верить, что эти люди, не признающие господства человека над человеком, примут в свои ряды вождя, который будет не чем иным, как их господином!

Макиавелли

Вы не знаете, дорогой Монтескье, сколь бесплодны, сколь жалки эти люди, большинство из них, подбивающих народы Европы на бунт. У этих тигров овечьи души, а их головы набиты пустыми фантазиями. Достаточно заговорить на их языке, чтобы проникнуть в их круги.

К тому же их идеи, за редким исключением, обнаруживают невероятное сходство с теориями абсолютизма. Они мечтают о растворении индивидуума в единстве, толкуемом лишь как символическое. Они требуют полного осуществления принципа равенства всех людей с помощью толковой власти правительства, которая в конце концов может иметься в руках лишь одного человека. Вы видите, что и в этом я основываюсь на положениях вашей воли. В заключение я должен сказать, что у них ведь нет выбора. Тайные союзы будут существовать при условиях, мною только что названных, или не будут существовать вовсе.

Монтескье

Вы не заставляете долго ждать, пока наступит конец: *sic volo sic jumbo* (Так я хочу, так я приказываю). Я полагаю, можно считать, что вы хорошо защищены от заговоров.

Макиавелли

Так точно. Однако будет правильным сообщить вам еще, что по закону будут запрещены собрания и сходки, число участвующих в которых превышает установленный уровень.

Монтескье

И какой уровень будет установлен?

Макиавелли

Вы придаете значение таким мелочам? Что ж, если вам так хочется знать это, будет запрещено собираться, если собравшихся более пятнадцати — двадцати человек.

Монтескье

Это невозможно! В этом случае нельзя будет даже друзьям сверх установленного числа собраться за обедом.

Макиавелли

Я хорошо вас понимаю. Вами движет веселая общительность французов. Что ж, это вовсе не будет запрещено, поскольку мое правитель-

ство не будет таким страшным, как вы себе это представляете. Вы сможете собрать друзей при условии, что не будет разговоров о политике.

Монтескье

Позволено ли будет говорить о литературе?

Макиавелли

Разумеется, однако при условии, что под предлогом занятий литературой не будут собираться вместе в политических целях. Вовсе не обязательно говорить о политике, при этом любому празднеству можно придать характер манифестации, которая будет понята публикой. А это недопустимо.

Монтескье

Ах, сколь нелегко при такой системе будет вести обычную жизнь, не возбуждая недоверия у правительства!

Макиавелли

Вы впали в заблуждение. От этих ограничений будут страдать только бунтовщики, все прочие люди их просто не заметят. Само собой разумеется, что я говорю здесь не о действительном сопротивлении моему правительству, не о покушениях, имеющих целью его свержение, и не о посягательствах на государя или на его авторитет или на его учреждения. Это реальные преступления, которые будут подавляться на основе права, содержащегося в любом законодательстве. В моем царстве против них будут осуществлены предупредительные меры, и они подвергнутся наказанию в зависимости от вида их проступка и в соответствии с предписаниями, не допускающими малейшей возможности прямого или косвенного посягательства на существующий порядок.

Монтескье

Позвольте в этом вопросе полностью положиться на вас и не спрашивать о средствах, которые вы употребите в этих целях. Все же недостаточно будет лишь одних драконовских законов. Необходимо также найти чиновников, готовых исполнять эти законы; это связано с определенными трудностями.

Макиавелли

Это не связано ни с какими трудностями.

Монтескье

Вы осуществите переворот всей структуры судопроизводства?

Макиавелли

Я не буду осуществлять никакого переворота; я только произведу некоторые изменения и введу новшества.

Монтескье

Вы введете военные трибуналы, суды с ускоренным процессом производства, короче говоря, особые суды.

Макиавелли

Нет.

Монтескье

Что же вы тогда сделаете?

Макиавелли

Для начала скажу вам, что я вовсе не нуждаюсь в принятии большого числа строгих законов, проводить которые в жизнь я намереваюсь. Многие законы уже будут существовать и еще действовать, поскольку всем правительствам, либеральным или абсолютистским, республиканским или монархическим, приходится бороться с одинаковыми трудностями. В критические моменты они вынуждены прибегать к строгим законам, одни из которых сохраняются, другие — смягчаются в зависимости от необходимых условий, послуживших причиной их принятия. Нужно использовать и те, и другие законы. Что касается последних, то при случае вспоминают, что эти законы не отменены, что они были разумны, что их следует применить по причине возникновения преступлений, на предупреждение которых они были направлены. Таким образом правительство — и это зачастую будет соответствовать истине — предстанет лишь как осуществляющее правильное руководство государством.

Вы видите, что речь идет лишь о том, чтобы несколько оживить деятельность судов, что в странах с централистской государственной властью довольно легко сделать, поскольку в них судьи напрямую связаны с правительством через министерство, которое их назначает. Что касается новых законов, которые будут приняты при моем правлении и введены в действие чаще всего в виде обычных указов, то их применение, возможно, не будет столь легким, поскольку в странах, где должность судьи пожизненная, при истолковании закона судьи будут противиться слишком прямому воздействию властей. Но я, кажется, изобрел крайне гениальный, предельно простой и очевидно совершенно стабильный способ, который даст возможность изменять слишком безграничные следствия этого принципа, не отменяя правила пожизненного назначения судей на должность. Я издам указ, в соответствии с которым судьи будут подавать в отставку по достижении определенного возраста. Не сомневаюсь в том, что и в этом случае общественное мнение будет на моей стороне, поскольку на самом деле жалким предстает зрелище, когда судья, призванный в любую минуту принимать решения по важнейшим и труднейшим вопросам, страдает упадком духовных сил, препятствующим исполнению его обязанностей.

Монтескье

Позвольте сделать несколько замечаний по теме, вами затронутой. Ваши утверждения совершенно не соответствуют опыту. У людей, постоянно занимающихся умственным трудом, не наблюдается такого значительного упадка духовных сил. Это, если позволено так будет выражаться, своего рода привилегия духа, даруемая всякому, в чьей жизни он составляет важный элемент. Если у отдельных судей с возрастом и наблюдается упадок духовных сил, то у большинства они сохраняются, а их познания при этом все возрастают. Вовсе нет необходимости отправлять их в отставку, поскольку смерть естественным и необходимым образом вырывает людей из их рядов. И если бы на самом деле среди них встречалось так много примеров слабости духа, как вы утверждаете, то в интересах судопроизводства в тысячу раз было бы лучше терпеть это зло, нежели использовать ваш рецепт.

Макиавелли

У меня более убедительные доказательства моей правоты.

Монтескье

Государственные соображения?

Макиавелли

Может быть. Одно я могу гарантировать вам в любом случае: при новом порядке вещей судьям не придется отступать от законов намного дальше, чем до сих пор, если речь будет идти о чисто гражданских интересах.

Монтескье

Какое мне до этого дело! Ведь после всего, сказанного вами, мне ясно, они будут отступать от законов, если речь пойдет о политических интересах.

Макиавелли

Они не станут этого делать. Они будут как следует образом исполнять свой долг. Ведь в вопросах политики судьи, в интересах поддержания порядка, всегда должны стоять на стороне властей. Было бы самым худшим из этого, что можно только придумать, если бы провокационные приговоры суда использовали для нападков на правителя, что во всей стране сразу же было бы направлено против правительства. Что пользы, если заткнули рот прессе, раз ее задачи возьмут на себя судебные приговоры?

Монтескье

Несмотря на скромное обличье, ваше средство довольно эффективно, если вы придаете ему столь большое значение.

Макиавелли

Разумеется. Оно направлено на то, чтобы устранить дух сопротивления, этот всегда опасный корпоративный дух союза юристов, сохранивших память о прежних правительствах или даже поклоняющихся им. Оно привнесет в их круг многие новые элементы, оказывающие благотворное влияние на умонастроение, создаваемое моим правительством. Двадцать, тридцать, сорок судебных постов, освобождающихся ежегодно

вследствие отставки старых судей, приведут к перегруппировке всего юридического персонала, который будет обновляться каждые двенадцать месяцев снизу доверху. Вам известно, что одно единственное освободившееся место вследствие перемещения чиновника на более высокий пост может привести к пятидесяти новым назначениям. Можете представить, что будет, если одновременно освободится от тридцати до сорока мест. Произойдет не только уничтожение согласия во взглядах на политику, но и осуществится еще более тесное сближение с правительством, в распоряжении которого находится значительное число постов. Вот молодые люди, намеренные сделать карьеру и не останавливаемые более на служебной лестнице своими начальниками, назначенными пожизненно. Им известно, что правительство любит порядок, что и народ его любит, и что речь идет только о том, чтобы служить тому и другому, что следует выносить разумный приговор, если оказывается затронутым порядок.

Монтескье

Однако если людей не совсем поразит слепота, они упрекнут вас, что среди судейских чиновников царит отвратительный карьеризм. Я не стану расписывать возможные последствия; каковы бы они ни были, их перспектива не изменит ваших планов.

Макиавелли

Я не намерен прятаться от критики. Она не принесет мне большого вреда, пока я ее не слышу. В любом случае я возьму за правило, что все мои решения бесспорны, пусть они и вызывают брюзжание. Властитель, поступающий так, всегда уверен, что его волю будут уважать.

Разговор четырнадцатый

Макиавелли

Я уже несколько раз говорил вам и скажу снова, что мне не нужно все создавать и организовывать заново, что большую часть инструментов моей власти я найду в уже существующих учреждениях. Вам известно, что понимают под законом о защите конституции?

Монтескье

Разумеется, и я сожалею, что против своей воли лишаю вас эффекта неожиданности, к которому вы всегда с таким умением прибегаете.

Макиавелли

Что вы думаете об этом законе?

Монтескье

По моему мнению — и это справедливо по крайней мере для Франции, о которой вы сейчас, вероятно, говорите — данный закон предназначен для вполне определенной ситуации и при режиме свободного конституционного правления может быть изменен, если вовсе не отменен.

Макиавелли

Я нахожу, что вы говорите о нем вполне взвешенно. Согласно вашим теориям закон этот относится к одним из самых жестких ограничений свободы, которые только могут существовать. Ведь каково значение этого закона? Если частные лица подают в суд на правительственных чиновников, которые нанесли вред их делам, то судьи ответят им: Мы не сможем защитить ваших прав, это не входит в компетенцию суда. Обратитесь к властям, чтобы они предоставили право судебного преследования своих чиновников. И это в действительности будет отказом от отправления правосудия. Какому правительству придет в голову дать разрешение на преследование такого рода?!

Монтескье

Почему вы выступаете против этого? Мне кажется, все это вполне в духе ваших рассуждений.

Макиавелли

Я хотел лишь показать вам, что в государствах, в которых судопроизводство наталкивается на подобные препятствия, правительству не приходится бояться судов. Такие чрезвычайные законы вводят в законодательство всегда лишь как временную меру, однако когда нужда в

них миновала, чрезвычайные законы сохраняются, что вполне справедливо. В самом деле, если все в порядке, они никому не мешают, а если порядок нарушается, они необходимы.

Существует и другое современное учреждение, которое с не меньшей эффективностью служит осуществлению централизованной власти. Это учреждение имеет юридическую структуру, которую вы называете прокуратурой и которую прежде с большим на то основанием называли королевским судом, поскольку деятельность его характеризовалась главным образом тем, что это учреждение созывалось или распускалось по повелению монарха. Мне нет нужды объяснять вам, какое влияние оказывает это ведомство на суды, к которым оно относится. Это влияние значительно. Усвойте это получше. Теперь я скажу несколько слов о кассационном суде, право на который я также оставил за собой. Он играет значительную роль в мире юстиции.

Кассационный суд — это нечто большее, чем чисто юридическая корпорация. Он в определенном смысле является четвертой властью в государстве, поскольку в его задачи входит определение смысла законов в последней инстанции. По этой причине мне следует повторить здесь те мысли, которые я уже, как мне кажется, формулировал при разговоре о сенате и законодательном собрании. Если бы такой суд был полностью независимым от правительства, он в силу своего суверенного и почти безграничного влияния по собственному произволу стал бы нападать на толкование законов. Ему бы потребовалось для этого всего лишь систематически ограничивать или расширять в духе свободы определения законов, регулирующие осуществление политических прав.

Монтескье

А это явно противоречит тому, что вы от него требуете.

Макиавелли

Я от него ничего не стану требовать. Он совершенно самостоятельно станет делать то, что ему следует делать. Ведь именно здесь осуществляется наиболее сильная концентрация различных мотивов, ведущих к влиянию на систему судов, о чем я уже говорил. Чем ближе судья находится к государственной власти, тем больше он к ней принадлежит. Консервативный дух правительства здесь разовьется в гораздо большей мере, чем где-либо еще, и законы, имеющие огромное значение

для государственной полиции, будут толковаться этим высоким собранием так, как выгодно моему правительству, что позволит мне отказаться от применения многих ограничительных мер, к которым в противном случае пришлось бы прибегнуть.

Монтескье

Слушая ваши речи, приходишь к мысли, что при толковании законов может царить подлинный произвол. Разве тексты законов не написаны ясным языком и не толкуются однозначно? Разве их смысл может излагаться столь широко или с такими произвольными ограничениями, как вы говорите?

Макиавелли

Мне не придется поучать автора «Духа законов», опытного судью, вынесшего столько великолепных приговоров, тому, что такое юриспруденция. Не существует на свете столь ясной формулировки, которую нельзя было бы подвергнуть самим противоречивым толкованиям; это касается и области чисто гражданского права. Однако прошу принять во внимание, что мы ведем речь о политике. У всех законодателей во все времена было принято пользоваться в некоторых законах столь растяжимыми формулировками, что, смотря по обстоятельствам, их либо можно было применять в особых случаях, либо допускать исключения, говорить о которых более подробно не имеет смысла. Мне кажется, я должен привести вам соответствующие примеры, поскольку в ином случае вы сочтете мое утверждение слишком общим. Трудность заключается лишь в том, что мне придется приводить примеры, имеющие столь широкое значение, что удобнее будет отказаться от широкого представления единичных подробностей.

Вот пример, для меня наиболее предпочтительный, поскольку мы только что рассуждали об этом предмете. Когда мы говорили о законе по защите конституции, вы высказали мнение, что этот чрезвычайный закон в свободном государстве подвергся бы изменениям. Что ж, хорошо, предположим, что в государстве, которым я управляю, существует такой закон. Предположим также, что он был изменен. Я имею в виду, что до моего вступления в правление был принят закон, в соответствии с которым в случае, когда речь идет о депутате, допускается судебное преследование правительственного чиновника без пред-

варительного получения разрешения со стороны государственного совета.

При моем правлении, с которым, как вам известно, связаны крупные изменения в государственном праве, возникает такой случай. Имеется намерение подвергнуть судебному преследованию правительственного чиновника в связи с событием, в котором участвует депутат. Прокурор поднимается с места и заявляет: послабления, которое можно было бы здесь использовать, более не существует, оно более не согласуется с современными условиями. Прежний закон, который в подобном случае не требовал разрешения со стороны государственного совета, со всей очевидностью более не действенен. Представители суда отвечают на это согласием или несогласием, затем спорный случай рассматривается кассационным судом, и эта высшая инстанция определяет статью государственного законодательства следующим образом: прежний закон со всей очевидностью утратил силу, необходимо разрешение (согласие) государственного совета на судебное преследование государственного чиновника, даже если речь идет о деле, связанном с депутатом.

А вот вам другой пример, связанный с особым делом. Он касается надзора полиции за прессой. Мне сообщили, будто во Франции существовал закон, в соответствии с которым все граждане, которые на профессиональной основе создавали или распространяли печатную продукцию любого рода, под угрозой уголовного наказания были обязаны получать на то соответствующее разрешение, выдававшееся соответствующим доверенным лицом от государства, которому в каждой из провинций подчинялись представители высшей исполнительной власти. Существовал закон, регулировавший книготорговлю и державший ее под самым строгим контролем. В этом заключается главная цель данного закона. Однако текст этого предписания мог звучать и следующим образом: «Каждый, кто занят изготовлением и распространением печатной продукции, должен иметь на это соответствующее разрешение и т.д.»

При обращении к кассационному суду может быть получен следующий ответ: в законе, о котором идет речь, подразумевается не только профессиональная деятельность, но и любая торговля или распространение печатной продукции. Следовательно, автор каждого сочинения или книги, передающий другому лицу один или несколько экземпляров упомянутой продукции, хотя бы и с целью просвещения, без наличия предварительно полученного разрешения, осуществляет продажу или распространение и нарушает соответствующую статью уложения об уголовных наказаниях.

Итак, вы видите, каковы следствия подобного толкования. На место обычного полицейского предписания заступает закон, который ограничивает право на публичное распространение собственного мнения с помощью прессы.

Монтескье

Вам следовало бы еще стать юристом.

Макиавелли

И это абсолютно необходимо. Ведь каким образом сейчас свергают правительства? С помощью решений, приведенных в соответствие с законодательством, с помощью уловок при толковании конституционного права, прибегая в борьбе против государственной власти ко всем средствам, к любому оружию и любым маневрам, которые прямо не запрещены законом. И вы, пожалуй, согласитесь, что государственная власть имеет право прибегать в борьбе против различных партий к ловким ходам в области права, которые сами партии с такой настойчивостью используют против государственной власти. В противном случае это была бы борьба между неравными противниками, сопротивление было бы невозможным. Оставалось бы одно — уйти в отставку.

Монтескье

Вам предстоит обойти столько рифов, что было бы настоящим чудом, если бы каждый из них могли вы предвидеть заранее. Суды не зависят от ваших решений. При судопроизводстве, которое будет применяться в условиях вашего режима правления, вас измотают многочисленными процессами. Люди, отстаивающие свое право, станут постоянно обращаться в суд и требовать от него иного толкования законов.

Макиавелли

Такое возможно лишь поначалу. Однако когда внушительное число приговоров позволит окончательно определить судопроизводство, никто не сможет более позволить себе то, что им запрещено, и тем самым иссякнет источник процессов. Даже общественное мнение успокоится настолько, что в случае толкования законов оно будет обращаться к официозному толкованию правительства.

Монтескье

Простите, как вы себе это представляете?

Макиавелли

Если при той или иной открывающейся возможности возникнет основание для опасения, что в той или иной части законодательства могут возникнуть определенные затруднения, то правительство в форме официального разъяснения заявит, что закон применим к тому или иному действию, что он распространяется на тот или иной случай.

Монтескье

Однако судебные учреждения никоим образом не связаны с этими заявлениями.

Макиавелли

Вне всякого сомнения. Однако эти заявления, тем не менее, будут иметь огромный авторитет, оказывать огромное влияние на решения судей, если они исходят от столь сильного правительства, которое я создам. Они особенно сильно повлияют на решения отдельных людей, и во многих случаях, а может быть и повсеместно, с их помощью будут предотвращены нежелательные судебные процессы; от таких процессов люди будут отказываться.

Монтескье

Чем дольше мы беседуем, тем более очевидно мне, что ваше правительство тяготеет к патерналистскому подходу. Практически эти судебные обычаи относятся к патриархальным. Мне на самом деле представляется невозможным, чтобы не поверили в ваше заботливое опекунство, осуществляемое в столь ратинированной форме.

Макиавелли

Вам все же придется признать, что я далек от применения тех варварских методов правления, которые вы мне приписывали в начале нашей беседы. Вы видите, что во всем этом сила не играет никакой роли. Я, как и всякий сегодня, опираюсь только на право.

Монтескье

На право сильного.

Макиавелли

Право, претворяемое в жизнь, всегда есть право сильного. Исключения мне неизвестны.

Разговор пятнадцатый

Монтескье

Хотя мы с вами осветили уже довольно широкие сферы, и хотя вы уже почти все организовали, я не могу все же скрыть от вас, что поле вашей деятельности этим не ограничено, если вы намерены успокоить меня заверением, что вашему правительству обеспечено постоянное существование. Больше всего я дивлюсь тому факту, что всенародное голосование положено в основу вашего правления, т.е. элемент, по своей природе являющийся наиболее неустойчивым из тех, которые мне известны. Поймите меня, пожалуйста, правильно. Вы ведь сказали мне, что станете королем?

Макиавелли

Да, королем.

Монтескье

Это будет пожизненная или наследственная монархия?

Макиавелли

Я буду таким монархом, каковы монархи во всех королевствах мира. Трон наследуется моими потомками мужского пола на основании закона о наследовании, в то время как женщины будут исключены из сферы действия этого закона.

Монтескье

Вы далеко не галантны по отношению к женщинам.

Макиавелли

Простите меня, но я придерживаюсь монархических традиций франков и салиев.

Монтескье

Может быть, вы объясните мне, как вы намереваетесь осуществить право наследования на основе демократического плебисцита по образцу Соединенных Штатов Америки.

Макиавелли

Несомненно.

Монтескье

Как! Вы предаетесь надежде связать этим принципом волю грядущих поколений?

Макиавелли

Совершенно верно.

Монтескье

Для начала хотелось бы увидеть, как вы справитесь со всенародным голосованием, если речь идет о его применении при назначении государственных чиновников.

Макиавелли

Каких государственных чиновников? Вам ведь известно, что в государствах с монархическим правлением правительство само назначает чиновников любого ранга.

Монтескье

Все зависит от того, о какого рода чиновниках идет речь. Чиновники, принятые на службу для управления общинами, и при монархическом правительстве как правило выбираются населением.

Макиавелли

Это будет изменено с помощью закона; в будущем их станет назначать правительство.

Монтескье

А что с депутатами, вы и их будете назначать?

Макиавелли

Вы же знаете, что такое невозможно.

Монтескье

Тогда мне вас жаль. Ведь если вы предоставите всеобщему голосованию идти своим чередом, если вы не изобретете здесь нового метода воздействия на результаты, то собрание народных представителей под влиянием партий довольно скоро будет состоять из депутатов, враждебно настроенных к вашему правительству.

Макиавелли

Потому-то я и не намерен вовсе предоставлять плебисциту идти своим чередом.

Монтескье

Я в этом не сомневался. К какому методу вы прибегнете?

Макиавелли

Сначала я поставлю в зависимость от правительства всех, кто намерен представлять народ. И потребую от кандидатов торжественной присяги. Речь идет не о клятве народу, как полагали революционеры 1789 года. Они должны поклясться, что сохранят верность государю и его конституции.

Монтескье

Поскольку при вашем отношении к политике вы побоитесь нарушить собственную клятву, как можете вы ожидать, что в этом вопросе люди будут честнее вас?

Макиавелли

В политике я мало полагаюсь на совесть людей. Я рассчитываю на силу общественного мнения. Никто не отважится выдать себя перед его лицом, нарушив публично данную клятву. Это тем менее вероятно, что клятва, мною требуемая, должна быть произнесена до выборов, а не после них, и было бы безответственно требовать всенародного голосования, не позаботившись о готовности кандидатов поступить ко мне на службу. Теперь следует дать правительству в руки средства для противостояния и препятствия влиянию оппозиции, чтобы оппозиция не обезвредила людей, намеренных выступать на стороне правительства. При проведении выборов партии обычно называют своих кандидатов и представляют их правительству. Я сохраняю этот порядок. Я выставлю кандидатов и представлю их партиям.

Монтескье

Если бы вы не обладали всей полнотой власти, это средство следовало бы отклонить, поскольку при объявлении открытой борьбы вы вызываете ответные удары.

Макиавелли

Я ожидаю, что доверенные лица моего правительства от начала до конца будут бороться за победу моих кандидатов.

Монтескье

Это само собой разумеется, это следует из предыдущего.

Макиавелли

Здесь все имеет максимальную значимость: «Законы, которые вводят всеобщее голосование, имеют основополагающее значение; вид и способ проведения плебисцита принципиально важен; закон, регулирующий порядок подачи бюллетеней для голосования, является основным законом».¹ Разве не вы сами это утверждали?

¹ Дух законов. Кн. II, Гл. 2.

Монтескье

Иногда я не узнаю собственных слов, когда их произносите вы. Я уверен, что цитируемые вами слова имеют отношение к демократическому правительству.

Макиавелли

Разумеется, у вас уже был повод увидеть, что основная суть моей политики состоит в том, что я опираюсь на народ, что, хотя на голове моей корона, моя явная и открыто провозглашаемая цель — быть представителем народа. Как душеприказчик всех сил, возложивших на меня эту миссию, я единственное истинно доверенное лицо. Мои действия — действия народа. Вследствие этого не представляется возможным позволить партиям на время выборов вытеснить своим влиянием ту полноту власти, которая воплощена в моей персоне. Поэтому я отыскал и иные средства для обезвреживания их усилий. Задумаетесь о том, что, например, закон, запрещающий собрания, естественным образом применим только к тем собраниям, которые созываются во время выборов. Таким образом, партии лишаются всяких контактов друг с другом и всякой возможности договориться между собой.

Монтескье

Почему вы все время выводите на первый план партии? Под предлогом воздвижения препятствий на их пути вы препятствуете самим избирателям. Партии, в конечном счете, представляют собой коллектив избирателей. Если избиратели лишены гласности собраний и обсуждений, разве смогут они затем отдать свои голоса на основе достоверных знаний?

Макиавелли

Я примечаю, что вы и не подозреваете, как ловко и утонченно политики умеют обходить запреты. Не стоит беспокоиться об избирателях. Избиратели, обладающие доброй волей, всегда будут знать, кому они должны отдать свои голоса. Вообще же я буду вполне толерантным. Я не только не запрещаю собраний, проводимых в интересах моих кандидатов, но и пойду так далеко, что не обращу внимания на агитацию за нескольких народных кандидатов, проводимую с большим шумом во имя свободы. Знайте только, что люди, кричащие громче всех, состоят у меня на жаловании.

Монтескье

Каким образом вы станете регулировать сам процесс голосования?

Макиавелли

Во-первых, что касается выборов в сельской местности, я не желаю, чтобы избиратели отдавали свои голоса на крупных избирательных участках, где они могут войти в соприкосновение с духом оппозиции, царящим в городах, и где они могут познакомиться с лозунгами, распространяемыми в столице. Я хотел бы, чтобы каждая община имела свой избирательный участок. Результат этой внешне предельно простой инструкции будет довольно значительным.

Монтескье

Это вполне очевидно. Вы принуждаете к тому, чтобы в сельской местности выбирали либо из множества незначительных личностей, либо, по недостатку известных имен, из кандидатов, названных вашим правительством. Меня бы крайне удивило, если бы в таких условиях были выбраны умные и талантливые кандидаты.

Макиавелли

Для сохранения порядка в государстве требуется меньше одаренных людей и больше людей, преданных правительству. Высоким интеллектом обладает человек, сидящий на троне, а также люди из его непосредственного окружения. В любом другом месте интеллекта не требуется, более того, он практически вреден, поскольку может действовать только против государственной власти.

Монтескье

Ваши афоризмы удивительно отточены. У меня более нет оснований возражать вам. Поведайте мне, пожалуйста, о других особенностях, связанных с голосованием.

Макиавелли

По тем же причинам, которые я вам только что изложил, я не приемлю голосований за списки, так как в этом случае возможна фальсификация выборов и допускается объединение между собой людей, при-

держивающихся различных принципов. Я поделю избирателей на такие избирательные округа, в каждом из которых будет избираться лишь один депутат, следовательно каждый избиратель сможет вписать в свой бюллетень только одно имя.

Кроме того, должна иметься возможность нейтрализации оппозиции в тех избирательных округах, в которых ее деятельность могла бы стать слишком заметной. Я имею в виду, что на прежних выборах определенные избирательные округа выделялись тем, что большинство поданных голосов было направлено против правительства, или можно было предположить, что в этом округе проголосуют против правительственного кандидата. Нет ничего более легкого, чем устранить подобного рода трудности. Если в избирательном округе небольшое число жителей, то его присоединяют к соседнему или расположенному не столь близко избирательному округу с довольно большим числом жителей, в котором голоса представителей первого округа не будут играть какой-либо роли и представители этой политической ориентации затеряются среди прочих. Если же, напротив, во враждебно настроенном избирательном округе живет очень много людей, то его разбивают на несколько избирательных округов, которые присоединяют к соседним округам, уничтожая таким образом его влияние. Вы поймете, что я не останавливаюсь на многочисленных подробностях, имеющих лишь второстепенное отношение к целому. Так, например, я раздроблю в чрезвычайном случае избирательные округа на избирательные участки, чтобы при необходимости дать правительству больше поводов для вмешательства, и назначу председателями избирательных комиссий по округам и участкам тех чиновников общин, назначение которых зависит от правительства.

Монтескье

С определенной долей удивления я отмечаю, что вы не прибегаете к мере, которую вы в свое время рекомендовали Льву X и которая заключается в том, что члены счетной комиссии после подсчета голосов заменяют поданные бюллетени другими.

Макиавелли

Сейчас, пожалуй, это было бы нелегко сделать, и я думаю, что к этому средству следует обращаться с величайшими предосторожностями. У дееспособного правительства к тому же существует много иных

вспомогательных средств! Ему не нужно покупать голоса избирателей напрямую, то есть за наличные деньги, однако ему не составит труда с помощью различных концессий в управлении принудить население голосовать так, как выгодно правительству: послушным городам и селениям раздаются обещания о строительстве портов, рынков, улиц, каналов, а тем, которые голосовали против правительства отказано во всем.

Монтескье

Я не могу упрекнуть вас в недостаточной продуманности ваших планов. А вы не боитесь, что станут говорить, как вы частично фальсифицировали выборы, частично оказали давление на избирателей? Вы не боитесь скомпрометировать свою государственную власть ее слишком прямым участием в избирательной борьбе? Самая незначительная победа над вашими кандидатами будет восхваляться как победа блестящая, загоняющая ваше правительство в угол. Мне доставляет беспокойство мысль о том, что всем вашим предприятиям должен сопутствовать успех, в противном случае произойдет тотальная катастрофа.

Макиавелли

Вы слишком боязливы. Успокойтесь же. Если я зашел так далеко, то мне удалось слишком многое, чтобы я не боялся споткнуться на мелочах. Знаменитой песчинке Боссюэ, которая может привести к падению, для истинного политика не существует. В своей карьере я зашел так далеко, что без всякой опасности могу бросить вызов и бурям. Что значат при этом небольшие затруднения правительства, о которых вы говорите? Неужели вы думаете, что я настолько честолобив, чтобы возомнить себя идеальным? Я достаточно хорошо знаю, что ошибок не избежать. Без всякого сомнения, я не смогу воспрепятствовать тому, чтобы то там, то здесь возникали случаи применения насилия и скандалы. Разве может это воспрепятствовать общему благополучному продвижению вперед? Важно не избегать ошибок, а брать на себя ответственность за ошибку с тем энергичным жестом, который импонирует людям, намеренным меня унижить. Даже если оппозиции удастся провести в мой парламент нескольких демагогов, разве это должно меня сильно беспокоить? Я не отношусь к тем, кто не желает учитывать умонастроений своей эпохи.

Принцип равновесия сил — один из моих важнейших принципов. Точно так же, как я обезврежу прессу с помощью самой прессы, я справлюсь с парламентскими ораторами с помощью ораторов. У меня будет достаточное число людей, владеющих ораторским искусством и способных произносить многочасовые речи. Основное состоит в том, что имеется прочное большинство и президент, на которого можно положиться. Вести дебаты и проводить голосование — это особое искусство. Но нужны ли мне эти приемы парламентского искусства? Из двадцати членов палаты девятнадцать будут мне преданы, и они будут голосовать на основании соответствующих инструкций, в то время как я разверну театр искусственной и тайно подкупленной оппозиции. И тогда пусть говорят сколько угодно, пусть произносят самые прекрасные речи. Они просвистят в ушах моих депутатов, как ветер в замочной скважине. Вы хотите еще что-нибудь услышать о моем сенате?

Монтескье

Нет, мне стоит только вспомнить о Калигуле, чтобы знать, что можно сделать с сенатом.

Разговор шестнадцатый

Монтескье

Разрушение коллективных сил и уничтожение партий является главной целью вашей политики. Вы придерживались этой программы. Однако вокруг вас мне видится многое из того, чего вы не касались. Вы еще не подчинили себе духовенство, университет, адвокатуру, народное ополчение, торговые компании. Мне представляется, что среди этих условий достаточно опасных элементов.

Макиавелли

Я не могу рассказывать вам обо всем сразу. Поговорим сначала о национальной гвардии или о народном ополчении, ведь ими мне не пришлось бы более заниматься. Их роспуск неизбежно был бы одной из первых мер при захвате власти. Организацию народного ополчения

нельзя совместить с существованием постоянной армии, поскольку граждане, имеющие в руках оружие, в подходящем случае могут обратиться во врагов. Однако это дело не лишено трудностей. Хотя национальная гвардия представляет собой ничемное учреждение, ее название довольно популярно. В государствах, опирающихся на военную силу, она соответствует ребяческим инстинктам определенных кругов населения, которые довольно комичным образом соединяют в себе склонность к военным парадам с предпринимательскими интересами. Хотя речь идет и о безобидной страсти, было бы небезопасно и глупо препятствовать ей, тем более что государь никогда не должен пробуждать подозрения, будто он преследует иные интересы, кроме интересов бюргерства, которое считает, что, вооружив граждан, оно себя тем самым защитило.

Монтескье

Однако вы распускаете это народное ополчение.

Макиавелли

Я распушу его, чтобы вновь создать на иных основаниях. При этом главное — поставить его под начало чиновников гражданских властей и лишить его права самостоятельно выбирать своих начальников. Я поступлю в согласии с этими положениями. Кстати, я создам отряды народного ополчения только в тех местах, где мне это покажется целесообразным, и я сохраню за собой право их роспуска и нового созыва на иных основаниях, если того потребуют обстоятельства. Об этом предмете мне вам более нечего сказать. Что касается университетов, то их современное состояние вполне удовлетворительно. Вам ведь известно, что крупные учебные заведения организованы сегодня иначе, чем прежде. Мне рассказывают, что они почти повсеместно утратили свою независимость и являются всего лишь общественными учреждениями, состоящими на службе у государства. А там, где представлено государство, представлен и монарх, о чем я вам говорил уже не раз. Интеллектуальное руководство государственными учреждениями он держит в своих руках, его чиновники воздействуют на умы молодежи. Руководители и члены преподавательских коллективов любого уровня назначаются правительством, они зависят от правительства, они связаны с ним, и этого достаточно. Если вдруг обнаружатся там или здесь некоторые следы самостоятельности в какой-либо общественной школе или высшем учебном заведении, то не составит труда подчинить их центру единого руководства. Это делается с помощью инструкций или обычно-

го указания министерства. Я отброшу сейчас подробности, на которых нет смысла останавливаться. Однако я не хочу завершать эту тему, не сказав вам, что я придаю важное значение выделению из общего процесса обучения юридическим наукам занятий, посвященных изучению конституций разных государств.

Монтескье

Вы, по всей видимости, имеете на то полное основание.

Макиавелли

Причины вполне просты. Нежелательно, чтобы молодые люди, только что вышедшие из школы, сразу же окунались в вопросы политики, чтобы восемнадцатилетние юнцы занимались созданием проектов конституций, как занимаются сочинением пьес. Такие занятия нанесут лишь вред молодым умам и преждевременно привлекут их внимание к предметам, лежащим за рамками их понимания. На таких плохо усвоенных и неправильно понятых идеях нельзя воспитывать настоящих государственных мужей, воспитаешь лишь утопистов, непродуманные мысли которых позднее воплотятся в необдуманные действия. Те поколения, которым суждено родиться при моем правлении, будут воспитаны на принципе уважения к существующим порядкам и любви к монарху. Поэтому я с максимальным умением употреблю свою власть над народным образованием. Я полагаю, что в школах вообще неправомерно пренебрегают историей современности: знать свою эпоху столь же необходимо, как и времена Перикла. По моему повелению историю моего правления будут изучать в школе еще при моей жизни. Таким способом новый монарх найдет путь к сердцам нового поколения.

Монтескье

Если я вас правильно понял, это преподавание будет заключаться в постоянной апологии ваших деяний?

Макиавелли

Само собой разумеется, я не допущу, чтобы меня представляли в дурном свете. Иным средством, которое я употреблю, будет оказание противодействия свободе наук, от которых нельзя будет прямо отказаться.

В университетах достаточно профессоров, свободное время которых можно использовать для распространения благонамеренных учений вне стен аудиторий. Я заставляю их открыть свободные курсы во всех значительных городах и таким образом способствовать одновременно образованию и распространению влияния правительства.

Монтескье

Иными словами, вы поглощаете и конфискуете в свою пользу даже самые последние проблески самостоятельного мышления.

Макиавелли

Я вовсе ничего не конфискую.

Монтескье

Позволите ли вы иным профессорам, кроме преданных вам, равным образом нести знания народу без получения разрешения, без соответствующего документа?

Макиавелли

Что? Уж не хотите ли вы, чтобы я одобрил образование политических обществ?

Монтескье

Нет. Продолжайте же.

Макиавелли

Среди большого числа мер, необходимых для блага моего правительства, вы обратили мое внимание на меры, связанные с адвокатским сословием. Если я займусь этим вопросом, то распространю свою деятельность и на область, в настоящий момент не представляющуюся необходимой. Кроме того, я допущу здесь вмешательство и в сферу интересов гражданского права, а вы уже знаете, что я придерживаюсь принципа держаться от него подальше. В государствах, в которых адвокатское сословие образует корпорацию общественного права, подданные рассматривают независимость этой организации как защиту и верят, что

она неотделима от права защиты перед судом. Они выступают за эту независимость, словно речь идет об их собственной чести, их интересах или их жизни. Всякое вмешательство здесь затруднительно, поскольку общественное мнение будет возбуждено воплями возмущения, которые наверняка поднимет вся эта корпорация. Однако я вполне отчетливо сознаю, что это сословие оказывает влияние, которое может оказаться крайне враждебным по отношению к моему правлению. Эта профессия — вам это известно лучше, чем мне, Монтескье, — формирует холодный и умеющий жестко отстаивать свои принципы характер, формирует людей, все стремления которых направлены на то, чтобы постоянно проверять, основываются ли действия правительства на фундаменте чистой законности. У адвоката, в отличие от чиновников, нет ярко выраженного чувства социальной необходимости. Он рассматривает закон с слишком короткой дистанции и под слишком малым углом зрения, чтобы обладать верным ощущением такого рода необходимости, в то время как чиновник...

Монтескье

Вам вовсе нет нужды его оправдывать.

Макиавелли

Совершенно верно. Ведь я помню, что мой собеседник — один из крупных чиновников, служивших столь блестящей опорой трону французского монарха.

Монтескье

И один из тех, кого не так-то легко было побудить к выполнению распоряжений, противоречащих конституции.

Макиавелли

И тем самым вы в конце концов уничтожили государство. Я не желаю, чтобы мои суды превратились в парламенты и чтобы адвокаты занимались политикой, будучи защищенными неприкосновенностью, гарантируемой им их сословием. Величайший человек столетия, оказавший вашему отечеству честь своим рождением, сказал: «Я хотел бы, чтобы любому адвокату, плохо отозвавшемуся о своем правительстве, можно было отрезать язык». Современные нравы не столь жестоки.

Я бы не стал заходить так далеко. В первый день моего прихода к власти я ограничусь совсем простой мерой: издам указ, который полностью признавая независимость адвокатского сословия, подчинит адвокатов предписанию, по которому начальника адвокатов назначает на должность сам монарх. В констатирующей части моего указа не составит труда объяснить клиентам адвокатов, что в случае такого назначения обеспечивается более эффективная защита, чем в том случае, если адвокатский корпус пополняется сам из себя, т. е. в некотором роде из сомнительного общества.

Монтескье

Воистину, самым отталкивающим мерам можно отыскать разумное объяснение. Однако расскажите теперь, как вы намерены обойтись с духовенством. Это такая организация, которая лишь частично зависит от государства и опирается на духовную власть, резиденция которой расположена вне пределов вашего государства. Я должен даже сказать, что я не знаю более никакой силы, которая была бы для вашего правительства опасней, чем эта власть, обращающаяся к нам от имени небесных сил и повсеместно опирающаяся на земное начало. Не забывайте, что христианская проповедь — это проповедь свободы. Вне всяких сомнений, с помощью государственных законов проведена четкая граница между сферами религиозной и политической власти; вовсе не следует сомневаться и в том, что священники поднимут свой голос только от имени Евангелия; однако божественный дух, исходящий от Евангелия, является камнем преткновения для материализма политики. Одна эта книга, полная смирения и кротости, уничтожила Римскую Империю, императоров и их власть. Народы, открыто признающие христианство, все больше будут уходить из под влияния деспотизма, поскольку христианство слишком высоко чтит достоинство человека, чтобы на него посмел посягнуть деспотизм. Оно раскрепощает духовные силы, на которые власть человеческая не оказывает влияния. Берегитесь священника!

Он зависит от Бога, но влияние его распространяется повсеместно — на церковь, семью, школу. У вас нет власти над ним. Он подчиняется не вам, он подчиняется порядку, который не затронут посягательствами закона и власти. Если вы — монарх католического государства и духовенство — ваш враг, то рано или поздно вы обречены на поражение, даже если за вами стоит весь народ.

Макиавелли

Я действительно не знаю, как вам приходит в голову, что священник является апостолом свободы. Ничего подобного я никогда не наблюдал ни в былые времена, ни в современных условиях.

Я всегда рассматривал духовенство как естественную опору абсолютизма. Подумайте только: если в интересах упрочения моего государства я принужден был сделать уступки демократическому духу своего времени, если я превратил всеобщее избирательное право в основу своего господства, то все это — лишь ловкий прием, обусловленный духом эпохи; я таким же образом воспользуюсь господством небесного провидения, и по этой причине явлюсь монархом милостью Божией. С этой точки зрения духовенство должно меня поддерживать, поскольку мои авторитарные принципы согласуются с подобными же принципами клира. Если же духовенство займет враждебную позицию, если оно употребит свое влияние на ведение тайной войны против моего правительства...

Монтескье

Что тогда?

Макиавелли

Я вызову раскол в церкви, который разорвет все узлы, связывающие клер с римской курией, поскольку там располагается гордиев узел. Моя пресса, мои журналисты и политики зададут такую линию в своих выступлениях: «Христианство не связано с католицизмом; то, что запрещает католическая церковь, разрешает христианство. Независимость духовенства от государства, его подчинение римской курии — все это чисто католические догмы. Такое положение дел создает постоянную угрозу безопасности государства. У верующих в нашей империи верховным священнослужителем не должен быть иноземец. Это означало бы, что порядок в стране будет поставлен в зависимость от произвола власти, которая в любую минуту может стать нашим врагом. Любая средневековая иерархия, связанная с отношением к народам как к находящимся в младенчестве и требующим пастыря, более не соответствует мужественному духу современной культуры, ее просвещенному началу и ее самостоятельности. Почему властителя духовного следует искать

в Риме? Почему политический авторитет не может совпадать с авторитетом религиозным? Почему монарх не может быть одновременно и первосвященником?»¹ Это линия, которую станет проводить пресса, и в особенности пресса либеральная, и вполне вероятно, что основная масса народа воспримет ее с радостью.

Монтескье

Если вы поверите в это и рискнете предпринять что-либо подобное, вы тотчас же, и наверняка самым ужасным образом, узнаете, что означает власть католической церкви даже для тех народов, у которых она, по всей видимости, ослаблена.

Макиавелли

Чтобы я стал такое предпринимать! Боже праведный! Нет, на коленях молю я Господа и повелителя нашего о прощении, если я хоть словом поддержал подобного рода гнусные намерения, порожденные лишь одной ненавистью к католицизму. Но Бог, давший людям власть, не запрещает этой власти защищаться от интриг клира, который ведь преступает заповеди Евангельские, отказывая повелителю в послушании. Мне слишком хорошо известно, что работа против меня будет вестись путем воздействия на народ, которое невозможно уловить; однако я отыщу средства вычислить человека, направляющего это воздействие, пусть даже он находится в лоне римской курии.

Монтескье

Как вы намерены осуществить это?

Макиавелли

Будет достаточно указать папскому правительству на духовное состояние, в котором пребывает мой народ, страждущий под гнетом церкви, стремящийся освободиться от него, способный собственными усилиями покинуть лоно католической церкви и привести к расколу духовенства, как это было осуществлено церквами греческой и протестантской.

¹ Дух законов. Кн. XXV. Гл. 12.

Монтескье

Действие вы подменяете угрозой!

Макиавелли

Вы слишком заблуждаетесь, Монтескье, и не осознаете моего преклонения перед папским троном. Роль, которую я хотел бы играть, миссия, которая приличествует мне как католическому монарху, как раз в том и заключалась бы, чтобы быть патроном церкви. Вам известно, что в современных условиях мирская власть церкви находится под серьезной угрозой именно вследствие всеобщего неприятия религии и из-за действий стран, расположенных к северу от Италии. Я обратился бы к Святому Отцу с такими словами: я окажу Тебе поддержку в борьбе с ними, я — Твое спасение, в этом я вижу свою обязанность, это — моя миссия; но ничтожнейшее, что я требую взамен, это Твой отказ нападать на меня, Твое обещание поддерживать меня силой Твоего духовного величия. И я не потребую слишком многого, поскольку сам сильно рискую собственной популярностью, выступая как защитник мирской власти церкви, которая сегодня, к сожалению, в глазах так называемой европейской демократии утратила свое влияние. Меня это не испугает. Я не только буду препятствовать любым выступлениям против суверенитета святой церкви со стороны соседних государств, но и в случае нападения на нее, в случае попыток изгнать папу из Ватикана, что уже часто имело место, мои солдаты сумеют вернуть его в святое государство и будут оказывать ему постоянную защиту до тех пор, пока я нахожусь у власти.

Монтескье

Это на самом деле будет шедевром вашей политики, поскольку, если в Риме вы будете содержать постоянный воинский гарнизон, папа будет в ваших руках примерно в такой же степени, как если бы его резиденция размещалась в одной из провинций вашей империи.

Макиавелли

И теперь-то вы поверите, что после оказания с моей стороны такой услуги папству, папа не станет уклоняться от того, чтобы поддержать мое монаршество, что он сам при удобном случае не преминет короновать меня в моей столице. История знает такие случаи.

Монтескье

Несомненно, в истории имеются тому примеры. Однако как вы поступите, если престол святого Петра будет занимать не какой-нибудь Борджиа или Дюбуа, а папа, противостоящий вашим интригам и прекословящий вам?

Макиавелли

В этом случае пришлось бы решиться на то, чтобы способствовать его падению под предлогом защиты светской власти.

Монтескье

В вашу голову приходят действительно гениальные мысли!

Разговор семнадцатый

Монтескье

Я сказал, что вам в голову приходят гениальные идеи, и таковые действительно необходимы, чтобы придумать все это и осуществить. Теперь мне понятен смысл басни о божестве Вишну. У вас, как и у индийского бога, сотня рук, и каждый ваш палец касается одной из областей политической жизни. Способны ли вы уследить за всем тем, чего вы касаетесь?

Макиавелли

Несомненно, поскольку я превращу полицию в столь всеобъемлющую организацию, что в пределах моей империи половина людей будет занята слежкой за другой половиной населения. Вы позволите поделиться с вами некоторыми подробностями об организации моей полиции?

Монтескье

Сделайте милость.

Макиавелли

Я начну с создания министерства полиции, которое займет самое важное место среди моих министерств. В нем сконцентрируются многочисленные службы — и негосударственные, предназначенные для этой части моего аппарата управления.

Монтескье

Однако если вы осуществите это, ваши подданные тотчас же заметят, что они опутаны ужасной сетью.

Макиавелли

Если это ведомство вызовет ответную реакцию, я распушу его и, если вам это больше нравится, назову его государственным министерством. Кроме того, я повелю учредить соответствующие службы при других министерствах, большинство из которых будут напрямую связаны, не привлекая ничьего внимания, с теми организациями, которые вы называете министерствами внешних сношений и внутренних дел. Вы наверняка понимаете, что эти службы будут заниматься вовсе не дипломатией, а лишь делами, необходимыми для обеспечения моей защиты от происков различных партий внутри страны и за границей. Можете мне поверить, большинство монархов в этом отношении находятся в том же положении, что и я, а это значит, что они с явной готовностью поддержат меня в моих намерениях, направленных на создание международной полицейской службы в интересах взаимной безопасности. Если мне удастся достичь этой цели, а в этом я вовсе не сомневаюсь, то формы работы моей полиции за границей будут примерно таковы: это будут люди, прожигающие жизнь при дворах государей за границей и вхожие в свет, однако при этом выполняющие задание по наблюдению за интригами государей и претендентов на трон, изгнанных за пределы нашей страны. Это будут уважаемые революционеры, которых, что вовсе не исключено, я за большие деньги привлеку служить мне в качестве информаторов, сообщающих о происках тайно действующих демагогов. Это будут люди, основывающие в столицах мира политические газеты. Это будут книгоиздатели и книготорговцы, работающие в тех же условиях, тайно получающие денежную поддержку и выполняющие задание по непосредственной слежке за движением умов с помощью прессы.

Монтескье

Дело сводится к тому, что вы ведете работу не столько против партий, враждебных вашей монархии, сколько против самого духа гуманности.

Макиавелли

Вам известно, что подобные выводы не собьют меня с толку. Я хочу, чтобы велось наблюдение за любым человеком, занимающимся политикой и отправляющимся за границу плести интриги, чтобы я получал о нем сведения вплоть до его возвращения в мою империю, где его, без особых церемоний, посадят в тюрьму, чтобы пресечь его новые происки. Чтобы надежнее держать в руках нити революционных интриг, я кое-что придумал, и мне кажется, эта идея неплоха.

Монтескье

Боже, убереги нас от этого! Что вы придумали?

Макиавелли

Я выберу одного из принцев моей династии, стоящего близко к трону, и заставлю его играть роль недовольного: его задача будет состоять в том, чтобы выступать под маской либерала, поносить мое правительство и таким образом вступить в контакт с людьми, занимающими самые высокие посты в моем государстве и имеющими некоторую склонность к демагогии, что даст возможность лучше следить за ними. Принц, которому я доверю эту миссию и который будет хорошо осведомлен об интригах, плетущихся в стране и за границей, будет вести ложную игру со всеми, кто не посвящен в тайну этой комедии.

Монтескье

Неужели вы намерены поручить принцу вашей династии задания, которые вы сами назвали задачами вашей полиции?

Макиавелли

Почему бы и нет? Мне известны правящие государи, которые, будучи в изгнании, состояли на службе в тайной полиции некоторых правительств.

Монтескье

Если я и буду слушать ваши откровения дальше, Макиавелли, то лишь с одной целью: произнести последнее слово в этом отвратительном споре.

Макиавелли

Не стоит так волноваться, господин Монтескье. В вашей книге «Дух законов» вы назвали меня великим человеком.¹

Монтескье

Теперь вы побуждаете меня сильно раскаиваться в этом. Я несу наказание уже тем, что вынужден выслушивать вас. Побыстрее покончите с этими многочисленными жуткими подробностями.

Макиавелли

В стране я должен буду возродить «черный кабинет».²

Монтескье

Что ж, создавайте его снова.

Макиавелли

Лучшие ваши монархи прибегали к его помощи. Тайна переписки не должна служить сокрытию заговоров против правительства.

Монтескье

Вы этого боитесь. Я понимаю.

Макиавелли

Вы заблуждаетесь. При моем правлении будут заговоры. Они должны возникать.

¹ Дух законов. Кн. VI. Гл. 5.

² Черный кабинет (*cabinet noire*) был создан при Людовике XIV. В этом тайном учреждении осуществлялась перлюстрация писем и по государственному распоряжению нарушалась тайна переписки. — Прим. переводчика.

Монтескье

Что все это значит?

Макиавелли

Возможно, существуют подлинные заговоры, мне это может быть неизвестно; однако наверняка будут и псевдозаговоры. В некоторые моменты они могут стать прекрасным средством оживления симпатии народа к своему монарху, если его популярность начнет падать. Вызывая в публике беспокойство, в нужных случаях получаешь в свои руки жесткие средства для подавления беспорядков, тебе необходимые, или поддерживаешь авторитет уже имеющихся строгих мер. Затеваемые лишь для видимости заговоры, с которыми, само собой разумеется, требуется обращаться особенно осторожно, обладают и преимуществом: они дают возможность раскрыть настоящий заговор, так как они дают повод к ведению расследования, позволяющего повсюду идти по следам тех, кто находится под подозрением.

Нет ничего более ценного, чем жизнь монарха. Ее следует окружить бесчисленными защитными стенами, то есть бесчисленными агентами. Однако этот отряд тайной охраны следует так умело маскировать, чтобы при появлении монарха на людях не возникало впечатления, будто его объемлет страх. Мне рассказали, что в Европе меры безопасности в этом отношении столь совершенны, что государь, выходящий на улицу, может выглядеть как обычное частное лицо, прогуливающееся в людской толпе без охраны, в то время как он окружен двумя или тремя тысячами телохранителей. В остальном я полагаю, что полиция должна пронизывать все слои общества. Не должно существовать ни одной встречи или заседания, ни одного общественного объединения, ни одной семьи, в которой на нашлось бы уха, улавливающего то, что говорится в этом месте и в этот час. Человек, однажды получивший в свои руки власть, сталкивается с явлением, что люди с удивительной легкостью доносят друг на друга. И что еще более удивительно, у людей развивается дар наблюдения и чутье, равные качествам, которые имеет персонал политической полиции. Вы себе представить не сможете их хитрые уловки, их искусство менять внешность, их надежный инстинкт, их страсть в проведении расследований, их терпение, их умение молчать. Во всех общественных слоях найдутся люди, которые будут заниматься этим профессионально, и даже с определенной любовью к своему ремеслу.

Монтескье

Ага! Вы наконец открываете занавес!

Макиавелли

Совершенно верно! Ведь в изнаночной стороне власти существуют тайны, которые вызывают у нас страх, когда предстают перед нашим взором. Я пощажу вас и не стану рассказывать о вещах еще более мрачных, чем те, о которых вы уже слышали. С помощью системы, которую я организую, я настолько полно буду информирован обо всем, что смогу с терпением относиться даже к некоторым преступным действиям, поскольку обладаю властью воспрепятствовать им в любую минуту.

Монтескье

А почему вы намерены проявить терпение по отношению к подобным вещам?

Макиавелли

Из тех соображений, что абсолютный монарх в европейских государствах не должен слишком назойливо пользоваться своей властью по той причине, что в обществе всегда имеются подводные течения, совладать с которыми можно лишь тогда, когда они явно выходят на поверхность; поскольку следует тщательнейшим образом избегать беспокоить общественное мнение тем, что безопасность правительства расценивается как находящаяся под угрозой; потому что партии вполне удовлетворяются ворчанием и безобидными уколами, пока они лишены всякой силы, и было бы глупостью обезоруживать их настолько, чтобы они пришли в ярость. Таким образом, следует спокойно выслушивать их жалобы, время от времени раздающиеся со страниц газет и книг. Они попытаются в некоторых своих выступлениях и речах намекать на правительство. Они под разными предложениями будут приводить скромные доказательства собственного существования. Все эти попытки будут крайне робкими, это я вам гарантирую, и если общественность их услышит, они вызовут лишь насмешку. Меня будут считать достаточно сильным, чтобы относиться к этому спокойно. Меня лишь будут считать слишком терпеливым. Поэтому я во всех этих вопросах проявлю

терпение — само собой разумеется, лишь к тому, что мне не покажется опасным. Я не хотел бы, чтобы о моем правительстве говорили, что оно чрезмерно подозрительно ко всему относится.

Монтескье

Ваши суждения напоминают мне о том, что в ваших законах и инструкциях осталась брешь, и при этом очень серьезная.

Макиавелли

Что вы имеете в виду?

Монтескье

Вы не затронули личной свободы.

Макиавелли

Я и не буду ее касаться.

Монтескье

Вы уверены, что вам это удастся? Если вы оставили за собой возможность терпимо относиться к каким-либо вещам, то вы в принципе оставили за собой право препятствовать всему, что вам кажется опасным. Если этого только требуют интересы государства или какая-либо срочная мера безопасности и в вашем государстве предстоит немедленно подвергнуть аресту человека, — как это можно осуществить, если в вашем законодательстве будет что-либо вроде законов *habeas corpus*¹, если для ареста необходимо соблюсти соответствующие формальности, если с этой целью необходимо дать соответствующие гарантии? Пока вы начнете процесс, пройдет достаточно много времени.

Макиавелли

Позвольте заметить следующее. Если я уважаю свободу личности, я тем самым не отказываюсь вовсе от некоторых полезных изменений в организации судопроизводства.

¹ Закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г. — Прим. переводчика.

Монтескье

Я об этом как раз подумал.

Макиавелли

Ваше торжество преждевременно. Речь идет о совсем обычной вещи. Кто в общем и целом регламентирует свободу личности в ваших государствах с парламентской системой правления?

Монтескье

Это компетенция Верховного суда, состоящего из судей, число которых и независимость гарантируют подсудимым соблюдение их прав.

Макиавелли

Это, вне всякого сомнения, довольно неудачная организация. Как при той медлительности, с которой этот Верховный суд принимает решения, юстиция сможет осуществлять с необходимой быстротой аресты преступников?

Монтескье

Каких преступников?

Макиавелли

Я имею в виду людей, совершивших убийство, кражу, преступление и иное деяние, подлежащее осуждению на основе уголовного законодательства. Судебным властям такого рода необходимо придать единство действий, которое им необходимо. Я заменю ваш Верховный суд одним единственным судьей, в задачу которого будет входить выдача разрешения на арест преступника.

Монтескье

Однако здесь вовсе не идет речь о преступниках. Учреждением такого порядка вы угрожаете свободе всех граждан. Будут ли, по меньшей мере, сообщаться основания для предъявляемого обвинения, являющегося причиной ареста?

Макиавелли

Именно это и нежелательно. Если кто-либо предпринимает какие-либо действия против правительства, он столь же, и даже в еще большей мере, виновен, как если бы он совершил преступление или уголовно наказуемый проступок. Некоторые проступки подлежат более мягкому осуждению, если учитывается тяжелое положение или страдания, приведшие к этому проступку. Но что толкает человека к занятиям политикой? Поэтому я хочу, чтобы не делалось различия между уголовными и политическими преступлениями. Куда подевался рассудок у нынешних правительств, когда они предоставили своим хулителям что-то вроде кафедры, с которой те могли бы произносить свои преступные речи? В моем государстве зарвавшийся журналист будет сидеть в тюрьме вместе с обычным воришкой и тем самым будет к нему приравнен. Того, кто ведет агитацию против правительства, в уголовном суде посадят на ту же скамью обвиняемых, что и фальшивомонетчика, и убийцу. Это будет отличное и примечательное изменение в законодательстве, поскольку общественное мнение, в конце концов, будет относиться к тем и другим с одинаковым презрением, увидев, что с обвиняемыми в политическом преступлении обходятся так же, как с обычными преступниками.

Монтескье

Вы окончательно уничтожаете правосознание. Однако вас это не беспокоит. Меня удивляет лишь, что вы сохраняете суд присяжных.

Макиавелли

В государствах с централизованной системой правления, каким будет мое государство, присяжных назначают государственные чиновники. В случае обычного политического преступления мой министр юстиции всегда имеет возможность назначить для участия в суде тех присяжных, которые выбраны, чтобы вынести решение относительно этого определенного случая.

Монтескье

Ваше законодательство в самом деле безупречно. Мы можем перейти к какой-либо другой теме.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разговор восемнадцатый

Монтескье

До сих пор вы рассматривали лишь формы организации вашего правления и те строгие законы, которые нужны для сохранения этих форм. Это немаловажно, однако само по себе это практически не имеет никакого значения. Вам ведь предстоит разрешить тяжелейшую из проблем, существующих для монарха, намеренного установить абсолютную власть в европейском государстве, основанном на системе представительства.

Макиавелли

И что же это за проблема?

Монтескье

Это проблема финансов.

Макиавелли

Этот вопрос относится к моим рассуждениям, поскольку я вам уже сказал, что в конце концов все сводится к экономической задаче.

Монтескье

Отлично! Однако само существо предмета будет сопротивляться нашим намерениям.

Макиавелли

Должен признаться, что это меня беспокоит, поскольку я — сын того века, который был еще непросвещенным в области государственной и экономической, и я довольно мало разбираюсь в этих вещах.

Монтескье

То, что вызывает у вас беспокойство, меня успокаивает. Вы позволите, надеюсь, задать вам один вопрос.

О средствах к существованию абсолютной власти в современном обществе. Обращаясь к прошлому, я совершенно ясно вижу, что подобная власть может существовать лишь при следующих условиях. Во-первых, абсолютный монарх должен быть и главнокомандующим своей армии. Вы с этим наверняка согласитесь.

Макиавелли

Совершенно верно.

Монтескье

Далее, он должен быть завоевателем, поскольку война должна открывать для него источники, в которых он нуждается, чтобы поддерживать свою роскошь и свои войска. Если бы он попытался достичь этого налогами, он бы задавил своих подданных. Отсюда следует, что абсолютный монарх должен осторожно обходиться с введением налогов не по той причине, что он меньше тратит, а потому, что его существование зависит от другой закономерности. Однако в настоящее время война не приносит более пользы тем, кто ее ведет. Она разоряет как побежденного, так и победителя. Тем самым вы лишаетесь источников финансирования. Остаются лишь налоги. Абсолютный монарх, само собой разумеется, может здесь обойтись без согласия своих подданных. В государствах деспотического правления есть вымысел, возведенный в ранг закона, который позволяет устанавливать произвольно высокие налоги. Монарх в соответствии с законодательством считается владельцем всего имущества своих подданных. Если он что-либо отнимает у них, он лишь возвращает себе то, что ему принадлежит. И никакого сопротивления при этом не возникает.

Наконец, государь, несомненно, должен иметь возможность бесконтрольно распоряжаться денежными средствами, добываемыми посредством налогов. Абсолютизм ступает как раз по таким тайным дорогам. Согласитесь: многое пришлось бы изменить, чтобы вернуться к подобному положению дел. Если люди в современную эпоху столь безразличны к утрате собственной свободы, как вы это представили, то они

поведут себя совершенно иначе, когда речь пойдет об их деньгах. Их материальный интерес связан с экономным режимом правления, который исключает деспотизм, если в области финансовой не допустимо господство произвола, то абсолютный монарх будет вследствие принципа, на котором основывается его правление, вынужден устанавливать для своих подданных лишь умеренные налоги. Дадите ли вы своим подданным хотя бы такую компенсацию?

Макиавелли

На это я не пойду, и мне в самом деле неизвестно ничего другого, что можно было бы оспорить так же легко, как утверждение, вами приведенное. Как сможет существовать весь аппарат монархии, блеск и представительские обязанности большого двора, если народу не придется ничем жертвовать? Ваше утверждение может быть справедливым в Турции, Персии или еще где-нибудь у малых народов, лишенных промышленности, у которых вовсе нет средств на уплату таких налогов. Однако у европейских народов, у которых труд является источником богатства и подлежит столь многообразным формам налогообложения, у которых правительство купается в роскоши, у которых расходы на содержание всех общественных учреждений сконцентрированы в руках государства, у которых все высшие чиновники, все заслуженные люди получают большое денежное вознаграждение, — так вот, как у этих народов, спрашиваю я еще раз, можно требовать, чтобы они ограничивались умеренными податями, как вы это называете, и обладали при этом неограниченной властью?

Монтескье

Все это совершенно правильно. И я не считаю мое утверждение, смысл которого от вас, впрочем, ускользнул, абсолютно верным. Итак, ваше правительство будет стоить очень дорого. В любом случае оно будет стоить дороже правительства, состоящего из депутатов народа.

Макиавелли

Вполне возможно.

Монтескье

Разумеется, и именно здесь возникает трудность. Мне известно, что таким образом парламентские правительства заботятся о своих финансовых нуждах.

Все ваше правление потерпит поражение в вопросе бюджета.

Макиавелли

Это меня выводит из состояния равновесия в столь же малой степени, как и все, о чем вы говорили прежде.

Монтескье

Посмотрим. Перейдем же к делу. Основным законом современных государств является голосование народных депутатов по вопросу налогов. Вы сохраните голосование по этому вопросу?

Макиавелли

Почему бы и нет?

Монтескье

Будьте осторожны! Этот принцип означает полное признание суверенитета народа. Ведь кому народ дает право голоса в решении вопроса установления размера налогов, тому он дает и право не утвердить эти налоги, сократить до минимума средства на расходы монарха и, в конце концов, в чрезвычайном случае вообще отменить налоги.

Макиавелли

Вы действуете без оглядки. Продолжайте же.

Монтескье

Депутаты, которые голосуют за размеры налогов, сами являются налогоплательщиками. Их интересы здесь теснейшим образом связаны с интересами народа, и как раз в том вопросе, за которым народ пристально следит. Ваши представители столь же неохотно будут идти вам

навстречу в вопросах предоставления законных кредитов, сколь легко они делали это в вопросах свободы.

Макиавелли

Здесь слабое место вашей системы доказательств. Прошу вас принять к сведению два возражения, о которых вы не подумали. Во-первых, народные представители получают жалование. Являются они налогоплательщиками или нет, они лично не заинтересованы в результатах голосования по налогам.

Монтескье

Признаю, эта мера имеет практический смысл, и считаю ее довольно разумной.

Макиавелли

Вы видите, сколь недопустимо рассматривать обстоятельства в слишком схематизированном виде. Самое незначительное изменение, умело осуществленное, позволяет увидеть все совсем в ином свете. Пожалуй, вы правы, если моя власть будет опираться на аристократию или на буржуазию, которые при случае могут отказаться поддерживать меня. Однако — и это второе обстоятельство, которое вы упустили из виду, — моя власть опирается на пролетариат, на массу неимущих. Тяготы государства почти не давят на эту массу, и я даже поставлю все дело так, что эта масса совсем их не будет замечать. Рабочим мало дела до законов о государственных финансах, их они не коснутся.

Монтескье

Если я вас правильно понял, то становится очевидным следующее: вы заставите платить тех, кто чем-либо владеет, поскольку это — суверенная воля тех, кто не владеет ничем. Вот тот налог, которого требуют массы и бедняки от богатых.

Макиавелли

А разве это не справедливо?

Монтескье

Это еще и неправда. Ведь в современном обществе с экономической точки зрения не существует ни богатых, ни бедных. Тот, кто вчера был рабочим, станет завтра буржуа в силу закона, по которому любая работа должна быть оплачена. Ведаете ли вы, что творите, нападая на земельную или промышленную буржуазию?

Вы в действительности затрудняете освобождение рабочего с помощью его собственного труда. Вы насильно удерживаете огромное число рабочих в путах пролетариата. Ошибочно полагают, что вмешательство в производство принесет пользу пролетариату. Если налоговое законодательство приводит к обеднению имущих, то создаются лишь нездоровые условия, и если процесс продолжается, то происходит обнищание и тех, кто не принадлежал к имущим.

Макиавелли

Это все красивые теории, но я вполне в состоянии противопоставить им, если вы того пожелаете, другие, не менее впечатляющие.

Монтескье

Не нужно, поскольку вы ведь даже не разрешили еще проблему, которую я перед вами поставил. Обеспечьте прежде необходимые средства, которые позволят вам нести расходы на осуществление абсолютного правления. Это будет нелегко, как вам может показаться, нелегко и в том случае, когда вы будете располагать устойчивым большинством в законодательном собрании, нелегко и тогда, когда вы будете обладать полнотой власти от имени народа, присвоив ее себе. Скажите же мне, как вы сможете согласовать финансовый аппарат современных государств с потребностями абсолютной монархии? Еще раз повторю: суть самого предмета противостоит вам здесь. Развитые народы Европы обставили управление своими финансами такими защитными мерами, которые столь жестки, столь сильно продиктованы недоверием, столь многообразны, что они не дают возможности произвола в расходовании общественных средств.

Макиавелли

Что же это за чудесная система?

Монтескье

Я смогу описать ее всего несколькими словами. Совершенство современной финансовой системы покоится на двух основаниях. Осуществляется постоянный контроль за финансами, и представляется публичный отчет об их состоянии. В этом, главным образом, заключается и гарантия для налогоплательщиков. Правитель не имеет права затрагивать эти принципы. Сделай он это, он тем самым как бы скажет своим подданным: вы располагаете упорядоченной государственной экономикой, я же нуждаюсь в беспорядке, я хочу, чтобы расходование общественных средств происходило в тайне, мне это необходимо, поскольку я много трачу, и я хочу тратить, не нуждаясь в вашем одобрении, хочу скрыть возникающие растраты, хочу иметь доходы, которые я по обстоятельствам смогу или утаить, или обнародовать.

Макиавелли

У вас это хорошо получается.

Монтескье

У свободных и предприимчивых народов любой человек разбирается в финансовых вопросах, так как это относится к жизненной необходимости, поскольку он в этом заинтересован и поскольку он обязан знать все это как гражданин государства. Ваше правительство никого не сможет обмануть в этой сфере.

Макиавелли

Кто сказал, что кого-то собираются обманывать?

Монтескье

Вся деятельность финансового управления, сколь разветвленной и сложной по устройству она бы ни являлась, в конце концов сводится к двум довольно простым операциям: к доводам и расходам. К этим двум видам финансовых операций относятся многие законы и специальные инструкции, цель которых также достаточно проста: они должны способствовать тому, чтобы налогоплательщик уплачивал лишь необходимые и установленные законом налоги. Они должны быть сформулированы таким образом, чтобы правительство могло расходовать

общественные средства только на нужды, получившие одобрение со стороны народа.

Я оставляю в стороне все, что касается установления налоговых ставок и вида и способа их взимания, практических средств контроля за правильностью и полнотой учета всех поступлений, все, что затрагивает порядок и точный отчет при расходовании общественных средств; все это — подробности бухгалтерского учета, о которых мне нет нужды вам рассказывать. Я намерен лишь показать вам, как взаимодействуют отчет перед общественностью и контроль за финансами в организованных наилучшим способом финансовых системах Европы.

Одной из самых важных задач, которые следовало разрешить, было снятие всех тайн и доведение до полной гласности всех статей, из которых складываются доходы и расходы, и которые служат основанием для расходования народного достояния правительством. Это было достигнуто путем создания учреждения, которое на современном языке называют государственным бюджетом. Государственный бюджет — это примерная оценка доходов и расходов, рассчитываемых не на большой срок, а на следующий год. Главное — это годовой бюджет. Он является тем, что свидетельствует об общем финансовом положении, которое улучшается или ухудшается в зависимости от результатов, зафиксированных в бюджете. Статьи, из которых он складывается, определяются различными министрами, в министерствах которых имеются плановые отделы. За основу своей деятельности они берут принятые по хозяйственной деятельности предшествующих лет решения, в которые они вносят изменения, необходимые добавления или исключения расходов. Расчеты направляются министру финансов, который объединяет направленные ему документы и представляет затем законодательному собранию так называемый хозяйственный план. Эта огромная работа, которая публикуется и перепечатывается в тысячах газет, открывает взгляду каждого внешнюю и внутреннюю политику государства, деятельность гражданских властей, юстиции и армии. Она подвергается проверке, ее обсуждают и принимают путем голосования народных представителей. Тем самым этот документ вступает в законодательную силу таким же образом, как и все остальные законы.

Макиавелли

Позвольте мне выразить свое восхищение ясностью изложения и остротой формулировок этих абсолютно современных понятий. Зна-

менитый автор «Духа законов» сумел здесь, в области финансовой, обойтись без несколько шатких теорий и зачастую довольно туманных определений, что, несомненно, принесло его тени бессмертие.

Монтескье

«Дух законов» не относится к произведениям на финансовые и экономические темы.

Макиавелли

Трезвость рассуждений, вами демонстрируемая, заслуживает тем большего признания, что вы говорите об этих предметах как человек знающий. Пожалуйста продолжайте, я с большим интересом слушаю вас.

Разговор девятнадцатый

Монтескье

Вполне можно сказать, что введение бюджетной системы повлекло за собой все прочие гарантии в финансовой области, которые теперь обязательны для любой упорядоченной государственной системы. Так, например, первая заповедь, необходимым образом проистекающая из экономического бюджета, гласит, что затребованный кредит напрямую связан с источниками дохода. Речь идет о балансе, который должен быть наглядно представлен в реальных и подтвержденных цифрах, и, чтобы придать этому важному результату еще более наглядный характер, чтобы каждый член законодательного собрания, голосующий за выдвинутые предложения, не поступил необдуманно, придумали очень разумный способ. Основной бюджет государства поделили на два отличающихся друг от друга бюджета: расходный и доходный,— по каждому из которых проводится раздельное голосование и каждый из которых вступает в силу после принятия особого закона.

Таким образом, каждый член законодательной палаты обязан сконцентрировать свое внимание последовательно сначала на статье актива, а затем на статье пассива, и его решения не предопределены заранее

основным балансом доходов и расходов. Каждый член палаты добросовестно сравнивает эти составные части бюджета, и на основе их сравнения, на основе их точного согласования друг с другом в конце концов проводится голосование по всему бюджету в целом.

Макиавелли

Все это хорошо и даже прекрасно. Но могут ли расходы быть ограничены размером, который устанавливается путем голосования в законодательном собрании? Разве это возможно? Может ли палата представителей, не приостанавливая действия исполнительной власти, запретить правительству осуществление непредвиденных расходов на неотложные меры?

Монтескье

Я примечаю, что вы этим механизмом недовольны, но, к сожалению, я не могу заменить его на другой.

Макиавелли

Разве и в странах с конституционной монархией государь не имеет формальной возможности с помощью соответствующих указов открыть дополнительные или чрезвычайные кредиты в то время, когда не проходят заседания законодательного собрания?

Монтескье

Так оно и есть. Он имеет на это право, однако лишь при условии, что эти указы будут приняты в качестве законов обеими палатами. Ему требуется для этого их согласие.

Макиавелли

Если согласие дается после того, как расходы уже произведены, и лишь для того, чтобы ратифицировать уже происшедшие события, то я считаю это вполне удачным.

Монтескье

Нетрудно догадаться! Однако, к сожалению, на этом не остановились. Современное прогрессивное финансовое законодательство препятствует

отклонениям от обычных предварительно рассчитанных статей бюджета, если не применяются специальные законы, допускающие дополнительное и чрезвычайное кредитование. Расходы не могут быть повышены без участия законодательной власти.

Макиавелли

В этом случае вообще нельзя управлять государством.

Монтескье

Дела обстоят именно так. В современных государствах пришли к убеждению, что голосование законодательной палаты по бюджету при слишком больших требованиях дополнительных и чрезвычайных кредитов было бы бессмысленным делом, что расходы следует ограничивать, если доходы урезаются естественным ходом дел; что политические события не должны оказывать постоянного влияния на финансовые условия и что перерывы между заседаниями не должны быть слишком продолжительны, чтобы не возникало постоянной возможности использовать их для одобрения специального бюджета задним числом. При этом был сделан еще один шаг: было высказано пожелание, чтобы неизрасходованные денежные средства, первоначально предназначенные для той или иной цели, вновь возвращались бы в государственную казну. Полагали, что правительство, даже оставаясь в рамках одобренных палатой средств, не имеет права расходовать деньги одного учреждения на нужды другого, в одном месте покрывать дефицит, а в другом — создавать его путем перевода государственных средств из одного министерства в другое на основании указов, поскольку это означало бы обход статей закона и возврат к самодержавному правлению с помощью ловкого маневра. С этой целью придумали так называемое «разделение кредитов по статьям». Это означает следующее: голосуют за определенные статьи расходов, предусмотренные лишь для учреждений одинакового типа, имеющих во всех министерствах одинаковые качества. Так, например, в статье А для всех министерств предусмотрен уровень расхода А, в статье Б — размер расхода Б, и т. д. Это правило ведет к тому, что неизрасходованные кредиты изымаются из бюджетов отдельных министерств и вносятся как доход в бюджет на следующий год. Не стоит и говорить, что все эти мероприятия подпадают под ответственность министров. Эти финансовые гарантии увенчиваются созданием финансово-ревизионной палаты, представляющей своего рода вер-

ховный суд, задача которого — осуществление юридических мероприятий и постоянный контроль за финансовыми расчетами, управлением и использованием государственных средств, а также выявление тех отделов управления, которые наиболее удачно организованы с точки зрения соотношения доходов и расходов. Моих объяснений, пожалуй, достаточно. Вы не находите, что организация такого рода значительно препятствует осуществлению абсолютистского режима правления?

Макиавелли

Должен признаться, я еще не совсем пришел в себя после вашего экскурса в сферу финансов. Вы обнаружили мое слабое место. Я уже говорил вам, что мало разбираюсь в этих вещах, однако — и вы можете мне поверить — у меня будут министры, которые сумеют ввести необходимые ограничения и выявить опасность мероприятий такого рода.

Монтескье

А вы сами смогли бы здесь что-либо сделать?

Макиавелли

Несомненно. Мои министры позаботятся лишь о впечатляющих обоснованиях, это будет их главным занятием. Что касается меня, я стану говорить о финансах более как политик, чем как экономист. Вы слишком охотно не замечаете того, что финансы среди всех остальных сфер политики являются тем, к чему легче всего применить принципы, разработанные мной в книге о государе. Государства, имеющие столь методично разработанные экономические планы и обладающие столь упорядоченным способом ведения хозяйства, производят на меня впечатление торговцев, у которых существуют безукоризненно ведущиеся бухгалтерские книги, и которые при этом неизбежно разоряются. Разве страны с парламентским правлением не имеют самого большого бюджета? Разве существует что-либо столь же расточительное, как демократическая республика Соединенных Штатов, как республиканская монархия Англии? Огромные денежные источники этой власти все-таки передаются в руки самих умелых и умных политиков.

Монтескье

Вы отклоняетесь от темы. О чем вы ведете речь?

Макиавелли

О том, что правила, по которым должно осуществляться управление государственными финансами, совершенно не связаны с относящимися к частному предпринимательству принципами, которые, кажется, послужили образцом для ваших идей.

Монтескье

Вот как! Это такое же разграничение, как и разделение морали на действующую в политической жизни и в жизни частного лица.

Макиавелли

Несомненно. Разве это не является общепризнанным и не испытано на практике? Разве не обстояло все так и в ваше время, которое в этом отношении не отличалось прогрессивностью? И разве не вы сами сказали, что государства допускают в финансовой сфере такие излишества, которые заставили бы покраснеть самого непутевого отпрыска из семьи буржуа?

Монтескье

Это верно. Я так говорил. Однако если вы намерены сделать из этого выводы, подтверждающие ваше заявление, то для меня это полная неожиданность.

Макиавелли

Вы, очевидно, хотите сказать, что судить следует не по тому, что происходит, а по тому, что должно было произойти.

Монтескье

Совершенно верно.

Макиавелли

На это я отвечу так: следует желать возможного. А то, что происходит, изменено быть не может.

Монтескье

Скажу вам, что это — точка зрения чистого практика.

Макиавелли

А я в свою очередь убежден, что при подведении баланса, как вы это называете, расходы моего правительства, при всем его абсолютизме, будут не столь велики, как расходы вашего правительства. Впрочем, не будем об этом спорить. Это здесь не так интересно. Однако вы, в самом деле, сильно ошибаетесь, когда считаете, что меня беспокоят эти столь совершенные сами по себе финансовые системы, только что вами представленные. Я столь же приветствую всякую упорядоченность в поступлении налогов, поступлении всех доходов, как и вы, я радуюсь точности финансовых расчетов, я вполне искренне этому радуюсь. Неужели вы полагаете, что поведение абсолютного монарха исчерпывается только тем, что он запускает руку в государственную казну, тратит народный грош на собственные нужды? Все эти многочисленные меры безопасности выглядят детской забавой. Есть вообще для них причина? Скажу лишь одно: лучше, когда происходит накопление денег, когда они приводятся в движение и циркулируют с той удивительной точностью, которую вы мне описали. Я рассчитываю как раз на то, что весь этот великолепный бухгалтерский учет, вся эта прекрасная организация финансового дела послужат усилению блеска моей монархии.

Монтескье

Вы истинный их комедиант. Что поражает меня в ваших взглядах на финансы, так это формальное противоречие с высказываниями, сделанным вами в книге «Государь», где вы с полной серьезностью рекомендуете не только бережливость, но и даже скопидомство.

Макиавелли

Вы не имеете права удивляться этому, поскольку в этом отношении времена изменились, а одним из моих главнейших принципов является приспособление к эпохе. Однако вернемся к делу и обратим особое

внимание на то, что вы сообщили о финансово-ревизионной палате. Это учреждение относится к судопроизводству?

Монтескье

Нет.

Макиавелли

Оно является, таким образом, лишь управленческой корпорацией. Предположу, что оно функционирует безукоризненно. Но какая вам выгода с того, что оно признает правильными все ваши счета? Разве оно сможет воспрепятствовать голосованию по кредитам, осуществлению расходов? Результаты его проверок не дадут иной картины состояния финансов, чем бюджет. Это — власть регистрирующая, которой нечего сказать, это — безобидное учреждение. Не будем более говорить об этом. Я без особого беспокойства сохраню его таким, каково оно есть.

Монтескье

Вы говорите, что сохраните его! Вы намереваетесь упразднить другие составные части финансовой организации?

Макиавелли

Я полагаю, у вас было на этот счет ясное представление. После государственного переворота неизбежен переворот в сфере финансов. Что помешает мне прибегнуть ко всей полноте своей власти, как в других сферах? Где та волшебная сила, которая сможет защитить ваше финансовое устройство? Я словно великан из сказки, которого во время сна сковали цепями карлики. Когда он проснулся, он разорвал цепи, даже не заметив их. В день после моего прихода к власти не будет даже речи о голосовании по бюджету. Я определяю бюджет сам с помощью чрезвычайного указа; я диктаторскими средствами открою новые кредиты, и я заставлю мой государственный совет одобрить их.

Монтескье

Вы и впрямь будете поступать таким образом?

Макиавелли

Нет. В начале следующего года я верну все в законное состояние, поскольку я не намерен что-либо напрямую разрушать, о чем я уже несколько раз вам говорил. Издавали законы до меня, и я тоже издам законы. Вы поведали мне о том, что голосование по бюджету осуществляется как голосование по двум его частям. Мне этот способ представляется плохим. О положении финансов можно составить лучшее представление, голосуя одновременно и за расходную, и за доходную часть бюджета. Мое правительство — это правительство труда. Время, имеющееся в распоряжении для публичных обсуждений, нельзя транжирить на бесплодные дискуссии. В будущем расходная часть бюджета и доходная его часть будут сведены в один проект закона.

Монтескье

Хорошо. А что станет с законом, который запрещает отпускать дополнительные кредиты без предварительного одобрения палаты?

Макиавелли

Его я отменю. Вы, надеюсь, поймете причины, имеющиеся у меня для этого.

Монтескье

Разумеется.

Макиавелли

Этот закон не приемлем ни для одного правительства.

Монтескье

А вопрос о разделении кредитов, о голосовании по статьям?

Макиавелли

И это невозможно сохранить. Будет проводиться обсуждение расходной части бюджета не по статьям, а по министерствам.

Монтескье

Мне это представляется довольно затруднительным, поскольку при голосовании по министерствам можно будет проверить лишь общий размер. Это означало бы, что при процеживании государственных расходов прибегнут к бездонной бочке, а не к обычному ситу.

Макиавелли

Это не совсем верно. Ведь любой кредит, выдаваемый в целом, имеет различные составные части, различные статьи, как вы говорите. Их можно будет проверить всегда, когда захочешь. Однако голосование будет проводиться по министерствам, что даст возможность компенсации одной статьи за счет другой.

Монтескье

И одновременно возможность перемещения средств из одного министерства в другое.

Макиавелли

Нет, так далеко я не стану заходить. Я хотел бы остаться в границах необходимого.

Монтескье

Вы довольно умеренны. И вы полагаете, что эти новшества в сфере финансов не вызовут беспорядков в стране?

Макиавелли

Почему от них будет больше беспорядков, чем от моих политических мер?

Монтескье

Потому что они затрагивают материальные интересы каждого конкретного человека.

Макиавелли

Ах, эти различия слишком тонки.

Монтескье

Тонки! Отлично. Не пускайтесь же в тонкости и скажите просто, что народ, не сумевший защитить свою свободу, не сумеет защитить и свои деньги.

Макиавелли

Разве есть на что жаловаться. Ведь я сохранил основные принципы государственного права в сфере финансов. Разве не будет существовать упорядоченного установления налогов, их взимания, разве по ним не будет проводиться голосование? Разве в этой сфере, как и во всех остальных, целое не покоится на принципе всенародного голосования? Нет, мое правительство не будет обречено на скудное существование. Народ, с ликованием меня встречавший, не только покорно примет пышность правления, он сам возжелает ее, он ожидает ее от своего государя, который является представителем власти народной. Человек из народа с ненавистью относится лишь к богатству себе подобных.

Монтескье

Не пытайтесь снова уклониться в сторону. Вы еще не закончили. Я снова возвращаю вас к вопросу о бюджете. Что бы вы ни говорили об этом, его воздействие ограничивает распространение вашей власти. Бюджет устанавливает границы, которые можно перешагнуть, однако только за свой собственный счет и на свой страх и риск. Бюджет публикуют в газетах, известны статьи, из которых он состоит, он неизменно присутствует здесь и служит, таким образом, своего рода барометром финансового положения.

Макиавелли

Что ж, если вы того желаете, подведем к концу рассуждения на данную тему.

Разговор двадцатый

Макиавелли

Вы говорите, что бюджет ставит определенные рамки. Верно, но это рамки эластичные, которые можно растянуть настолько, насколько пожелаешь. Я всегда сумею остаться внутри этих рамок и никогда их не перешагну.

Монтескье

Что вы этим хотите сказать?

Макиавелли

Есть ли необходимость разъяснить вам сначала, как все это происходит даже в тех государствах, в которых организация финансового дела достигла наивысшего совершенства? Совершенство заключается как раз в том, что с помощью умелых приемов удастся обойти систему, которая в действительности представляет собой лишь чисто фиктивное ограничение.

Ведь что такое этот ваш бюджет, по которому проводится ежегодное голосование? Он представляет собой ни что иное, как предварительное регулирование, приблизительный расчет затрат на существенные процессы, ожидаемые в области финансов. Финансовое положение отчетливо определено только тогда, когда осуществлены затраты, бывшие необходимыми в течение года. В ваших хозяйственных планах обнаружишь Бог знает сколько видов кредитования, соответствующих всем предполагаемым возможностям: кредиты дополнительные, дополняющие, чрезвычайные, временные, исключительные. И все они, в свою очередь, образуют множество различных бюджетов. Ведь дело происходит следующим образом: главный бюджет, который был одобрен в начале года, учитывал, например, общий кредит на сумму восемьсот миллионов. Через полгода фактическое состояние дел более не соответствует первоначальным прикидкам. Тогда на обсуждение палаты выносят так называемый откорректированный бюджет. В нем к первоначальной сумме добавляется сто или сто пятьдесят миллионов. Затем возникает дополнительный бюджет с добавкой в пятьдесят или шестьдесят миллионов. Наконец, сюда добавляется погашение долгов, требующее пятнадцати, двадцати или тридцати миллионов. Короче говоря, в общем балансе расходов превышение расчетной суммы составляет в целом

одну треть от ее первоначальной величины. За эту сумму палаты голосуют, лишь утверждая ее и вводя тем самым в законную силу. Таким образом в течение десяти лет можно удвоить и утроить бюджет.

Монтескье

Я ни мгновения не сомневаюсь в том, что ваши финансовые реформы приведут к такому повышению расходов. Однако в государствах, в которых не участвуют в обмане вроде вашего, ничего подобного не произойдет. Впрочем, это еще не все. Расходы в конце концов должны быть согласованы с доходами. Как вы намерены это осуществить?

Макиавелли

Здесь, если так позволено будет сказать, все зависит от умения располагать отчетные цифры, от определенной дифференциации, к которой прибегают при осуществлении расходов и с помощью которой добиваются определенной свободы действий. Так, например, различия между обычным и чрезвычайным бюджетом могут сослужить хорошую службу. С помощью слова «чрезвычайный» можно проводить вполне удобным образом определенные спорные расходы и более или менее сомнительные доходы. Например, у меня здесь расходов на двадцать миллионов; я должен покрыть их доходом в двадцать миллионов. Тогда я в качестве чрезвычайного дохода записываю выплату по репарациям в размере двадцати миллионов, которые мною, правда, не получены, но которые я получу позже; или еще лучше: я записываю в доходную часть повышение сумм налогов на двадцать миллионов, которое будет осуществлено только в следующем году. Это относится к доходам. Мне не требуется других примеров. Что касается расходов, то можно прибегнуть к противоположному способу: вместо того чтобы включать определенные суммы в бюджет, нужно их исключать. Таким образом, из бюджета расходов можно выделить, например, расходы на увеличение налогов.

Монтескье

Простите, но под каким предлогом вы это сделаете?

Макиавелли

С моей точки зрения, можно с полным правом объяснить это тем, что эти расходы не относятся к государственным. На том же основа-

нии в расходной части бюджета можно не отражать расходы на управление провинциями и коммунальное управление.

Монтескье

Я со всем этим не согласен. И как вы поступите с доходами, которых нет, и с расходами, которые вы опустили?

Макиавелли

То, о чем здесь идет речь, является ведь дифференциацией обычного и чрезвычайного бюджетов. Расходы, по поводу которых вы проявляете беспокойство, следует отнести к чрезвычайному бюджету.

Монтескье

Но, в конце концов, оба эти бюджета образуют одно целое, и возникает конечная сумма расходов.

Макиавелли

Их как раз нельзя объединять в одно целое. Напротив, обычный бюджет предстает как самостоятельный. Чрезвычайный бюджет является дополнением, которое обеспечивается за счет других средств.

Монтескье

Что же это за средства?

Макиавелли

Я не хочу опережать события. Вы увидели сначала, что существует особый способ представления бюджета и, при необходимости, маскировки его роста. Не существует правительства, которое не было бы вынуждено поступать таким образом. Денежные источники промышленных областей неисчерпаемы, однако, как вы верно заметили, жители этих областей скупы и недоверчивы. Они поднимают шум по поводу самых неотложных расходов. Финансовый политик, равно как и политик в любой другой области, может играть с открытыми картами. В этом случае каждый его шаг тормозился бы. Однако в конце концов благодаря совершенству этой системы все улаживается, все упорядочи-

вается, и если в бюджете существуют определенные тайны, то в нем имеют место и открытые стороны.

Монтескье

Однако все это лишь для посвященных. Я вижу, что финансовое законодательство вы превращаете в формальность, столь же непроницаемую для постороннего, как судопроизводство у римлян во времена «Законов XII таблиц». Но позвольте продолжить. Поскольку ваши расходы увеличиваются, то в той же пропорции должны возрасти и источники доходов. Найдете ли вы, как Цезарь, сокровище ценой в два миллиарда франков в государственной казне, или вы откроете серебряные рудники Потоси?

Макиавелли

Вам приходят в голову удачные мысли. Я поступлю так, как поступают все правительства: я сделаю займы.

Монтескье

Именно к этому я хотел вас подвести. Конечно, существует мало правительств, которым не приходилось бы прибегать к займам, однако они ощущали себя обязанными расходовать эти средства экономно. Они не могли без всякой опаски, позабыв про совесть, переложить груз на грядущие поколения, передав им в наследство обязательства, которые невыполнимы и не связаны с ожидаемыми доходами. Как осуществляются займы? Правительство выпускает ценные бумаги, принимая на себя обязательство платить проценты, которые соответствуют капиталу, имеющемуся в его распоряжении. Если был проведен пятипроцентный заем, то правительство и государство за двадцать лет выплатит по процентам сумму, равную составляющему заем капиталу, через сорок лет — сумму, вдвое большую, через шестьдесят — втрое превышающую первоначальную, и, кроме того, государство должно еще будет выплатить весь составляющий заем капитал. Если государство постоянно увеличивает свои долги, не предпринимая попыток их уменьшить, то оно в конце концов более не сможет прибегать к займам или объявит себя банкротом. Это легко увидеть, и нет такой страны, в которой этого не смогли бы понять. Поэтому в современных государствах заботятся о том, чтобы росту налогов противопоставить представляющееся необходимое

ограничение. С этой целью изобрели метод так называемой амортизации — способ, практичность и простота осуществления которого действительно заслуживает удивления. Был создан особый фонд, проценты с которого предназначены для оплаты государственных долгов. И, каждый раз, осуществляя заем, правительство должно перечислить в амортизационный фонд определенный капитал, предназначенный для того, чтобы погасить новый долг в обозримом времени. Вы видите, что этот способ ограничения роста долгов является косвенным, и именно в этом заключается его эффективность.

С помощью амортизационного фонда народ как бы говорит своему правительству: ты можешь, если тебе необходимо, делать долги, но ты постоянно должно думать о том, чтобы справляться с новыми обязательствами, взятыми тобой на себя от моего имени. Если постоянно существует обязательство перечисления в амортизационный фонд и выплаты долгов с его помощью, то поневоле придется задуматься, прежде чем взять новый заем. Если же вы соблюдаете правила амортизации, вы можете получить необходимые займы.

Макиавелли

Скажите же мне наконец, для чего мне соблюдать правила амортизации? В каких это государствах амортизация проводится регулярно? Даже в Англии перестали это делать. Вы требуете слишком многого. Если никто не делает чего-либо, то это вовсе и не нужно делать.

Монтескье

Следовательно, вы не допустите амортизации?

Макиавелли

Я этого не сказал, я об этом не думал. Я не стану препятствовать работе этого механизма, и мое правительство будет расходовать средства, при этом складывающиеся. Этот способ принесет большую выгоду. В бюджете время от времени поступления от амортизации за следующий год будут представляться как доход.

Монтескье

А через год после того эти суммы будут представлены как расходы.

Макиавелли

Не могу знать. Все будет зависеть от обстоятельств, поскольку я постоянно буду сожалеть, что эта система не может функционировать лучше. Мои министры будут отзываться о ней с глубочайшим сожалением. Богу известно, что я не претендую на то, что у моего правительства нет недостатков в области финансов; однако, если рассмотреть вещи в правильном свете, то можно преодолеть многое. Вы не должны забывать, что и финансы большей частью являются заботой прессы.

Монтескье

Что все это значит?

Макиавелли

Разве не вы сказали, что к особенностям бюджета относится необходимость его опубликования?

Монтескье

Совершенно верно.

Макиавелли

Вот видите! К финансовым планам прилагаются расчеты, данные, официальные документы разного рода. Сколь многообразные средства вручают монарху эти публичные сообщения, если в его ближайшем окружении есть люди, обладающие необходимой ловкостью! Я потребую, чтобы мой министр финансов говорил на языке цифр с удивительной четкостью и чтобы весь его стиль свидетельствовал о безупречной чистоте помыслов.

Можно производить хорошее впечатление, если постоянно повторять (что, впрочем, вполне достоверно): «Использование государственных средств действительно осуществляется под контролем общественности».

Это утверждение, оспорить которое невозможно, должно постоянно излагаться в тысячах новых формулировок. Я хотел бы, чтобы звучали фразы, подобные следующим: «Наша система хозяйствования, представляющая собой плод большого опыта, отличается от «предшественниц» особой ясностью и надежностью. Она препятствует любому злоупотреблению и никому — от самого мелкого чиновника до главы государ-

ства — не дает возможности скрыть даже ничтожную сумму от ее контроля или использовать ее в ненадлежащих целях».

Нет ничего лучше, чем произносить речи, подобные тем, что произносили вы. Следует говорить, к примеру, так:

«Превосходство финансовой системы заключается в том, что она основывается на двух принципах: на контроле и на гласности. На контроле, который препятствует тому, чтобы ни один грош, который из рук налогоплательщика попадает в государственную казну, переходит из одной кассы в другую и покидает ее, чтобы перейти в руки государственного кредитора, не оказался вне контроля ответственных чиновников за правомерностью его взимания, за его правильным оборотом, за законностью его применения, чтобы находил юридическое подтверждение со стороны пожизненно назначаемых судей и, наконец, получал одобрение и санкционировался в отчетах палаты, возведенных в ранг закона».

Монтескье

Ах, Макиавелли! Вы постоянно смеетесь надо мной, но в смехе вашем есть что-то дьявольское.

Макиавелли

Не забывайте, где мы с вами находимся.

Монтескье

Вы искушаете терпение Бога.

Макиавелли

Бог читает в нашем сердце.

Монтескье

Продолжайте же.

Макиавелли

В начале года, на который составлен финансовый план, суперинтендант министерства финансов выступит со следующим заявлением: «Ничто

не сможет поколебать плановые цифры этого бюджета, насколько это можно предвидеть. Не предаваясь иллюзиям, мы имеем наилучшие основания надеяться на то, что впервые за много лет при подведении итогов бюджет, несмотря на подлежащие уплате проценты с займов, будет приведен в действительное равновесие. Этот столь желанный результат, которого удалось достичь в столь явно тяжелые времена, является лучшим подтверждением того, что рост государственного благосостояния никогда не прекращался!» В самом деле, сказано красиво!

Монтескье

Продолжайте, прошу вас.

Макиавелли

Далее речь пойдет и об амортизации государственных долгов, столь дорогой вашему сердцу, и тогда будет сказано следующее: «Амортизация вскоре будет проведена. Если принятый план осуществится, если доходы государства продолжат расти, то нет ничего невозможного в том, что в бюджете, который предстоит предложить через пять лет, при подведении итогов образуется превышение доходов над расходами».

Монтескье

Это все надежды на далекую перспективу. Но что вы скажете об амортизации, если после того, как будет обещано ее осуществить, ничего не произойдет?

Макиавелли

Будет сказано, что момент для этого выбран неудачный, что следует еще подождать. Можно пойти еще дальше и заявить, что известные экономисты оспаривают реальную эффективность амортизации. Вам знакомы эти теории? Я могу вам о них напомнить.

Монтескье

В этом нет необходимости.

Макиавелли

Изложение этих теорий будет опубликовано в неофициальной прессе, о них будет сказано в официальных речах, и в один прекрасный день их признают совершенно открыто.

Монтескье

Что я слышу! После того как вы ранее признали эффективность амортизации и отдали должное ее благотворному влиянию?

Макиавелли

Но ведь предпосылки для научных доводов меняются, и просвещенное правительство постепенно должно следовать за прогрессом народного хозяйства своего столетия.

Монтескье

Таким способом можно все объявить недействительным. Оставим амортизацию в покое. А что вы скажете, когда вы не сдержите ни одного из своих обещаний, когда расходы захлестнут вас с головой, когда будет замечено, что взимаемые налоги непомерно высоки?

Макиавелли

В чрезвычайной ситуации об этом заявят совершенно открыто. Такая откровенность делает честь правительствам и пробуждает в народе понимание, если за этим стоит сильная власть. Однако мой министр финансов вменит себе в обязанность устранение всего, что могло бы указывать на повышение расходов. При этом он скажет лишь то, что соответствует действительности.

«Финансовая практика показывает, что непокрытые статьи доходов никогда не остаются совершенно без изменений, что имеется определенная цифра неожиданных поступлений в бюджет, которые часто осуществляются в течение года, а именно, вследствие увеличения суммы налогов; что, наконец, значительная часть одобренных кредитов осталась неизрасходованной и поэтому может быть списана».

Монтескье

Такое в самом деле имеет место?

Макиавелли

Вам известно, что в экономической жизни встречаются порой обороты речи, стереотипные фразы, оказывающие на публику большое влияние, успокаивающие ее, придающее ей мужество. Так, например, при необходимости представить тот или иной пассив бюджета, говорят: «Эта сумма не слишком высока, она совершенно обычна, она подобна цифрам прежних бюджетов; уровень колеблющегося государственного долга не дает оснований для беспокойства». Существует большое количество аналогичных оборотов речи, которые я здесь не стану приводить, поскольку есть другие практические способы, имеющие более важное значение и заслуживающие вашего внимания.

Прежде всего, во всех официальных публикациях следует указывать на рост благосостояния, на оживление торговли и на постоянный рост оборота. Налогоплательщик меньше реагирует на несоответствия в финансовом плане и его недостатки, если ему на них постоянно указывают. Об этом можно говорить до бесконечности, не вызывая у налогоплательщика недоверия. Столь могущественно магическое действие официальных сообщений на рассудок простого гражданина. Если финансовые планы не удастся сбалансировать и вы намерены подготовить общественное мнение к некоторым потерям в следующем году, то предварительно оповестите всех в официальном сообщении: «В следующем году дефицит увеличится всего лишь на такую-то сумму».

Если затем дефицит будет меньше предполагавшегося вами, то это может послужить поводом для настоящего триумфа. Если же он превысит ожидаемую цифру, то можно сделать следующее заявление: «Дефицит превысил предполагаемую цифру, однако в прошедшем году он составлял еще большую величину. В общем и целом финансовое положение улучшилось, поскольку расходы были меньшими и поскольку пришлось столкнуться с особенно тяжелыми условиями: войной, ростом цен, эпидемиями, непрогнозируемыми экономическими кризисами и т. д.

Однако в следующем году рост доходов, по всей вероятности, приведет к столь долгожданному равновесию в бюджете, размер долга уменьшится, и расходы бюджета, как и положено, будут соответствовать его приросту. Можно надеяться, что увеличение доходов будет стабильным и положительный баланс бюджета, если не произойдет никаких чрезвычайных событий, станет обычным состоянием наших финансов, каковым он, как правило, и является».

Монтескье

Это всего лишь комедия. Обычное состояние не наступит никогда, поскольку я уверен, что при вашем режиме всегда будет иметь место чрезвычайное состояние, война, экономический кризис.

Макиавелли

Я не знаю, будут ли иметь место экономические кризисы, однако можете быть уверенным в том, что я всегда буду поддерживать честь нации на должной высоте.

Монтескье

Это самое малое из того, что вы можете совершить. Если вы ищете славы и почестей, то вас за это не стоит особенно благодарить, поскольку слава в ваших руках есть лишь инструмент власти. Славой вам не погасить государственных долгов.

Разговор двадцать первый

Макиавелли

Я опасаясь, что вы относитесь к займам с предубеждением. Они имеют ценность во многих смыслах. Они привязывают семьи к правительству, они являются для частного лица превосходным капиталовложением, и современные экономисты сегодня отчетливо признают, что государственный долг делает государство не беднее, а богаче. Позвольте объяснить вам, как это получается.

Монтескье

Нет. Ведь я уверен, что мне известны эти теории. Поскольку вы все время говорите о том, как занять денег, и никогда не говорите о том, как возвращать долги, я сначала хотел бы узнать, с кого вы хотите требовать такие огромные суммы и как намерены обосновывать свои требования.

Макиавелли

В этом мне помогут войны. В крупных государствах на такую войну можно получить пятьсот или шестьсот миллионов. Затем все устраивается так, что соответствующие расходы составили лишь половину или две трети испрошенной суммы, а остаток пошел в государственную казну для финансирования внутренних расходов.

Монтескье

Вы говорите, пятьсот или шестьсот миллионов? И где же вы найдете в наши времена банкиров, способных обеспечить заем, представляющий собой капитал, равный по размерам целому государственному состоянию?

Макиавелли

Ах! Вы еще застряли в азах техники получения кредитов! Позвольте заметить, что такой способ в сфере финансов предстает почти допотопным. Сегодня никто не обращается за займами к банкирам.

Монтескье

А к кому же тогда?

Макиавелли

Вместо того чтобы заключать сделки с капиталистами, которые объединяются, чтобы воспрепятствовать более высокому предложению, и малое число которых делает невозможной конкуренцию, обращаются ко всем подданным: к богатым и бедным, ремесленникам и купцам — ко всем располагающим какими-либо деньгами. Открывают так называемый государственный заем, который делится на очень небольшие части, чтобы каждый мог приобрести долю. Производится продажа облигаций займа стоимостью в десять или пять франков — общим числом до ста тысяч или до миллиона. Сразу же после продажи стоимость их возрастает. Они имеют стоимость выше нарицательной. Это уже известно людям, и они со всех сторон набрасываются на эти бумаги с целью их покупки. Все обстоит так, словно людьми овладело опьянение. Через несколько дней государственные кассы переполнены. Поступает столько денег, что буквально не знаешь, что с ними делать. Однако их продолжа-

ют принимать. Ведь если подписка на заем превысит сумму, на которую он определен, то это может произвести большое впечатление на общественное мнение.

Монтескье

Вот как!

Макиавелли

Затем слишком поздно пришедшим возвращают их деньги. Из этого делают большой шум, подключая влияние прессы. Это представление заранее инсценировано. Превышение составляет иногда от двухсот до трехсот миллионов. Можете себе представить, какое впечатление на общественное мнение производит такое доверие народа своему правительству?

Монтескье

Насколько я могу судить об этом деле, доверие смешивается с подогретой вами страстью к спекуляции. Я, в самом деле, уже слышал о подобном обмане, но в ваших устах все это звучит действительно фантастически. Прекрасно, пусть все будет именно так. Ваши карманы набиты деньгами, однако...

Макиавелли

Я получу намного больше того, что вы можете себе представить. Ведь у современных народов имеются большие банковские предприятия, которые ссужают государству сто-двести миллионов под обычный процент. И большие города могут ссудить государству деньги. У этих народов существуют еще и так называемые страховые учреждения; к ним относятся сберегательные кассы, кассы взаимопомощи, пенсионные кассы. Обычно государство требует, чтобы их огромные капиталы, доходящие порой до пятисот или шестисот миллионов, передавались в государственный банк, где они взаимодействуют с общей денежной массой, включающей ничтожные проценты, подлежащие выплате вкладчикам. Кроме того, правительства, подобно банкирам, могут также создавать свой капитал. Они выпускают банковские ценные бумаги с определенным сроком предъявления к оплате на сумму в двести или триста миллионов —

своего рода векселя, которые используются в качестве поддержки еще до того, как они пойдут в оборот.

Монтескье

Извините, если я вас прерываю. Вы все время говорите о денежных займах или о выдаче векселей. Разве вы никогда не перейдете к тому, чтобы платить по обязательствам?

Макиавелли

Я должен лишь добавить, что в чрезвычайном случае можно продавать государственные земельные участки.

Монтескье

Вот как, вы уже занялись продажей собственного государства. Неужели вы вовсе не думаете о том, чтобы наконец перейти к платежам?

Макиавелли

Несомненно. Я хочу лишь быстро рассказать вам, какие меры принимаются против долгов.

Монтескье

Вы говорите: «какие меры принимаются против долгов». Я хотел бы, чтобы вы выразились точнее.

Макиавелли

Я пользуюсь этим выражением, поскольку верю, что оно точно соответствует предмету разговора. Долги не всегда удастся погасить, однако против них можно принять меры. Это выражение, имеющее в себе нечто очень энергичное, а долги — это враг, которого следует опасаться.

Монтескье

И что же это за меры против долгов?

Макиавелли

Разнообразнейшие. Во-первых — налоги.

Монтескье

Вы хотите сказать, что долги делают, чтобы с их помощью заплатить долги.

Макиавелли

Вы говорите как экономист, но не как знаток финансового дела. Не путайте два этих занятия. Полученные налоги в самом деле можно употребить на оплату. Мне известно, что налоги вызывают беспокойство. Если установленный налог воспринимается как слишком большая обуза, то изобретают другой налог или устанавливают тот же самый налог, только под другим названием. Вы знаете, требуется особое искусство, чтобы среди предметов, на которые можно установить налог, отыскать именно те, которые принесут наибольшую прибыль.

Монтескье

Я боюсь, что вы скоро исчерпаете этот источник.

Макиавелли

На этот случай есть другие средства, например так называемое конвертирование.

Монтескье

Вот как!

Макиавелли

Этот способ относится к так называемому «консолидированному» государственному долгу, т. е. к долгу, который возникает в результате выпуска займов. Например, к людям, получающим от государства ренту, обращаются со следующим предложением: «До настоящего времени за ваши деньги, которые вы мне ссудили, я платил вам пять процентов. Это была процентная ставка, по которой вы получали ренту. Я намерен

теперь платить вам всего лишь четыре с половиной или четыре процента. Вы либо согласитесь с этим уменьшением процентной ставки, либо я выплачу вам обратно капитал, которым вы меня ссудили».

Монтескье

Если деньги действительно возвращают, то я считаю этот способ вполне достойным.

Макиавелли

Несомненно, деньги возвращают, если они будут востребованы. Однако лишь очень немногие намерены это сделать. У рантье свои привычки. Они однажды надежно поместили свои деньги. Они испытывают доверие к государству. Они предпочтут надежное помещение денег, даже если рента и уменьшится, если бы все потребовали свои деньги назад, то, естественным образом, государственная казна была бы подорвана. Этого никогда не произойдет, и таким способом избавляются от долга в несколько сотен миллионов.

Монтескье

Это аморальный способ, что бы об этом ни говорили. Это принудительный заем, подрывающий доверие публики.

Макиавелли

Вы не знаете рантье. Я приведу вам в качестве примера еще один трюк, используемый для погашения долгов другого рода. Я только что сказал вам, что государство распоряжается еще и капиталом страховых касс, что оно использует его и платит с него проценты при условии возврата денег по первому требованию. После того как государство длительное время держало эти деньги у себя и более не в состоянии вернуть их, оно консолидирует неуплаченные долги.

Монтескье

Мне уже известно, что это должно означать. Государство говорит вкладчикам: вы хотите получить свои деньги? У меня их уже нет. Вы сможете получить вместо них ренту.

Макиавелли

Совершенно верно. И государство таким образом консолидирует все долги, которые оно не в состоянии заплатить. Оно консолидирует чеки, предъявляемые к оплате, долги, не выплаченные городам и банкирам,— короче, все долги, которые грубовато называют «плавающими» (неуплаченными), так как они складываются из требований кредиторов, не имеющих четкого определения и не подлежат уплате к точно определенному сроку.

Монтескье

Вы предлагаете странные методы избавления государства от долгов.

Макиавелли

Как вы можете упрекать меня, если я делаю то, что делают и другие?

Монтескье

Если бы этим занимался каждый, то Макиавелли действительно нельзя было бы в чем-то упрекнуть.

Макиавелли

Я не рассказывал вам даже о тысячной доле методов, применяемых в данном случае. Я не опасаясь роста текущей ренты, я бы даже хотел, чтобы все народное достояние было помещено в заем. Я бы устроил все дело так, чтобы города, общины, общественные учреждения превращали свое движимое и недвижимое имущество в займы. Интересы моей династии обязали бы меня даже применять такие финансовые меры. В моей империи не должно иметься ни талера, который бы не был зависим от моего существования.

Монтескье

Однако даже если это дело рассматривать со столь фатальной точки зрения, удастся ли вам тогда достичь своей цели? Не идете ли вы вместе с гибелью государства по прямому пути навстречу собственной гибели? Известно ли вам, что у всех народов Европы имеется большой выбор государственных ценных бумаг, которые обеспечены осторожностью,

умом, честностью правительств? При вашем способе управления финансами зарубежные денежные рынки отвергнут ваши ценные бумаги с потерями для вас, и на бирже вашего собственного государства ваш курс упадет до нижней отметки.

Макиавелли

Это очевидное заблуждение. Прославленное правительство, а мое будет именно таковым, пользуется за границей максимальным доверием. Внутри страны его власть подавит все опасения. Кроме того, я не хотел бы, чтобы кредит моего государства зависел от опасений нескольких мелких торговцев. С биржей я справлюсь при помощи биржи.

Монтескье

Что же это значит в данном случае?

Макиавелли

Я создам гигантские кредитные учреждения, якобы с целью выдачи ссуд для развития промышленности, однако их истинная задача будет состоять в том, чтобы оплачивать проценты. Поскольку они могут выбросить на рынок бумаги общей стоимостью от трехсот до четырехсот миллионов или скупить бумаги на такую же сумму, эти финансовые монополии всегда будут определять денежный курс. Что вы на это скажете?

Монтескье

Хороши делишки, которые будут проводить в этих учреждениях ваши министры, фавориты и метрессы! Итак, ваше правительство воспользуется государственными тайнами, чтобы спекулировать ими на бирже?

Макиавелли

Что вы такое говорите?

Монтескье

Объясните же мне тогда, для чего нужны еще эти учреждения. Пока мы оставались в сфере теорий, еще можно было ошибиться в истинном смысле вашей политики. С тех пор как вы перешли к вопросу об их

применении на практике, ошибка уже невозможна. Неужели вы думаете, что ваше правительство останется в истории единственным в своем роде и никто не упрекнет его в чем-либо дурном?

Макиавелли

Если кто-либо в моем государстве посмеет сказать что-либо подобное вашим словам, он исчезнет так быстро, словно его поразила молния.

Монтескье

Молния не может быть доказательством того, что он говорит неправду. Ваше счастье, что вы можете ею распоряжаться. Теперь-то вы закончили разговор о финансах?

Макиавелли

Да.

Монтескье

Наше время гигантскими шагами устремляется к концу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Разговор двадцать второй

Монтескье

До беседы с вами мне был неведом и дух законов, и дух финансов. Я благодарен вам за то, что вы просветили меня в обеих областях. Теперь в ваших руках величайшая власть современного мира — деньги. С их помощью вы можете приобрести почти все, что только пожелаете. Владея столь чудовищными средствами, вы можете, вне всякого сомнения, творить великие деяния. Теперь-то вы наконец делом докажете, что, как вы говорите, «добро может произтекать из зла».

Макиавелли

Я, в самом деле, хотел доказать вам это.

Монтескье

Пожалуйста, начинайте!

Макиавелли

Самым значительным из моих благих свершений станет мир в стране, который я подарю своему народу. При моем правлении дурные инстинкты будут подавляться, добрые люди вздохнут свободно, а злые задрожат от страха. Я возвращу свободу, достоинство и силу стране, которая до моего прихода к власти была разделена на отдельные партии.

Монтескье

Поскольку вы столь многое уже изменили, не удалось ли вам изменить и смысл этих слов?

Макиавелли

Свобода вовсе не означает распушенности, равно как и достоинство и сила не заключаются в бунте и беспорядках. Мое царство, умиротворенное внутри, приобретет славу вне своих границ.

Монтескье

Насколько далеко за их пределами?

Макиавелли

Я буду вести войны, причем во всех четырех сторонах света. Я, словно Ганнибал, перейду Альпы, я, словно Александр, буду вести военные действия в Индии, словно Сципион, — в Ливии. Я пройду со своими войсками от Атласа до Тауруса, от берегов Ганга до Миссисипи, от Миссисипи до Амура. Передо мной распахнутся ворота Великой китайской стены. Мои победоносные легионы в Иерусалиме возьмут на себя охрану гроба Господня, а в Риме — охрану наместника Божия на земле. Шаги мои станут вздымать пыль инков в Перу, в Египте они пройдут маршем по пеплу Сезостриса, в Месопотамии — по пеплу Навуходоносора. Я как наследник Цезаря, Августа и Карла Великого на берегах Дуная отомщу за поражение Вара, на берегах Балтики — за постыдное поражение норманнов.

Монтескье

Прошу вас, прекратите! Если вы намерены отомстить за поражения всех великих полководцев, вы никогда с этим не покончите. Я не смогу вас сравнить с Людовиком XIV, к которому Буало обратился со следующими словами: «Великий король, прекрати побеждать, иначе я прекращу описывать твои победы». Это сравнение будет не в вашу пользу. Признаюсь вам, что ни один военный герой прошлого или нового времени не может с вами сравниться.

Однако об этом и не ведется речи. Война как таковая все же является злом. В ваших руках она служит лишь тому, чтобы терпеливо сносить еще большее зло — я имею в виду несвободу. Где же таятся во всем этом добрые дела, которые вы обещали совершить?

Макиавелли

Здесь не существует никаких недоразумений. Слава сама по себе уже великое благо. Она — лучшее помещение капитала. Монарх, пожинаящий плоды славы, обладает и всем остальным. Его боятся соседние государства, он — арбитр Европы. В его кредитоспособности никто не смеет усомниться, поскольку, хотя вы и сказали, что победы не приносят с собой ничего, власть никогда не отказывается от своих прав. Делаешь вид, что речь идет чисто об идейных противоречиях, скрываешь свои подлинные интересы — и в один прекрасный день ты продвинулся так далеко, что овладел провинцией, владеть которой хотел, и заставляешь побежденных платить дань.

Монтескье

Совершенно естественно, что, имея такую систему, действуешь таким образом, пока эту власть удерживаешь. В ином случае игра в солдатики была бы слишком неумной.

Макиавелли

Так-то вот! Вы видите, наши мысли начинают понемногу сближаться.

Монтескье

Да, они так же близки друг другу, как близки Атлас и Таурус. Поведите, какие великие свершения вы осуществите еще в своей империи.

Макиавелли

Я не отказываюсь столь безоговорочно от сравнения с Людовиком XIV, как вам это показалось. У меня обнаружатся многие черты, сближающие с этим монархом. Я, как и он, стану возводить грандиозные строения, однако мое честолюбие в этой области зайдет еще дальше, равно как и честолюбие самого прославленного монарха. Я продемонстрирую народу, что я могу снести огромные здания и сооружения, на постройку которых когда-то были затрачены столетия, и возвести их заново всего за несколько лет. Дворцы моих монархических предшественников бу-

дуг снесены, чтобы вновь быть возведенными по новым планам и придать городам более привлекательный облик. Вы даже представить себе не можете, насколько такие сооружения привязывают народы к своим правителям. Можно было бы сказать, что народы прощают своему монарху то, что он разрушает их законы, строя вместо них красивые дома. Впрочем, вы сейчас увидите, что эти сооружения служат особенно важным целям.

Монтескье

Будете ли вы заниматься чем-нибудь еще, кроме строительства?

Макиавелли

Вы несколько торопитесь. Число великих деяний не безгранично. Я прошу вас признать, что от Сезостриса до Людовика XIV или до Петра двумя главными делами, которыми занимались великие монархи, были война и строительство.

Монтескье

Это, пожалуй, верно; однако повсеместно существовали абсолютные монархи, которые занимались тем, что издавали хорошие законы, содействовали исправлению нравов и укоренению простоты и скромности. Существовали монархи, которые посвящали себя наведению порядка в финансах и экономике, которых заботило то, чтобы после их смерти их народам остались порядок, мир, прочные социальные устройства, а иногда даже свобода.

Макиавелли

О, все это вполне достижимо. Стало быть, вы тоже понимаете, что абсолютные монархи оставляют светлые следы в истории.

Монтескье

К сожалению, их не слишком много. Однако попытайтесь доказать мне обратное. О чем хорошем вы можете рассказать мне?

Макиавелли

Я буду способствовать максимальному подъему духа предпринимательства. Мое правительство станет правительством великих торговых предприятий. Я открою новые и до сих пор неизведанные пути для спекуляций. Мои чиновники на это будут смотреть сквозь пальцы. Я освобожу ряд промышленных отраслей от необходимости соблюдать относящиеся к ним законодательные инструкции. Мясники, булочники и театральные предприниматели вообще будут свободными.

Монтескье

Свободными для чего?

Макиавелли

Будут свободно печь хлеб, продавать мясо и создавать театры без разрешения властей.

Монтескье

Не знаю, что все это должно значить. Правом на свободу торговли располагают все современные народы. Не можете ли вы рассказать мне о чем-либо более интересном?

Макиавелли

Я постоянно буду заниматься благосостоянием народа. Мое правительство обеспечит его работой.

Монтескье

Дайте народу самому найти для себя работу — это более ценно. Политические власти не имеют права приобретать популярность за счет грошей своих подданных. Государственный доход состоит ведь из самообложения народа налогом, средства которого допустимо расходовать лишь на общественные нужды. Если рабочий класс приучить полагаться на государство, то он деградирует. Он утратит свою энергию, свой запал, подвижность своего духа. Если он получает свою заработную плату от государства, то он попадает таким образом в своего рода

рабство, из которого он может освободиться только в том случае, если разрушит само государство. Государственное строительство поглощает огромные суммы на непродуктивные цели, отнимает капитал, который можно было использовать в других целях, убивает небольшие предприятия, ведет к обнищанию низших слоев населения. Сначала накопите средства, и лишь затем начинайте строить. Управляйте с умеренностью и справедливостью, вообще правление ваше должно быть лишь едва заметно, и народу нечего от вас будет требовать, поскольку он в вас не нуждается.

Макиавелли

Как вы можете с холодным сердцем вести речи о бедственном положении, в котором пребывает народ! У моего правительства совсем иные принципы. Я открыл свою душу для страждущих, для маленьких людей. Во мне растет возмущение, когда я становлюсь свидетелем того, как богатые устремляются к удовольствиям, недоступным большой массе людей. Я сделаю все, что в моих силах, для улучшения материального положения рабочих, поденщиков, всех людей, угнетенных тяготами социальных условий.

Монтескье

Начните же тогда с того, что раздайте им деньги, которые вы предназначали для жалованья высокопоставленным лицам, министрам, тайным советникам вашего двора. Передайте им денежные вознаграждения, которыми вы осыпаете своих слуг, придворных и метресс. Поступите еще лучше: сложите с себя порфиру, которая является протестом против идеала равенства всех людей. Откажитесь от титулов «ваша светлость», «ваше высочество», «ваше превосходительство», которые, подобно кинжалам, пронзают любое гордое сердце. Назовите себя протектором подобно Кромвелю, но поступайте, подобно апостолам христианства. Живите в хижине бедняка, подобно Альфреду Великому, ночуйте в больницах, спите в постелях больных, подобно святому Людвигу. Легко выказывать христианское милосердие, когда жизнь окружена праздниками, когда вечером отправляешься в роскошную постель, да еще и с прекрасной женщиной, когда, засыпая и просыпаясь, ты окружен многочисленным услужливым персоналом. Будьте отцом страны, а не деспотом, патриархом, а не государем. Если эта роль вам не подходит, станьте

главой демократической республики, принесите народу свободу, обеспечьте свободу доступ ко всем нравам и обычаям и делайте это с величайшей энергией, если это соответствует вашему темпераменту. Станьте Агесилаем, одним из Гракхов. Мне не понять, что вы ищете в этом изнеженном обществе, в котором все склоняются перед государем и приспосабливаются к нему, где всем умам придается одинаковая форма, а все души облачены в одинаковые костюмы. Я могу понять стремление к власти над людьми, но не над автоматами.

Макиавелли

Это все пустые речи, на которые нечего возразить. Однако такие тирады могут свергать правительства.

Монтескье

Ах, у вас всегда одна забота: каким способом вы удержитесь у власти. Если вы хотите доказать свою любовь к народу и свою заботу о его благе, от вас стоило бы потребовать лишь одного: чтобы вы на благо государства оставили свой трон. Народу, избранником которого вы являетесь, следовало бы выразить свою волю лишь для того, чтобы выяснить, как вы относитесь к его суверенитету.

Макиавелли

Что за странная мысль! Я для пользы самого народа не выполню его волю.

Монтескье

Откуда вам знать, что для народа полезней всего? Если вы подчиняетесь народу, по какому праву вы подчиняете тогда народную волю воле собственной? Если вас добровольно признали монархом не потому, что вы имели на это право, а потому, что этого требовала необходимость, на каком основании вы во всем полагаетесь на насилие и отвергаете разум? Вам следует постоянно заботиться об устойчивости вашей монархии, поскольку вы из категории тех людей, которые живут лишь одним днем.

Макиавелли

Одним днем! Я буду править всю свою жизнь, как, вероятно, и мои потомки. Вы изучили мою политическую, экономическую и финансовую систему. Не хотите ли познакомиться и с последними средствами, с помощью которых корни моего владычества проникнут в самую глубину почвы?

Монтескье

Не хочу.

Макиавелли

Вы не намерены меня более выслушивать. В таком случае вы побеждены — вы, ваши принципы, ваши ученики и все ваше столетие.

Монтескье

Если вы настаиваете, прошу продолжать. Однако пусть эта речь будет последней.

Разговор двадцать третий

Макиавелли

Я не стану касаться ваших колких речей. Здесь не место высокопарным заявлениям. Было бы явным сумасшествием, если бы к государю обратились со словами: не будете ли вы столь любезны покинуть свой трон на благо своего народа? Совершенно невозможно также сказать ему: так как вы обязаны своим существованием всеобщему избирательному праву, вы должны поставить себя в зависимость от колебаний воли народной и всегда быть открытым для любой дискуссии. Не в том ли состоит высший закон однажды завоеванной власти, что она утверждает себя, причем не только в своих собственных интересах, но и в интересах народа, которым она управляет? Разве я не принес величайшую жертву, которую только можно принести в современных услови-

ях на алтарь равноправия всех граждан государства? Разве правительство, созданное на основании плебисцита, не является окончательным выражением воли большинства? Вы скажете мне, что такой принцип уничтожает свободу народа. При чем тут я? Этот принцип однажды появился. Можете ли вы назвать мне средство, с помощью которого мир можно избавить от него? А если миру от него не избавиться, можете ли вы мне назвать средство, как осуществить этот принцип в больших европейских государствах иным способом, чем передача власти в руки одного человека? Вы столь строго судите о средствах, применяемых правителями. Покажите мне другой способ, которым можно осуществлять власть, и если нет никаких иных способов, кроме абсолютизма, тогда скажите мне, как отделить эту власть от тех характерных несовершенств, на которые она обречена вследствие своего собственного принципа. Нет, я не стану новым святым Винцентом из Паулы, поскольку моим подданным нужен не человек с ангельской душой, а человек с сильной рукой. Я не стану и Агесилаем, Ликургом и Гракхом, поскольку живу не среди спартанцев и римлян. Я живу в обществе, жадном до удовольствий, в котором жажда зрелищ соединяется с милитаристским восторгом, обаяние грубой силы с привлекательностью чувственных удовольствий, в обществе, которое отбросило прочь авторитет Бога, авторитет отца, авторитет религиозных уз. Я не создавал мира, в котором я живу. Я таков, каков этот мир. В моей ли власти остановить этот распад? Нет, я лишь могу продлить его жизнь, поскольку мир развалился бы еще быстрее, если его предоставить самому себе. Я использую пороки этого общества, потому что я вижу в нем одни только пороки. Если бы оно имело добродетели, я использовал бы его добродетели. Если моя монархия и не соответствует строгим требованиям нравственности, все же нельзя не увидеть и тех реальных услуг, которые я оказываю людям. Возможно ли не признать мою гениальность, равно как и мое величие?

Я — рука, я — меч, который умирляет революции, возбуждаемые бурей, предшествующей гибели мира. Я останавливаю безумных, которые в глубине своей души движимы лишь брутальностью собственных инстинктов и которые рыскают в поисках добычи, лишь прикрываясь благородными принципами. Если я подчиняю дисциплине эти силы, если я препятствую их распространению в моем отечестве — пусть всего лишь на одно столетие — разве я не оказываю моей стране огромной услуги? Разве я не могу претендовать и на благодарность государств

Европы, которые устремляют на меня взоры, как на бога Озириса, который один располагает силой, способной усмирить эти возбужденные массы? Загляните в будущее и проникнитесь уважением к человеку, чело которого несет на себе знак судьбы, предначертанной всему роду человеческому.

Монтескье

Вы ангел смерти, вы могли бы быть последователем Тамерлана. Низведите народы до положения рабов, и вам все равно не воспрепятствовать тому, чтоб нашлись свободные души, которые станут прекословить вам, души, презрения которых будет достаточно для того, чтобы с божьей помощью сохранить права человеческой совести, вытесненные из человеческого сознания.

Макиавелли

Бог на стороне сильного.

Монтескье

Перейдите, прошу вас, к последним звеньям цепи, вами скованной. Скуйте цепь тесную и прочную вашим молотом на вашей наковальне. Вы ведь все можете. Ведь с вами Бог, и звезда его горит над вами.

Макиавелли

Мне трудно понять возбуждение, сквозящее в ваших речах. Я вовсе не столь жесток и мрачен. Моя конечная политическая цель — не подавление, а освобождение народа. Успокойтесь же. У меня достаточно утешений для вас, которых вы и не ждали. Позвольте мне лишь принять несколько предупредительных мер, которые я считаю необходимыми для моей личной безопасности. Вы увидите, что монарх, защитивший себя подобными мерами безопасности, не имеет оснований опасаться грядущих событий.

Наши книги, написанные вами и мною, обнаруживают, что бы вы ни думали, определенные связи друг с другом, и я полагаю, что деспот, стремящийся к совершенству, должен был прочесть вашу книгу. Вы совершенно верно, к примеру, отмечаете в «Духе законов», что абсолют-

ный монарх должен окружить себя преторианской гвардией.¹ Совет действительно хорош. Я ему последую. Моя лейб-гвардия по численности составит примерно одну треть от моей армии. Я очень высоко оцениваю всеобщую воинскую повинность; она является одним из самых прекрасных изобретений французского ума, однако я полагаю, что следует усовершенствовать это учреждение, держа под ружьем по возможности большее число людей, уже исполнивших свой воинский долг. Я думаю, это мне удастся благодаря тому, что я быстро заберу власть над торговлей, которая в некоторых государствах, как, к примеру, во Франции, ведется теми, кто за деньги добровольно записываются в армию вместо призывников. Я прикрою эту отвратительную лавочку и займусь этим сам на совершенно честных и открытых принципах в форме монополии, создав фонд содействия армии, который послужит мне для того, чтобы привлечь под знамена с помощью денежной приманки таких людей, которые намерены посвятить себя полностью солдатской профессии, и удержать их теми же средствами на военной службе.

Монтескье

Таким образом вы хотите создать в своей собственной стране что-то вроде наемных войск.

Макиавелли

Да, так их назовут злобные представители разных партий, хотя я руководствуюсь только народным благом и — вполне законным — интересом сохранить самого себя, что послужит общему благу моих подданных.

Перейдем к другим вещам. Вас удивит, если я вновь вернусь к проблеме строительства. Однако я уже подготовил вас к тому, что мы должны об этом поговорить. Вы сразу же распознаете политическую идею, которая проистекает из всеобъемлющей системы предпринятого мной строительства. Тем самым я решаю экономическую проблему, которая принесла много несчастий некоторым государствам Европы, проблему постоянной занятости всего рабочего класса. Мое правительство обещает рабочим постоянную заработную плату. Когда я умру,

¹ Дух законов. Книга X. Глава 5.

когда моя система будет оставлена, не будет более никакой работы. Народ тогда ее бросит и нападет на богатых. Начнется революция: промышленность будет расстроена, кредиты уничтожены, в моем государстве будет разворачиваться восстание, в сопредельных с ним государствах поднимется народ, Европу охватит пламя. Я остановлюсь на этом и спрошу вас: скажите, разве привилегированные классы, естественным образом трясущиеся за свое состояние, не делают одно дело с рабочим классом и не связаны с ним теснейшим образом, чтобы сохранить меня и мою династию у власти, и разве, с другой стороны, заинтересованность в покое Европы не свяжет все великие державы с моей монархией? Сооружение построек, якобы имеющее ничтожное значение, является в действительности, как видите, колоссальным делом. Если речь идет о предмете огромной важности, не следует останавливаться ни перед какими жертвами. Вы заметили, что почти любая из моих политических идей связана с определенной финансовой акцией? И здесь все обстоит так. Я проведу учреждение фонда общественного труда, в который я внесу несколько сотен миллионов. С его помощью я буду стимулировать стройки, которые покроют всю территорию моего царства. Вы, вероятно, уже догадались о цели: я поддерживаю организацию рабочих. Это вторая армия, необходимая мне как противовес буржуазным партиям. Однако эта пролетарская масса, которую я буду держать в руках, не должна повернуться против меня в тот день, когда не станет больше хлеба. Об этом я позабочусь с помощью данныхстроек, поскольку в моих замыслах и предприятиях самое любопытное состоит в том, что они одновременно оказывают побочное воздействие. Рабочий, который строит для меня, ведет одновременно строительство против себя, возводя крепости, которые пригодятся для моей защиты. Не зная этого, он изгоняет сам себя из центров больших городов, его пребывание в которых меня беспокоит.

Он навсегда обрекает на неудачу успех уличных революций. На самом деле, результатом великих строек явится то, что пространство, в котором будет обитать рабочий, будет ограничено, что рабочие будут вытеснены в предместья и что они вскоре вынуждены будут покинуть и эти места, поскольку расходы на жизнь возрастут с увеличением платы за жилье. В моей столице люди, зарабатывающие поденным ручным трудом, смогут жить лишь на самых дальних его окраинах. В соответствии с этим восстания более не смогут разворачиваться в городских кварталах, расположенных в непосредственной близости от

резиденции правительства. Несомненно, вокруг столицы скопится огромная масса трудящегося населения, которого следует опасаться, когда оно приходит в ярость. Но возводимые мной постройки будут спроектированы по единому плану, который учитывает стратегические точки, т.е. они оставят достаточно места для широких улиц, по которым пушки смогут пройти от начала до конца. Эти улицы заканчиваются большим числом казарм, являющихся своего рода бастионами, набитыми солдатами, оружием и амуницией. Мой наследник будет слабоумным стариком или младенцем, если он вознамерится капитулировать перед лицом восстания, поскольку по одному мановению его руки несколько пушечных выстрелов выметут людей миль на двадцать из столицы. Но я не старик и не дитя. Кровь в моих жилах горяча, и род мой по всем признакам крепок. Вы, кстати, еще слушаете меня?

Монтескье

Да.

Макиавелли

Однако вы понимаете, что у меня нет намерений ухудшать материальные условия жизни трудящегося населения города, но я наверняка натолкнусь на трудно обходимое препятствие в деле улучшения материального положения рабочих. Однако обильные средства, которыми располагает мое правительство, наталкивают меня на следующую мысль: я построю для трудового народа большие города, в которых будут дешевые квартиры, города, в которых пролетарскую массу можно будет разделить на отдельные группы, похожие на большие семьи.

Монтескье

Такие классовые поселения называют мышиными норами.

Макиавелли

О, эта страсть к клевете, эта злобная ненависть партий, она не преминет опорочить мои мероприятия. Да, эти дома будут называть так. Меня это совершенно не волнует. Если что-то не задастся — поступлю иначе.

Я не могу закончить разговор о строительстве, не упомянув якобы незначительную мелочь. Однако в политике нет незначительного. Бесчисленные здания, которые я возведу, будут называться моим именем. Они будут заполнены надписями, рельефами, скульптурами в память о событиях моей истории. Повсюду будет вплетен мой герб и моя монограмма. Здесь ангелы держат мою корону, там возвышаются статуи справедливости и мудрости, украшенные моим именем. Все это имеет архиважное значение, я считаю это существенным: благодаря этим знакам, благодаря этим эмблемам личность монарха будет представлена повсюду; он присутствует в твоей жизни, ты вспоминаешь о нем, ты о нем размышляешь. Ощущение его абсолютной суверенности проникает в самые зачерствелые души, словно капли воды, непрерывно стекающей со скал, выдалбливают гранитный камень. По той же причине я повелю установить мои статуи и бюсты, повесить мои портреты во всех общественных помещениях, особенно в залах судебных заседаний, распоряжусь, чтобы меня изображали в королевском сиянии или верхом на коне.

Монтескье

Рядом с изображением Христа.

Макиавелли

Нет, этого не нужно, лучше напротив него. Ведь суверенная власть есть отражение власти Божественной. Так мой образ свяжется с представлением о предвидении и справедливости.

Монтескье

Даже справедливость вы оденете в униформу. Вы не христианин. Вы греческий царь Византийской империи.

Макиавелли

Я император католический, апостольский и римский. По тем же причинам, которые я вам только что растолковал, я прикажу добавлять наименование «королевский» ко всем общественным учреждениям, к какому бы виду они ни относились: Королевский суд, Королевский Верховный суд, Королевская законодательная палата, Королевский сенат,

Королевский государственный совет. То же обозначение, насколько это возможно, должны получать чиновники, служащие, официальный персонал из окружения правительства: королевский лейтенант, королевский епископ, королевский артист, королевский судья, королевский адвокат. Короче говоря, слово «королевский», приданное человеку или предмету, должно представлять собой знак власти. Лишь мой день рождения должен стать национальным, а не королевским праздником. Добавлю еще, что улицы, площади должны по возможности быть названы именами, напоминающими об истории моего правления. Если следовать этим указаниям, то можно быть уверенным, что даже если ты будешь вторым Калигулой или Нероном, твое имя навсегда будет запечатлено в памяти народной, а уважение к тебе перейдет к самым далеким потомкам. Как много всего я мог бы сказать об этом! Но я вынужден ограничить себя.

«Ведь разве удастся кому-либо рассказать обо всем, не вызвав у слушателя скуку смертную».¹

Я остановился на мелких средствах, которые буду применять. Сожалею, что придется об этом говорить, поскольку эти вещи не стоят такого внимания, но для меня они имеют жизненно важное значение.

Так, например, утверждают, что при монархических правительствах бюрократия превратится в истинную беду. Я так не думаю. Бюрократия состоит из тысячи государственных чиновников, которые совершенно естественным образом связаны с существующим порядком. У меня есть армия солдат, армия судей, армия рабочих, я хочу иметь и армию чиновников.

Монтескье

Вы совсем не даете себе труда приводить какие-либо основания.

Макиавелли

У меня есть на это время?

Монтескье

Нет. Продолжайте же.

¹ Это фраза из введения к «Духу законов».

Макиавелли

В государствах, когда-то имевших монархическое правительство, — а все они имели такое правительство, по крайней мере, один раз в ходе своей истории, — мне удалось определить безумство, охватывающее людей в погоне за орденами и знаками отличия. Монарху это почти ничего не стоит, и он может осчастливить людей, — более того, с помощью нескольких полосок ткани и нескольких пластинок золота или серебра он может приобрести надежных приверженцев. Я стану награждать почти всех без исключения, если кто того пожелает. Человек, украшенный орденом, — это преданный мне человек. Я превращу эти почетные знаки в символ, объединяющий всех моих верноподданных. Я убежден, что ценой такого значка я смогу приобрести одиннадцать из каждых двенадцати мужчин моей империи. Таким образом я, насколько это в моих силах, воплещу в реальность стремление народа к равноправию. Вы только подумайте: чем больше народ в целом привержен идее равноправия, тем большее предпочтение отдельные люди выказывают к значкам, благодаря которым они отличаются от других людей. Тем самым получаешь средство воздействия на людей, и было бы неумно отказываться от него. Вследствие этого я вовсе не склонен отказываться от своих титулов, как вы мне это порекомендовали. Я увеличу число различных титулов вместе с разного рода почетными должностями в моем окружении, я намерен возобновить при своем дворе этикет Людовика XIV, чиновничью иерархию императора Константина, строгие правила обхождения в дипломатической службе, впечатляющий церемониал. Все это средства безошибочного воздействия правительства на умы массы людей. Если все это соединить вместе, то монарх предстает, подобным Богу.

Меня уверили, что в государствах, которые в соответствии с вашими представлениями являются якобы самыми демократическими, старая аристократия времен прежней монархии ничуть не утратила своего прежнего достоинства. Своими камергерами я назначу дворян из самых древних родов. Многие древние фамилии пришли в упадок. Силою власти, данной мне как суверенному правителю, я помогу их возрождению вместе с прежними титулами, и при моем дворе вы встретите людей с самыми великими историческими именами со времен Карла Великого.

Эти идеи могут показаться вам фантастическими, однако я могу вас заверить, что они способствуют укреплению моей династии в большей степени, чем самые мудрые законы. Культ государя — это своего рода религия, и, как все религии, этот культ порождает непостижимое и мистическое, возвышающееся над любым разумом.¹ Любое из моих действий, сколь необъяснимым оно ни казалось бы, продиктовано расчетом, основой которого является мое благо и благо моей династии. Впрочем, в подобном духе я высказался и в своей книге «Государь»: «Действительно труден лишь захват власти, удержать же власть легко, поскольку в целом достаточно устранить то, что мешает ей, и ввести то, что ее защищает. Как вы смогли убедиться, суть моей политики в том, чтобы сделать себя необходимым другим, чтобы без меня нельзя было обойтись».² Я разрушил лишь такое число организованных сил, какое было необходимо для того, чтобы ничто не могло функционировать без меня, чтобы даже враги моей власти боялись ее падения.

Мне осталось еще представить моральные средства, зародыши которых содержатся в моих учреждениях. Моя монархия — это монархия радости и удовольствий. Вы не станете сердиться на меня, если я доставлю своему народу радость играми и праздниками. Тем самым я смягчу мораль. Нельзя утаить тот факт, что наш век — это век денег. Потребности удвоились, роскошь разоряет целые семьи, повсюду люди устремляются к материальным удовольствиям. Монарх не был бы человеком своей эпохи, если бы не умел обращать в свою пользу это повсеместно распространившееся сребролюбие и эту безумную тягу к чувственным удовольствиям, которые сегодня поглощают человека целиком. Люди преданы мне, если они угнетены нищетой, подавлены чувственностью, пожираемы честолюбием. Однако если я так и говорю, то по сути я руководствуюсь интересами своего народа. Да, я обращаю дурное в хорошее. Я употребляю материалистические наклонности на пользу всеобщего согласия и культуры. Я погашу политические страсти людей, дав свободу их честолюбию, их сладострастию и их потребностям. Я стремлюсь сделать слугами своего режима людей, которые при предыдущем правительстве от имени свободы поднимали наибольший шум. С людьми, обладающими большой силой характера, случается то же, что и с

¹ *Дух законов. Кн. XXV. Гл. 9.*

² *Государь. Гл. 9.*

женой богатого человека: нужно лишь удвоить цену, чтобы овладеть ею. Те из них, которые не поддадутся подкупу, не устоят перед почестями, которые им предложат. Те, кого не привлечь почестями, не устоят перед подкупом. Когда люди увидят, как свершается падение тех, кого ранее почитали как характеры чистые, то общественное мнение в этом вопросе станет столь податливым, что перестанет обращать на это внимание. Разве есть на что жаловаться? Я буду жесток лишь с теми, которые не захотят оставить политику, я стану преследовать лишь одну эту страсть, другие человеческие страсти я буду даже тайно поощрять тысячей скрытых от глаз способов, имеющихся в распоряжении абсолютной власти.

Монтескье

После уничтожения политической совести вам следовало бы уничтожить и обычную человеческую совесть. Вы убили человеческое общество, теперь вы убиваете отдельного человека. Если бы только Бог устроил все так, чтобы ваши слова были услышаны там наверху, на земле. Никогда не получили бы люди более убийственного опровержения своих учений.

Макиавелли

Позвольте мне закончить.

Разговор двадцать четвертый

Макиавелли

Мне осталось лишь указать вам на определенные особенности моего образа действий, на определенные привычки в моем поведении, которые придадут моему правлению особый облик.

Во-первых, мне хотелось бы, чтобы мои намерения казались непостижимыми даже людям из моего ближайшего окружения. В этом отношении я стремился бы уподобиться в поведении Александру VI и герцогу Валентинуа. При римском дворе говорили, что первый из них

никогда не делал того, о чем говорил, а второй никогда не говорил о том, что делал. Я сообщу о моих планах лишь тогда, когда позабочусь об их исполнении, и я отдам распоряжения в самый последний момент. Борджиа никогда не поступал иначе. Даже его министры не знали ни о чем, и его окружению всегда приходилось довольствоваться лишь догадками. У меня есть дар оставаться неподвижным, когда дичь, на которую я охочусь, появляется передо мной. В этом случае я гляжу в другую сторону, и, когда она оказывается на расстоянии протянутой руки, я неожиданно оборачиваюсь и набрасываюсь на нее прежде, чем она издаст крик.

Вы себе представить не можете, какое уважение приносит монарху такое искусство притворяться. Если оно соединяется с силой поступка, то государя окружает суеверный страх подданных. Его советники тихо спрашивают себя, что ему придет в голову на сей раз. Народ верит только в него. Когда он проходит мимо людей, те с непроизвольным страхом и трепетом думают о том, что монарх может свершить одним лишь своим взглядом. Сопредельные государства пребывают в постоянном страхе и засыпают его свидетельствами своего почтения, поскольку им никогда не известно, не обрушится ли уже сегодня или завтра на них его армия, полностью готовая к действию.

Монтескье

Вы жестко обходитесь со своим народом, склонившим голову под ярмом вашего правления, но если вы обманете государства, ведущие с вами переговоры, точно так, как вы обманываете своих подданных, то вас в скором времени раздавит их коалиция.

Макиавелли

Вы отвлекаете меня от моего предмета, я занят здесь лишь внутренней политикой. Однако если вы хотите познакомиться с одним из важнейших средств, с помощью которых я смогу подавить коалицию иностранных государств, меня ненавидящих, то я назову вам его: я владыка огромнейшего царства, я вам об этом уже говорил. Я выбрал бы среди граничащих со мной государств одну большую страну, пришедшую в упадок, но стремящуюся вновь подняться наверх. Я бы помог ей подняться очень высоко с помощью большой войны, как это было со Швецией или Пруссией и как это в самом скором времени может

произойти с Германией или Италией. И эта страна, существующая лишь моей милостью, являющаяся лишь отростком моего собственного существования, предоставляла бы в мое распоряжение, пока я оставался бы у власти, еще триста тысяч солдат против вооруженной Европы.

Монтескье

А как обстоит в этом случае дело с благом вашего собственного государства, находящимся в соседстве с возвращенной вами силой, которая станет вашей соперницей и вследствие этого в определенное время — вашим врагом?

Макиавелли

Я должен заботиться в первую очередь о сохранении себя.

Монтескье

И больше вас ничего не заботит, даже судьба вашей империи?

Макиавелли

Кто вам это сказал? Забота о моем благе — это забота о благе моей империи.

Монтескье

Над вашим королевским ликом приподнимается одна завеса за другой — я хотел бы увидеть его полностью.

Макиавелли

Не прерывайте же меня все время.

Ни один из государей, сколь одарен бы он ни был, не обладает всеми необходимыми интеллектуальными способностями. Наивысшее дарование государственного мужа заключается именно в том, что он присваивает мысли, высказываемые его окружением. Там часто можно обнаружить самые блестящие идеи. Поэтому я довольно часто буду созывать государственной совет, я буду побуждать его к дискуссиям и к проводимым в моем присутствии дебатам по самым важным вопросам. Если монарх не решается вынести собственное суждение или не обладает

даром скрыть за своими словами свое истинное мнение, пусть он молчит или говорит лишь для того, чтобы стимулировать дискуссию. Редко бывает так, что в хорошо подобранном государственном совете не найдешь правильного ответа на вопрос, какую сторону следует принять в данной ситуации. Это мнение присваиваешь себе, и один из тех людей, кто незаметно выразил свой взгляд, будет крайне удивлен, когда на следующий день увидит, какое воплощение нашла его мысль.

Во всех моих учреждениях и действиях вы могли заметить, сколь большое значение я всегда придавал сохранению видимости. Это касается как слов, которые ты произносишь, так и дел, которые ты совершаешь. Главная тонкость заключается, однако, в том, что ты заставляешь людей верить в твою честность, когда сам вовсе не намерен быть честным. Непредсказуемыми будут не только мои мысли. И слова мои почти всегда будут означать совершенно противоположное тому, о чем они якобы возвещают. Лишь посвященные проникнут в смысл типичных оборотов речи, которые время от времени будут достигать с высот моего трона ушей народа. Если я скажу, что мое правительство — это правительство мирное, то это означает, что скоро начнется война. Если я скажу, что ограничиваюсь применением оружия духа, это означает, что я прибегну к насильственным мерам. Вы понимаете меня?

Монтескье

Да.

Макиавелли

Вы слышали, что у моей прессы сотня разных голосов, которые говорят о величии моего правления, о восторженном почитании моими подданными своего монарха и одновременно вкладывают в уста публики мнения, мысли, вплоть до формулировок, которыми люди пользуются в своих разговорах. Кроме того, вы слышали, что мои министры непрестанно ошеломляют общественность своими отчетами, в достоверности которых нет сомнений. Что касается лично меня, то я крайне редко буду брать слово — лишь один раз в году по значительным поводам. Поэтому любое из моих заявлений, не только в империи, но и во всей Европе, будет рассматриваться как огромное событие. Государь, власть которого опирается на демократическое основание, должен владеть культурной, однако доступной народу речью. Если это необходимо, он не

должен бояться и демагогических приемов речи, поскольку он в своем лице представляет весь народ, и у него должны быть свои пристрастия. Он должен идти народу навстречу, слегка польстить ему и при случае пустить сентиментальность. Ему не стоит заботиться о том, чтобы в глазах образованных людей эти средства не предстали низкими или ребяческими. Народ не посчитает их таковыми, а успех оправдает все.

В своей книге я рекомендую государю подражать какому-либо одному великому человеку прошлого и по возможности идти по его стопам.¹ Сходство с историческими личностями производит на массы большое впечатление. В их фантазии ты вырастаешь, уже при жизни приобретаешь место, которое тебе отведут потомки. Кроме того, в жизни этих великих людей ты отыскиваешь аналогии, полезные указания, часто и похожие ситуации, что позволяет сделать ценные выводы. В истории ты отыщешь все важные политические учения; если ты отыскал великого человека, с которым можешь сравнить себя, то можешь пойти еще дальше. Вам известно, что народы любят просвещенных правителей, интересующихся изящными науками, обладающих собственным талантом в них. В этом случае государь не сможет найти лучшего способа занять часы своего досуга, чем, например, написать историю великого человека прошлого, которого он взял себе за образец. Пусть строгая наука осудит эти плоды человеческой слабости. Если монарх — сильная личность, ему простят эту слабость, и она придаст ему даже определенную привлекательность.

Некоторые слабости, даже и некоторые пороки, впрочем, столь же полезны государю, как и добродетели. Вы могли бы распознать истинность этого наблюдения уже по тому, как я прибегаю то к обману, то к насилию. К примеру, не следует полагать, что монарху может повредить его природная мстительность; хотя зачастую и полезно обнаружить мягкость и добросердечие, все же в определенные моменты следует давать выход своему гневу самым устрашающим образом. Человек — это подобие Божие, и божество обнаруживает в творениях своих как жестокость, так и великодушие. Если я намерен погубить своих врагов, я буду топтать их до тех пор, пока они не превратятся в пыль. Люди способны мстить лишь за мелкие несправедливости, им причиненные, против большой несправедливости они бессильны. Об этом я, впрочем, отчетливо высказался в своей книге. У государя есть выбор, когда он

¹ *Государь. Гл. 14.*

прибегает к инструменту удовлетворения своего гнева. Он всегда отыщет судей, готовых пожертвовать своей совестью ради его действий, поставленных на службу его мести или гневу.

Вам не следует опасаться, что народ когда-либо придет в волнение из-за ударов, мною наносимых. Он любит ощущать силу руки, которая направляет его, и ненавидит того, кто выделяется из общей массы, и радуется уничтожению такого человека. Вы должны подумать и о том, как легко люди все забывают. Когда время наказаний прошло, о них почти не вспоминают даже те, кого эти наказания затронули. Тацит сообщает, что в Риме во времена поздней античности жертвы прямотаки с радостью шли навстречу своим наказаниям. Вы ведь понимаете, что в наше время не идет и речи о чем-либо подобном. Нравы стали довольно мягкими. Высылка из страны, арест, лишение гражданских прав — все это довольно легкие наказания. Разумеется, не обошлось без кровопролития при установлении суверенной власти, не обошлось без нарушения многочисленных прав; однако — и я повторю это — все это забудется. Самый ничтожный шаг монарха навстречу интересам людей, несколько дружелюбных жестов со стороны его министров или чиновников будут восприняты с выражением глубокой благодарности.

Если нельзя обойтись без наказаний, проводимых с непреклонной жестокостью, то с той же пунктуальностью следует осуществлять и награждения. И я об этом никогда не забуду. Когда кто-либо окажет услугу моему правительству, он будет вознагражден за это в тот же день. Назначение на должность, вручение знаков отличия, присуждение самых высоких званий станут определенными этапами в карьере тех, кто имеют заслуги в осуществлении моей политики. В армии, в системе управления, во всех общественных учреждениях поощрение будет соизмеряться со степенью преданности служения моему правительству. Вы ничего не говорите по этому поводу.

Монтескье

Продолжайте.

Макиавелли

Я снова возвращаюсь к определенным недостаткам характера, даже к чудачествам, которые, как я полагаю, должен иметь монарх. В самом отправлении власти содержится нечто, вызывающее страх. Сколь ловок

бы ни был суверенный правитель, сколь безошибочен ни был бы его острый взгляд и сколь твердой решимостью он бы ни обладал, его существование всегда связано с чудовищным риском. Он должен быть суеверным. Не думайте, что это не имеет значения. В жизни государя встречаются столь тяжкие ситуации, столь тяжеловесные мгновения, что человеческая прозорливость здесь отказывает. В таких случаях можно чуть ли не гадать, бросая кости, о том, как же поступить. Метод, которому я бы следовал, заключается в том, чтобы при определенном положении вещей придерживаться исторических дат, предпочитать приносящие счастье памятные дни и принимать то или иное смелое решение в тот счастливый для меня день, когда я одержал победу или осуществил удачное предприятие. Я могу сказать вам, что суеверие обнаруживает и еще одно большое преимущество, если народу известна эта склонность своего монарха. Предприятия, поставленные в зависимость от подобных счастливых обстоятельств, удаются чаще других. Эти предначертания следует использовать и тогда, когда ты уверен в успехе. Народ, который судит о правителе по его успехам, привыкает к вере в то, что любое деяние монарха предопределено расположением звезд и что дело, начатое в историческую минуту, принесет счастье.

Монтескье

И этим сказано последнее: вы игрок.

Макиавелли

Совершенно верно, но мне при этом везет самым неслыханным образом. Моя рука столь тверда, в моей голове столько идей, что счастье не сможет отвернуться от меня.

Монтескье

Поскольку вы набрасываете свой портрет, вам можно обладать и другими пороками или — по вашей оценке — добродетелями, которые вы сами себе прощаете.

Макиавелли

Простите мне чувственность. Страсть к женщинам сослужит авторитету монарха значительно большую службу, чем вы можете предпо-

ложить. Генрих IV частью своей популярности был обязан излишества, которые он себе позволял. Люди таковы, что им нравится эта черта в правителях. Выходить за рамки добродетели стремились во все времена, и в галантной сфере разворачивалось соревнование, в котором государь обязан был опережать других, подобно тому, как он на поле боя вел за собой своих солдат на врага. Так думают французы, и я полагаю, что знаменитому автору «Персидских писем» это обстоятельство не будет слишком несимпатичным. Я не позволю себе обратиться к слишком непристойным мыслям, однако не могу удержаться от того, чтобы сказать вам: к наиболее осязаемому результату галантного поведения государя следует отнести то, что он тем самым овладевает симпатиями всей прекрасной половины его подданных.

Монтескье

Это приобретает поэтическую окраску.

Макиавелли

Можно преследовать самые серьезные цели и быть при этом галантным. Вы сами явили подобный пример. Мне нечего убрать из моего предложения. Влияние женщин на общественное мнение значительно. Если монарх хочет быть хорошим политиком, он просто обречен на то, чтобы завязывать любовные связи, даже если это ему в общем и целом не по душе. Впрочем, такое бывает редко. Могу вас заверить, что в моем царстве мало кто будет пекся о свободе, если я буду соблюдать только что установленные мною правила. У людей будет государь, крепкий телом, способный на излишества, на рыцарское обхождение, ловкий в любых физических упражнениях, и его будут любить. Люди более серьезные ничего не смогут здесь изменить. Приходится плыть по течению; более того, люди с самостоятельными характерами будут пользоваться дурной славой, от них будут держаться подальше. Никто не поверит ни в твердость их характера, ни в их бескорыстие. К ним будут относиться как к недовольным, только и ждущим того, чтобы их купили. Если бы я не поддерживал одаренных людей, их гнали бы отовсюду, совесть топтали бы с такой же легкостью, как брусчатку на улице. Однако в основе основ я буду все же монархом со строгой нравственностью. Я не допущу, чтобы люди переходили определенные границы. Я сделаю так, что станут уважать приличия, требуемые в общественной

жизни. Грязь не пристанет ко мне, поскольку вину за все, что вызовет ненависть к моему правительству, я возложу на других. Самое плохое, что обо мне скажут,— это будет то, что, хотя я и добрый монарх, меня окружают злые люди, что помыслы мои устремлены к наилучшему, что я со всем усердием стремлюсь к этому и всегда останусь таковым, если только обратить на это мое внимание.

Если бы вы только знали, как легко править страной, обладая абсолютной властью. Вы не столкнетесь ни с какими противоречиями, ни с каким сопротивлением. Можно спокойно следовать своим планам, есть время, чтобы исправить ошибки, если таковые совершены. О счастье народа можно заботиться и без участия оппозиции, поскольку забота об этом никогда не покидает меня. Могу заверить вас, что в моей империи не будет скуки. Умы людей будут постоянно заняты тысячей самых разнообразных вещей. Я подарю народу зрелище моих экипажей и праздничных выездов моего двора, подготовлю большие празднества, заложу сады и парки, приглашу в гости королей, стану принимать посольства из самых дальних стран. Целыми месяцами люди будут судачить то о предстоящей войне, то о дипломатических осложнениях. Я не останавлиюсь на этом. Я удовлетворю и манию свободы. Войны, ведущиеся моим правительством, будут вестись во имя свободы народов и независимости наций, и, когда мой народ будет ликовать по поводу моих победоносных походов, я тайно скажу на ухо другим абсолютным монархам: не бойтесь ничего, я ваш, я ношу такую же корону, и я надеюсь ее сохранить. Я заключу европейскую свободу в свои объятия, но сделаю это с одной целью — чтобы задушить ее.

Лишь одно на короткое мгновение сможет омрачить мое счастье — и это будет день, когда повсюду узнают, что моя политика лишена чести, что все мои деяния построены на расчете.

Монтескье

И кто же будет столь слеп, что не увидит этого?

Макиавелли

Весь мой народ, за исключением отдельных кругов, до которых мне нет дела. Я в своем ближайшем окружении воспитал целую школу политиков, представляющих собой относительно большую силу. Они не представляют себе, сколь заразителен макиавеллизм и как легко следо-

вать его заветам. Во всех правительственных учреждениях найдутся люди, не имеющие характера вовсе или имеющие лишь слабый характер,— настоящие маленькие Макиавелли, которые умеют хитрить, притворяться и лгать с непоколебимым хладнокровием. В таком случае правда никогда не выйдет наружу.

Монтескье

Если вы, Макиавелли, от начала до конца нашей беседы разыгрывали меня, как я полагаю, то ирония эта — ваше самое блестящее достижение.

Макиавелли

Ирония! Если вы так считаете, вы очень и очень ошибаетесь. Разве вы не понимаете, что я говорил здесь без всякого приукрашивания, и чудовищная сила истины придает моим словам тот тон, который, как вам показалось, в них звучал.

Монтескье

Вы закончили.

Макиавелли

Еще не совсем.

Монтескье

Так заканчивайте же.

Разговор двадцать пятый

Макиавелли

Я буду править так десять лет, не предпринимая никаких изменений в моем однажды принятом законодательстве. Конечного успеха можно достичь лишь такой ценой. Ничто, абсолютно ничто не должно изме-

няться за это время. Крышка, которой закрыт паровой котел, должна быть тяжелой, как свинец. И в течение этого времени завершится процесс распада оппозиционного духа. Вы подумаете, что люди будут ощущать неудобства, что станут жаловаться. Вовсе нет! Будет непростительной ошибкой, если я допущу это. Если же гайки закручены очень сильно, если я придавлю мой народ самым тяжелым бременем, люди скажут: у нас то правительство, которого мы заслужили, и мы должны его терпеть.

Монтескье

Довольно близоруко использовать это в качестве оправдания собственного господства, не понимая, что эти слова, будучи произнесенными, вызовут в людях сильную тоску по прошлому. В этих словах звучит фатализм стойка, возвещающий о вашем судном дне.

Макиавелли

Не прерывайте меня. Затем настанет день ослабить гайки, я верну народу некоторые свободы.

Монтескье

Было бы в тысячу раз лучше, если бы вы довели свой гнет до крайних пределов. Народ ваш ответил бы вам: оставьте себе то, что вы у нас отняли.

Макиавелли

В ваших словах я распознаю непримиримую ненависть оппозиции. Она не признает ничего из того, что относится к ее политическим противникам, абсолютно ничего, даже их благие дела.

Монтескье

Нет, Макиавелли, мы не желаем иметь с вами ничего общего, совершенно ничего! Жертва, ведомая на плаху, не приемлет благих дел своего палача.

Макиавелли

Мне чрезвычайно легко узреть тайные замыслы моих врагов. Эти люди воображают, надеются, что силы, на которые я оказываю давление,

рано или поздно отбросят меня прочь. Это бессмыслица! Они узнают меня лишь тогда, когда я доведу свой труд до конца. Что необходимо в политике, чтобы при сильнейшем давлении избежать любой опасности взрыва? Требуется незаметное отверстие, клапан. И у меня он будет.

Я не дам народу сколько-нибудь заметных свобод, это совершенно определено. Необходимо будет сначала оценить, до какой степени абсолютизм вошел уже в привычку. Готов заключить любое пари, что при первых же слухах о даровании этих свобод в моем ближайшем окружении раздадутся голоса недовольных. Мои министры, мои государственные советники заявят, что я выпускаю из рук рулевое колесо, что все потеряно. Во имя государственного блага, во имя блага страны меня будут заклинять не делать ничего подобного. Народ скажет: о чем он, собственно, думает? Его гений покидает его. Люди равнодушные скажут: этот человек мертв.

Монтескье

И все они будут правы. Ведь один современный писатель сказал (а в его словах заключается глубокая истина): «Если у людей захотят отнять их права, то не следует делать это наполовину. То, что у них останется, послужит им лишь для того, чтобы снова завоевать отнятое у них. Рука, оставшаяся свободной, освободит другую руку от пут».

Макиавелли

Это очень верно продумано. Это совершенно правильно. Я знаю, что захожу очень далеко. Вы, надеюсь, понимаете, что по отношению ко мне проявляют несправедливость, что я люблю свободу больше, чем полагают. Вы спросили меня недавно, могу ли я отказаться от самого себя, могу ли я пожертвовать собой ради своего народа, могу ли я в определенном случае оставить трон. Вот мой ответ: я оставлю трон, но лишь как мученик.

Монтескье

Ваше мнение заметно смягчилось. Какие свободы вы вернете народу?

Макиавелли

Я позволю законодательной палате по случаю Нового года преподнести мне свои пожелания в форме приветственного адреса.

Монтескье

Поскольку преобладающее большинство депутатов палаты вам предано, что они смогут преподнести вам, кроме изъявлений благодарности и доказательств своего восхищения и почитания?

Макиавелли

Что же! Разве эти доказательства не естественны?

Монтескье

Это все свободы, о которых вы хотели сказать?

Макиавелли

Однако эта первая уступка все же достаточно значима, чтобы вы ни говорили против нее. Но я на этом не останавлиюсь. Во всей Европе происходит сейчас движение, направленное против централизации, причем движение не в массах, а, скорее, в кругах людей образованных. Я осуществлю децентрализацию, т. е. наделю моих губернаторов в провинциях правом решать множество мелких локальных вопросов, решение которых прежде зависело от моих министров.

Монтескье

Вы сделаете свою тиранию еще более невыносимой, если не примете во внимание в этой реформе саму общину.

Макиавелли

Вот вам та загадочная спешка, с которой все, кто требуют реформ, рвутся вперед. По пути свободы следует передвигаться осторожными шагами. Однако я не ограничусь лишь тем, о чем сказал. Я дарую свободу в сфере деловой жизни.

Монтескье

Вы уже говорили об этом.

Макиавелли

Ведь я всегда испытывал симпатию к промышленности. Я не хотел бы, чтобы говорили, будто мое законодательство вследствие моего чрезмерного недоверия к народу препятствует ему самостоятельно заботиться о жизненных средствах. По этой причине я предложу палатам законы, цель которых — воспрепятствовать запретам на создание торговых компаний. Впрочем, терпимость моего правительства в этом вопросе делает эту меру вовсе излишней, и поскольку нельзя, в конце концов, выпускать оружие из рук, то в этом законе ничего не изменят, кроме его формулировки. Сегодня в палатах есть депутаты, которые весьма охотно идут на такие невинные уловки.

Монтескье

Это все?

Макиавелли

Да. Ведь и этого много — может быть, слишком много. Однако я верю, что могу быть за это спокойным. Моя армия воодушевлена, мое чиновничество верно мне, а мое уголовное законодательство функционирует с регулярностью и точностью тех ужасных, способных на все машин, которые изобретены современной наукой.

Монтескье

Итак, вы не внесете никаких изменений в законы о печати?

Макиавелли

Журналисты сами того не пожелают.

Монтескье

И никаких изменений в законы об управлении общинами?

Макиавелли

Это совершенно невозможно.

Монтескье

И никаких изменений в вашу систему воздействия на всеобщее голо-
сование?

Макиавелли

Нет.

Монтескье

И ничего в систему организации сената, законодательной корпора-
ции, в систему внешней и внутренней политики, в вашу экономику,
финансовое хозяйство?

Макиавелли

Я внесу только те изменения, о которых я вам сказал. Чтобы было
яснее, могу сказать, что я покину эпоху террора и встану на путь толерант-
ности. Я могу сделать это совершенно безопасно. Я мог бы даже вер-
нуть народу подлинные свободы, поскольку надо совсем утратить по-
литическое чутье, чтобы не распознать, что мое законодательство за
установленный мной период принесло все свои плоды. Я достиг постав-
ленной цели. Изменился характер народа. Послабления, которые я ему
даровал, были для меня лишь мерой величия моего успеха. Все теперь
достигнуто, все свершилось. Сопротивление более невозможно. Более
не существует подводных камней, на которых я мог бы потерпеть кру-
шение. Вообще более ничего нет! И по этой причине я не стану ничего
возвращать. Вы уже высказались на этот счет: так выглядит истина на
практике.

Монтескье

Поторопитесь же закончить, Макиавелли. Пусть моя тень никогда
вновь не встретится с вами, пусть Бог сотрет из моей памяти без остатка
все, что я услышал.

Макиавелли

Будьте осмотрительны, Монтескье. До тех пор пока начинающаяся сейчас минута не канет в бесконечность, вы в страхе будете бежать за мной, и мысль об этой беседе принесет вечные мучения вашей душе...

Монтескье

Говорите же.

Макиавелли

Итак, вернемся к делу. Я совершил все, о чем рассказал вам. С помощью этих уступок либеральному духу моей эпохи я лишил оружия злобствующую оппозицию.

Монтескье

Вы все же не отбрасываете маску притворства, к которой уже прибегали, чтобы совершить преступления, которые еще не были описаны ни на одном из языков человечества. Следовательно, вы хотите, чтобы я покинул вечный мрак для борьбы с вами. Но Макиавелли! Вы ведь сами не учили людей такому унижению! Не вы искушали людей поступать против совести, не вы набрали на мысль превратить душу человеческую в грязь, в которой божественный творец не распознает более своего земного подобию.

Макиавелли

Это так, меня в этом превзошли другие.

Монтескье

Ступайте же прочь. Не продолжайте ни секунды эту беседу.

Макиавелли

Я закончу свою речь до того, когда тени, толпящиеся там внизу и приближающиеся к нам, достигнут той темной пропасти, которая еще отделяет нас от них. Когда они достигнут того места, вы меня более не увидите и напрасно будете взывать ко мне.

Монтескье

Так закончите же свою речь. Это должно стать наказанием за ту неосмотрительность, которую я допустил, ввязавшись в эту бесчестную словесную перепалку.

Макиавелли

О, свобода! С какой же силой ты удерживаешь души некоторых людей, в то время как весь народ презирает тебя или, потеряв тебя, утешается парой детских забав. Позвольте рассказать вам по этому поводу одну очень короткую историю. Дион повествует о том, что римский народ был недоволен Августом, поскольку некоторые законы, им изданные, были слишком жесткими, но недовольство улеглось, когда он вернул из ссылки комедианта Пилада, которого революционеры изгнали из города.

Такая вот история. А вот и вывод, который делает автор: «Этот народ ощущал большую тиранию тогда, когда был изгнан комедиант, чем тогда, когда у него были отняты все права».¹ Вам известен автор этих строк?

Монтескье

Меня это не волнует.

Макиавелли

Узнайте же самого себя, ведь это были вы. Что же можно спросить с меня, если я вижу вокруг себя только низких людей? И при моем правлении будут существовать комедианты, и они должны повести себя совсем уж дурно, чтобы я решился выкинуть их вон.

Монтескье

Я не уверен, что вы точно процитировали мои слова, однако я приведу вам цитату, за которую могу отвечать:

«Характер государя столь же сильно воздействует на свободу народа, как и законы. Он, как и законы, может превратить людей в живот-

¹ Монтескье в «Духе законов». Кн. XIX. Гл. 2.

ных, а животных превратить в людей. Если он любит свободные умы, то он будет управлять подданными, если же ему любезны низкие характеры, он будет управлять рабами».

Вот мой ответ. И если бы я сегодня хотел что-либо добавить к этой цитате, то сказал бы следующее: «Если нравственность, живущая в народе, изгнана от двора королей, там находит распространение бесстыдная продажность, проникающая лишь в души тех, кто связан с дурным правителем. Любовь к добродетели живет в сердцах народа, и власть ее так велика, что стоит только злому государю исчезнуть, как снова, благодаря силе, скрывающейся в самом предмете, нравственность возвращается одновременно со свободой во всех деяниях правительства».

Макиавелли

Красиво сказано и просто сформулировано. Вам только не повезло с тем, о чем вы тут сказали, по той причине, что в умах и сердцах моего народа я сам — воплощенная добродетель, даже более того, я — воплощение свободы, равно как и воплощение революции, прогресса, современного духа и, наконец, всего положительного, что только есть в культуре моей эпохи. Я не утверждаю, что меня уважают и любят, однако я утверждаю, что меня почитают, что народ буквально обожествляет меня, что мне, если бы я того пожелал, стали бы воздвигать алтари, поскольку судьба — и вы должны это понять — наградила меня даром воздействия на массы. В вашей стране обезглавили Людовика XVI, со всей искренностью, со всем пылом своей истинно честной души желавшего для своего народа только хорошего, а незадолго до этого возводили алтари в честь Людовика XIV, который о народе заботился меньше, чем о самой ничтожной из своих метресс, который по малейшему поводу отдавал приказ стрелять в толпу, в то время как играл с Лозоном в кости. Однако народная воля, на которой основывается моя власть, подняла меня много выше Людовике XIV. Я — Вашингтон, я — Генрих IV. Я — святой Людовик, я — Карл Мудрый. Я привожу в пример ваших лучших королей, чтобы оказать вам тем самым честь. Я одновременно — король Египта и Азии, я фараон, Кир, Александр, я Сарданапал. Сердца народа бьются сильнее, когда я прохожу в толпе. Народ, словно в опьянении, бежит вслед за мной. Мне поклоняются, как кумирам. Отец ука-

зывает на меня своему сыну, мать произносит в своих молитвах мое имя, молоденькая девушка поднимает свой взор на меня, вздыхая при этом и думая, что, если мой взгляд случайно упадет на нее, она когда-нибудь сможет покоиться на моем ложе. Если несчастного человека одолели заботы, он говорит: знал бы об этом король. Если кто-то хочет прибегнуть к мести и надеется на помощь, то он говорит: пусть об этом узнает король. Вообще же никого из тех, кто придет ко мне, я не отпущу, не осыпав золотом. Люди из моего окружения жестокосерды, склонны к насилию, часто заслуживают того, чтобы их подвергли телесному наказанию, но все и должно так обстоять. Ведь их ненавистный, презренный характер, их низменные стремления, произвол, их бесстыдная роскошь, их грязная похоть резко контрастируют с моим мягким нравом, с моими скромными привычками, с моим безграничным великодушием. Скажу вам, что мне будут поклоняться, как Богу. Если разразится непогода, резко возрастут пени, случится большой пожар, я устремлюсь на место действия, народ бросится к моим ногам,— он вознес бы меня на руках прямо к небу, если бы Господь дал ему крылья.

Монтескье

Что нисколько не помешало бы вам при малейших признаках сопротивления разогнать его с помощью оружия.

Макиавелли

Это верно. Ведь не существует любви без страха.

Монтескье

Закончился ли этот кошмарный сон?

Макиавелли

Сон! О, нет, Монтескье! Вам долго еще придется стенать. Порвите свой «Дух законов», упросите Бога, чтобы он даровал вам с небес забвение, поскольку сейчас выступит на свет страшная истина, о которой вы, пожалуй, уже догадывались. Все то, о чем я вам рассказал, не сон и не фантазия.

Монтескье

Что вы этим хотите сказать?

Макиавелли

Все, что я описал для вас подробно, все эти чудовищные вещи, от которых наш дух отвращает свой лик, это дело, которое был бы способен совершить сам дьявол,— все это нашло свое воплощение, все это существует, все это цветет пышным цветом, сейчас, в этот час и в это мгновение в том месте на земле, которое мы с вами покинули.

Монтескье

Где же?

Макиавелли

Нет, я не смогу сказать вам этого. Это значило бы заставить вас умереть во второй раз.

Монтескье

Говорите же, заклинаю вас небом!

Макиавелли

Ну что ж...

Монтескье

Что?

Макиавелли

Мой час настал? Разве вы не видите, как буря несет меня прочь!

Монтескье

Макиавелли!!!

Макиавелли

Вы видите тени, пролетающие мимо вас так близко с закрытыми глазами? Вы узнаете их? Это ваши герои свободы, благодаря которым вам завидовал весь мир. Теперь они требуют от Бога вернуть им их отечество...

Монтескье

Господь вездесущий, и ты допустил это!..

ISBN 5-8110-0078-2

Морис Жоли
Разговор в аду между Макиавелли и Монтескье
Перевод с немецкого «МК-Трейд»
Художественное оформление М. Л. Черненко
Санкт-Петербург, 2004

Подписано в печать 11.11.2004. Формат 60гг×84¹/₁₆,
бумага офсетная, печать офсетная, усл. печ. л. _____,
тираж 990 экз. Заказ № _____, издательство «МК-Трейд»
Российская Федерация, 198035, Санкт-Петербург,
Межевой канал, 8, тел: (812) 114-95-42

Отпечатан с готовых диапозитивов в типографии «Рубеж»

© «МК-Трейд»